

АЗИАТСКО- ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН:

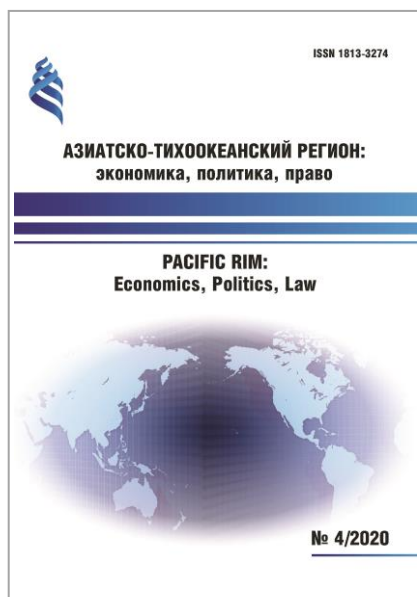
экономика, политика, право

**Научный
журнал**

Основан в 1999 году

**2020
№ 4**

Учредитель:

- Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-65746 от 20.05.2016
- ISSN 1813-3274 (печатная версия)
- ISSN 2499-9474 (онлайн)
- Индекс 83612
- DOI <https://doi.org/10.24866/1813-3274>
- Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук.
- Журнал индексируется в базах данных РИНЦ, «Киберленинка», Google Scholar, Publons, Ulrich и др.

Адрес редакции:

690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, кампус ДВФУ
корп. А(24), к. А920–923

Дальневосточный федеральный университет

Тел.: +7 (423) 265-24-24 (* 2716)

© ФГАОУ ВО ДВФУ, 2020

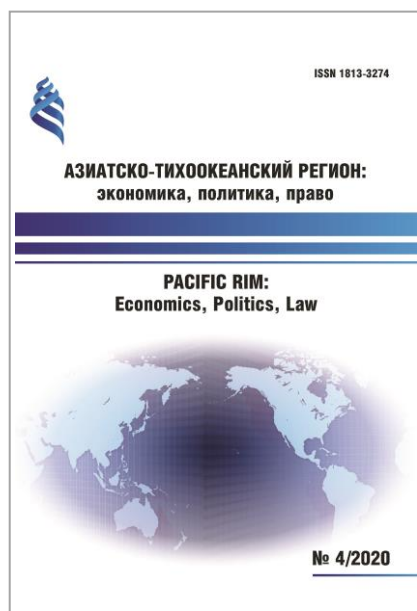
PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law

Research Journal

The Journal was established in 1999

2020
No 4

Founder:

- Registration certificate ПИ № ФС 77-65746 of May 20, 2016
- ISSN 1813-3274 (Print)
- ISSN 2499-9474 (Online)
- Index 83612
- DOI <https://doi.org/10.24866/1813-3274>
- The Journal has been recommended by the Higher Certification Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, for publication of major results of Candidate and Doctoral Dissertations.
- The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index, Cyberleninka, Google Scholar, Publons, Ulrich, & others.

Address:

690922, Vladivostok, Russky Island, 10 Ajax Bay, FEFU Campus

Building A (24), office A920–923

Far Eastern Federal University

Phone: +7 (423) 265-24-24 (* 2716)

© FEFU, 2020

Председатель редакционного совета журнала

**КНЯЗЕВ
Сергей
Дмитриевич** судья Конституционного Суда Российской Федерации, заведующий кафедрой конституционного и административного права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, профессор кафедры административного права Юридического факультета СПбГУ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

Главный редактор журнала

**КОРОБЕЕВ
Александр
Иванович** заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Владивосток, Россия

Заместители главного редактора

**ГАВРИЛОВ
Вячеслав
Вячеславович** доктор юридических наук, доцент, директор Юридической школы, заведующий кафедрой международного публичного и частного права Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия

**КУЗНЕЦОВА
Наталья
Викторовна** профессор кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, Владивосток, Россия

**МАМЫЧЕВ
Алексей
Юрьевич** профессор кафедры теории и истории государства и права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор политических наук, доцент, Владивосток, Россия

Ответственный секретарь

**КОРОЧЕНЦЕВ
Владимир
Владимирович** заведующий кафедрой общей и экспериментальной химии Школы естественных наук Дальневосточного федерального университета, кандидат химических наук, доцент, Владивосток, Россия

Редакционный совет журнала

- БАКЛАНОВ**
Пётр
Яковлевич академик Российской академии наук, научный руководитель Тихоокеанского института географии Дальневосточного отделения Российской академии наук, доктор географических наук, Владивосток, Россия
- БЕЛКИН**
Виктор
Григорьевич советник директора Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Владивосток, Россия
- ВАНДЕРХЗВААГ**
Дэвид директор Института морского и экологического права, Юридическая школа им. Шулиха, Университет Дэлхаузи, PhD, профессор, Галифакс, Новая Шотландия, Канада
- КАПУСТИН**
Анатолий
Яковлевич научный руководитель Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, президент Российской ассоциации международного права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Москва, Россия
- КОШЕЛЬ**
Алексей
Сергеевич проректор по общим вопросам Дальневосточного федерального университета, кандидат политических наук, доцент, Владивосток, Россия
- КУРИЛОВ**
Владимир
Иванович член международного экспертного совета при Верховном Суде Китайской Народной Республики, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Владивосток, Россия
- ЛИ**
Ик Хён вице-президент Университета Моквон, Республика Корея
- ПАК**
Ноенг профессор права Юридической школы Университета Корё, директор Центра киберправа Университета Корё, президент Центра международных исследований киберправа в Корее, Сеул, Республика Корея, почётный доктор Юридической школы Дальневосточного федерального университета
- ПАНОВА**
Инна
Викторовна профессор департамента публичных дисциплин факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», судья Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в отставке, доктор юридических наук, профессор, Москва, Россия
- РОГОВ**
Игорь
Иванович заместитель исполнительного директора Фонда первого президента Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель Республики Казахстан, Нур-Султан, Республика Казахстан

- СЕВАСТЬЯНОВ
Сергей Витальевич** профессор кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, доцент, доктор политических наук, Владивосток, Россия
- ТРЕТЬЯК
Ольга
Анатольевна** заведующая кафедрой стратегического маркетинга факультета бизнеса и менеджмента Школы бизнеса и делового администрирования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор экономических наук, профессор, Москва, Россия
- ФУ
Куенчен** профессор Юридического института «Кайюань» Шанхайского транспортного университета, Шанхай, Китайская Народная Республика
- ХУАН
Даосю** председатель Научно-исследовательского центра по изучению российского права, профессор, Пекин, Китайская Народная Республика
- Редакционная коллегия журнала*
- АРАНОВСКИЙ
Константин
Викторович** судья Конституционного Суда Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
- ВОТИНЦЕВА
Людмила
Ивановна** член-корреспондент Российской академии естественных наук, профессор кафедры современного банковского дела Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования, Владивосток, Россия
- ЖАРИКОВ
Евгений
Прокофьевич** профессор кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, Владивосток, Россия
- КОРОТКИХ
Наталья
Николаевна** профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, Владивосток, Россия
- НОМОКОНОВ
Виталий
Анатольевич** профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, Владивосток, Россия
- ПЕСЦОВ
Сергей
Константинович** профессор кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, доктор политических наук, профессор, Владивосток, Россия

Chairman of Editorial Council

Sergey D. Knyazev Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Chair of Department of Constitutional and Administrative Law, Far Eastern Federal University, Professor of Department of Administrative Law, Faculty of Law, Saint Petersburg State University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia

Editor-in-Chief

Alexander I. Korobeev Chair of Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Vladivostok, Russia

Deputy of Editor-in-Chief

Vyacheslav V. Gavrilov Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Law School, Chair of Department of International Public and Private Law of the Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

Natalia V. Kuznetsova Professor of Department of World Economy, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Doctor of Economics, Professor, Vladivostok, Russia

Alexey Yu. Mamychev Professor of Department of Theory and History of State and Law, School Law, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Vladivostok, Russia

Assistant editor

Vladimir V. Korochoentsev Chair of Department of General and Experimental Chemistry, School of Natural Sciences, Far Eastern Federal University, Candidate of Sciences (Chemistry), Associate Professor, Vladivostok, Russia

Members of Editorial Council

Petr Ya. Baklanov Academician of Russian Academy of Sciences, scientific director of Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of RAS, Doctor of Geographical Sciences, Vladivostok, Russia

Victor G. Belkin Advisor to the Director of School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor, Vladivostok, Russia

David VanderZwaag Director of Institute of Marine and Environmental Law, Schulich School of Law, Dalhousie University, PhD, Professor, Halifax, Nova Scotia, Canada

- Anatoly Ya. Kapustin** Scientific Director of the Institute of Legislation and Comparative Law Research under the Government of the Russian Federation, President of Russian Association of International Law, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Russia
- Alexey S. Koshel** Vice-President for General Affairs, Far Eastern Federal University, Candidate in Political Science, Associate Professor, Vladivostok, Russia
- Vladimir I. Kurilov** Member of International Expert Committee within the Supreme Court of People's Republic of China, Honored Educationalist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russia
- Ik Hyeon Rhee** Vice President, Mokwon University, the Republic of Korea
- Park Nohyoung** Professor of Law of Korea University, Director of Cyber Law Center, Korea University, President of Center for International Cyber Law Studies in Korea, Seoul, Republic of Korea, Honorary Doctor of the Law School, Far Eastern Federal University
- Inna V. Panova** Professor of Department of Public Disciplines, Faculty of Law, National Research University, Higher School of Economics, Retired Judge of Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Moscow, Russia
- Igor I. Rogov** Deputy of Executive Director, Foundation of the First President of Kazakhstan, Doctor of Law, Professor, Honored Researcher of the Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan, the Republic of Kazakhstan
- Sergey V. Sevastyanov** Professor of Department of International Relations, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Vladivostok, Russia
- Olga A. Tretyak** Head of the Department of Strategic Marketing, Faculty of Business and Management, School of Business and Business Administration, National Research University Higher School of Economics, Doctor of Economics, Professor, Moscow, Russia
- Fu Kuen-chen** Professor, Ko Guan Law Institute of Shanghai Jiao Tong University, Shanghai, People's Republic of China
- Huang Daoxiu** Chairman of the Research Centre for the Study of Russian Law, Beijing, Professor, People's Republic of China

Members of Editorial board

- Konstantin V. Aranovsky** Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia
- Lyudmila I. Votintseva** Professor of Department of Modern Banking, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Honored Educationalist, Doctor of Economics, Professor, Vladivostok, Russia
- Evgeny P. Zharikov** Professor of Department of World Economy, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Professor, Vladivostok, Russia
- Natalia N. Korotkikh** Professor of Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russia
- Vitaly A. Nomokonov** Professor of Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russia
- Sergey K. Pestsov** Professor of Department of International Relations, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Professor, Vladivostok, Russia

Содержание

К читателям журнала	11
--------------------------------------	----

ЭКОНОМИКА

<i>Васюкова Л. К., Литвиненко А. Е.</i> Методический инструментарий интегральной оценки финансовой доступности в условиях цифровизации финансовых рынков	15
<i>Намжилова В. О.</i> Республика Бурятия в российско-монгольской торговле . . .	35
<i>Фу Цзао.</i> Перспективные пути развития прямых продаж международной электронной торговли между Китаем и Россией	44
<i>Мосолова Н. А.</i> Анализ структуры и показателей экономического потенциала сферы агростраховых услуг	60

ПОЛИТИКА

<i>Хабибулин В. А., Хабибулина О. В.</i> Конституционно-политический кризис в Канаде: опыт урегулирования	78
<i>Демидова С. Е., Воронина Н. Л.</i> Политика устойчивого развития как основа управления общественными финансами (на примере Швейцарии)	91

ПРАВО

<i>Коробеев А. И., Шишов, А. А.</i> Воспрепятствование оказанию медицинской помощи (ст. 124 ¹ УК РФ): вопросы толкования и правоприменения	105
<i>Присекина Н. Г., Соколовская Т. А.</i> Отдельные особенности правового режима Свободного порта Владивосток и территорий опережающего социально-экономического развития для иностранных инвесторов	118
<i>Князева Н. А.</i> Международный суд по делам о морском пиратстве: проблемы создания и функционирования	128
<i>Басова Т. Б., Гудков А. П.</i> Преступное мошенничество в сфере публичных закупок: законотворческий опыт Республики Корея	138

Contents

To the Readers	11
ECONOMICS	
<i>Vasyukova Ludmila K., Litvinenko Anastasia E.</i> Methodological tools for the integral assessment of financial availability in the context of digitalization of financial markets	15
<i>Namzhilova Victoria O.</i> Republic of Buryatia in Russian-Mongolian trade	35
<i>Fu Jiao.</i> The future of cross-border e-commerce direct sales between China and Russia	44
<i>Mosolova Nina A.</i> Analysis of the structure and indicators of economic potential of agricultural insurance services	60
POLITICS	
<i>Khabibulin Vladimir A., Khabibulina Olga V.</i> Constitutional and political crisis in Canada: the experience of regulation	78
<i>Voronina Natalia L., Demidova Svetlana E.</i> Sustainable development policy as a cornerstone of public financial management in Switzerland	91
LAW	
<i>Korobeev Alexander I., Shirshov Alexey A.</i> Obstruction in providing medical care (art. 124 ¹ of the Criminal Code of the Russian Federation) – issues of interpretation and law enforcement	105
<i>Prisekina Natalia G., Sokolovskaya Tatyana A.</i> Certain peculiarities of the legal regime of the Free Port of Vladivostok and advanced special economic zones for foreign investors	118
<i>Knyazeva Natalya A.</i> International court of maritime piracy cases: problems of establishment and functioning	128
<i>Basova T. B., Gudkov A. P.</i> Criminal Fraud in the Sphere of Public Purchasing: Legislative Experience of the Republic of Korea.	138

К читателям журнала

Издаваемый Дальневосточным федеральным университетом с 1999 года журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» является рецензируемым научным журналом и публикует материалы, связанные с научным осмыслением динамичного развития Азиатско-Тихоокеанского региона как российскими, так и зарубежными авторами.

Цель журнала – нести знания и информацию, предоставляя возможность российским и зарубежным учёным, представителям органов власти и крупного бизнеса, непосредственно участвующим в политической и социально-экономической жизни региона, высказывать собственные мнения и суждения относительно проблем развития АТР и Дальнего Востока России.

Материалы журнала адресуются руководителям организаций, учёным, преподавателям и студентам. В журнале глубоко и профессионально освещаются проблемы в экономической, политической и правовой сферах через их интерпретацию в практической плоскости.

Журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» имеет широкий охват как по авторам публикаций, привлекая исследователей из большого количества регионов Российской Федерации и стран Азиатско-Тихоокеанского региона, так и по членам Редакционной коллегии и Редакционного совета, в которых представлены ведущие университеты России и мира.

Журнал в своей публикационной активности также имеет широкий охват предметных областей, что позволяет ему аккумулировать экспертизу по самому широкому спектру научной проблематики развития АТР и Дальнего Востока России.

По состоянию на 25 декабря 2020 года журнал включён в *Перечень ВАК* по следующим научным специальностям:

Экономические науки:

08.00.01 – Экономическая теория.

08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности).

08.00.14 – Мировая экономика.

Юридические науки:

12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право.

12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право.

12.00.05 – Трудовое право; право социального обеспечения.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

12.00.10 – Международное право; Европейское право.

12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность.

Политические науки:

23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии.

23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития.

Содержание журнала предполагает размещение следующих типов публикаций:

- статьи по экономике, внешнеэкономической деятельности, политике, праву, международному сотрудничеству стран АТР, Дальнего Востока, Приморского края;
- архивные материалы и комментарии к ним по истории сотрудничества России со странами АТР, политическим взаимоотношениям;
- материалы социологических исследований по важнейшим экономическим, общественно-политическим и правовым вопросам;
- справочные законодательные материалы по регулированию национальных экономик, межстрановому взаимодействию в АТР;
- материалы сравнительно-правовых исследований особенностей законодательства России и стран АТР по различным отраслям права;
- обзоры деятельности региональных организаций;
- сообщения, официальная информация по материалам региональных совещаний, конференций, дипломатических встреч.

Помимо указанных проблем в журнале освещаются и иные региональные аспекты развития – демографические, экологические и пр. Учитывая важность затрагиваемых проблем, редколлегия приглашает к сотрудничеству специалистов из разных сфер деятельности, имеющих отношение к тематике журнала, в том числе сотрудников ДВФУ и других вузов России и стран АТР, научных институтов и аналитических центров, специалистов, знающих на практике проблемы АТР и Дальнего Востока России.

Для публикации статьи в журнале необходимо прислать:

- материалы, согласно указанной рубрике, оформленные по образцу журнала, объемом не более 20 страниц машинописного текста, включая список литературы;
- Ф.И.О. (полностью), учёную степень и учёное звание, должность, место работы – на русском и английском языках;
- название статьи, аннотацию (250–300 слов), ключевые слова (не менее 20) – всё на русском и английском языках;
- e-mail для связи с читателями, УДК;
- ссылки внутритекстовые помещать в квадратных скобках, например, «Согласно работе [5], или при цитируемой ссылке [5, с. 18]»;
- список литературы (на русском яз.) и References (транслитерация BSI, пер. на англ. яз.) – в конце статьи; обязательно указывать общее количество страниц в печатном источнике.

Рукопись необходимо присылать в электронном виде, шрифт Times New Roman, кегль 14. Образец оформления статьи необходимо посмотреть на сайте.

Надеемся, что журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» сыграет важную роль в обмене опытом между учёными и практиками Дальнего Востока и будет способствовать эффективному решению проблем региона.

Предложения, пожелания, заявки на участие в издательской деятельности журнала и его приобретение направлять по адресу: 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, проф. А. И. Коробееву. E-mail: akorobeev@rambler.ru

Информация о журнале в Интернете: <https://atr.elpub.ru/jour>

Тел.: +7 (423) 265-24-24 (*2716).

To the Readers

PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law – is a research journal published by Far Eastern Federal University since the year 1999. This peer-reviewed journal offers science-based insights into the dynamic development of the Asia-Pacific Region (APR) suggested by Russian and foreign authors.

The purpose of the journal is to provide knowledge and information to Russian and foreign researchers, authorities and business people who are directly involved in the political, social and economic life of the region, and give them an opportunity to express their own views and opinions on the problems of APR and Russian Far East (RFE) development.

Materials of the Journal are addressed to the heads of companies, researchers, teachers and students. The Journal provides for a deep and professional insight into the economic, political and legal issues based on their practical interpretation.

PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law includes a wide range of articles by researchers from many regions of the Russian Federation and countries of the Asia-Pacific Region. Among the members of the Editorial Board of the Journal there are representatives of the leading Russian and foreign universities.

The Journal also covers a wide range of academic areas that allows accumulating the knowledge and expertise on various challenges of APR and RFE development.

As of December 25, 2020 the Journal was included into the list of journals indexed by the Higher Attestation Commission (VAK) on the following academic fields:

Economic science:

08.00.01 – Economic Theory.

08.00.05 – Economics and management of the national economy (by industry and areas of activity).

08.00.14 – Global Economics.

Science of Law:

12.00.02 – Constitutional law; constitutional litigation; municipal law.

12.00.03 – Civil law; entrepreneurial law; family law; international private law.

12.00.05 – Labor law; social security law.

12.00.08 – Criminal law and criminology; criminal and penal law.

12.00.10 – International law; European Law.

12.00.12 – Forensics; forensic expertise; criminal intelligence.

Political Science:

23.00.02 – Political institutions, processes and technologies.

23.00.04 – Political problems of international relations, global and regional development.

The Journal accepts for publication the following types of works:

– articles on the economy, foreign economic activity, politics, law, international cooperation of the APR countries, RFE and Primorye;

– archive materials and comments on the history of cooperation between Russia and APR countries, as well as their political relations;

– sociological research materials on the most relevant economic, social, political and legislative questions;

– legislative reference materials on regulating national economies, inter-country cooperation in the APR;

- materials of comparative legal studies of legislations in Russia and APR countries on different areas of law;
- reviews of the work of regional organizations;
- messages and official information on the materials of regional meetings, conferences and diplomatic events.

In addition to the abovementioned questions, the Journal also covers other aspects of regional development, such as demography, environment, etc. Given the significance of the questions discussed in the Journal, the Editorial Board is looking to cooperate with experts working in different areas included into the Journal's agenda. Among them there are researchers from FEFU and other Russian and APR universities, employees of research facilities and analytical organizations, and any professionals who have expertise in the challenges faced by APR and RFE.

For participation in publication, it is necessary to send:

- Materials according to the specified category, formatted in accordance with the journal's standards, with a volume of no more than 20 pages of text, including references;
- Full name (complete), professional position, academic degree and academic status in both Russian and English languages;
- The manuscript's title, a brief abstract (250–300 words), keywords (at least 20) – in Russian and English languages;
- Access to e-mail for communication means with readers, UDC;
- Links placed in square brackets, for example, "According to [5], or the cited reference [5, p. 18]";
- List of Literatours (in Russian) and References (BSI transliteration, translated into English) should be placed at the end of the article; Be sure to specify the total number of pages in the printed source.

The manuscript makes an electronic variant, font – Times New Roman, № 14. A sample design can be viewed on the site.

We hope that the journal the PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law will play an important role in experience exchange between the scientists and experts of the Far East, and will promote effective solution of the problems of the region.

Proposals, applications for participation in publishing the journal and its acquisition should be directed to: 10, Ajax village, Russky Island, Vladivostok, Primorsky Territory, 690922, RUSSIA, prof. A. I. Korobeev. E-mail: akorobeev@rambler.ru

Use the following internet link to access the journal's website: <https://atr.elpub.ru/jour>
Tel.: +7 (423) 265-24-24 (*2716).

УДК 336:339.13.017:004(470)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-4/15-34>

Л. К. Васюкова¹, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: vasyukova.lk@dvfu.ru

А. Е. Литвиненко², ООО «Транзит», г. Владивосток, Россия

E-mail: laevl@mail.ru

МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ИНТЕГРАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ ФИНАНСОВОЙ ДОСТУПНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ФИНАНСОВЫХ РЫНКОВ

Аннотация. Гармоничное направление развития финансового рынка – это такое направление, при котором финансовая доступность способствует экономическому росту. Приоритетность развития доступности финансовых услуг в Российской Федерации была определена президентом ещё в 2007 г. и подтвердилась в 2010 г., когда Россия приняла на себя обязательства, задекларированные «Сеульским консенсусом Группы 20 в области развития для обеспечения всеобщего роста», которые касались развития инфраструктуры, роста доступности финансовых услуг. Развитие финансового рынка неразрывно связано с мерами по формированию инфраструктуры предоставления финансовых услуг, повышению финансовой грамотности граждан и предпринимателей, формированию устойчивого платёжеспособного спроса на финансовые услуги, эффективной защиты прав потребителей и т.д. Особое значение в вопросе доступности финансовых услуг занимает механизм её оценки. В статье предлагается методический инструментарий интегральной оценки доступности финансовых услуг. Авторы предлагают рассматривать финан-

¹ Людмила Константиновна Васюкова, доцент кафедры «Финансы и кредит» Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

² Анастасия Евгеньевна Литвиненко, экономист, ООО «Транзит», г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Васюкова Л. К., Литвиненко А. Е. Методический инструментарий интегральной оценки финансовой доступности в условиях цифровизации финансовых рынков // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика и право. 2020. № 4. С. 15–34. DOI <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-4/15-34>.

совую доступность как многомерный динамический объект, потенциал которого рассчитывается по комплексу показателей, характеризующих разные компоненты финансовой доступности с учётом особенностей развития финансового рынка страны или региона, в том числе уровня цифровизации региональных финансовых рынков. Авторами представлены результаты проверки гипотезы о наличии взаимосвязи между финансовой доступностью и таким макроэкономическим показателем, как экономический рост.

Ключевые слова: финансовая доступность, интегральный показатель, востребованность финансовых услуг, цифровизация финансового рынка, потенциал, компоненты финансовой доступности, потребитель финансовых услуг; физическая доступность, методический инструментарий.

L. K. Vasyukova¹, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: vasyukova.lk@dvfu.ru

A. E. Litvinenko², LLC "Transit", Vladivostok, Russia

E-mail: laevl@mail.ru

METHODOLOGICAL TOOLS FOR THE INTEGRAL ASSESSMENT OF FINANCIAL AVAILABILITY IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF FINANCIAL MARKETS

Abstract. A harmonious direction for the development of the financial market is a direction in which financial inclusion contributes to economic growth. The priority of developing the financial services accessibility in the Russian Federation was determined by the President back in 2007 and was confirmed in 2010, when Russia assumed the commitments declared by the "Seoul Consensus of the Group of 20 in the field of development for universal growth", which related to the development of infrastructure and availability of financial services. Development of the financial market is inextricably linked with the measures to form the infrastructure for the provision of financial services, increase in the financial literacy of citizens and entrepreneurs, creation of a stable solvent demand for financial services, effective consumer protection, etc. The mechanism of its assessment is of particular importance in the issue of the availability of financial services. The article proposes a methodological toolkit for the integral assessment of the availabil-

¹ Lyudmila K. Vasyukova, Associate Professor, Department of Finance and Credit, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

² Anastasia E. Litvinenko, economist, Transit LLC, Vladivostok, Russia.

For citing: Vasyukova L. K., Litvinenko A. E. Methodological tools for the integral assessment of financial availability in the context of digitalization of financial markets // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2020. No. 4. P. 15–34. DOI <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-4/15-34>.

ity of financial services. The authors suggest considering financial accessibility as a multidimensional dynamic object, the potential of which is calculated by using a set of indicators characterizing different components of financial accessibility, taking into account the peculiarities of development of the financial market in a country or a region, including the level of digitalization of regional financial markets. The authors present the results of testing the hypothesis that there is a relationship between financial affordability and a macroeconomic indicator such as economic growth.

Key words: financial availability, integral indicator, demand for financial services, digitalization of the financial market, potential, components of financial inclusion, consumer of financial services; physical accessibility, methodological tools.

Введение. Важнейшим фактором повышения эффективности развития экономики, качества жизни населения любого региона является доступность современных финансовых услуг. Всемирный банк считает финансовую доступность основным, ключевым фактором повышения общего благосостояния и сокращения крайней нищеты в мире. Для реализации 7 из 17 целей в области устойчивого развития общества доступность финансовых услуг определена как фактор, обеспечивающий достижение целей [21] в сфере образования, гендерное равенство, создание условий для экономического роста, уменьшение неравенства, развитие партнёрства для достижения целей. Глобальной целью группы Всемирного банка (World Bank Group) является реализация проекта по обеспечению всеобщей финансовой доступности (Universal Financial Access) [10]. Россия как член стран «G20» взяла на себя обязательства содействовать обеспечению доступности финансовых услуг для граждан и предпринимателей нашей страны. С этой целью Банком России была разработана «Стратегия повышения финансовой доступности в Российской Федерации».

Проблема. Особое значение в вопросе доступности финансовых услуг занимает механизм её оценки. Невозможно спланировать и провести мероприятия по развитию финансового рынка, не осуществив перед этим всестороннюю оценку уровня финансовой доступности в стране или регионе.

На сегодняшний день для оценки доступности финансовых услуг Банком России была разработана система индикаторов, однако они не позволяют дать исчерпывающую оценку финансовой доступности услуг одновременно по всем её составляющим компонентам. Индикаторы представляют собой не систему и единый механизм, а разноплановый и масштабный набор не связанных друг с другом показателей. При этом особенные возможности для разработки инструментария оценки доступности финансовых услуг создаёт активно происходящий на финансовом

рынке процесс цифровизации, который позволяет взглянуть на физическую доступность с иной стороны.

Таким образом, на данный момент отсутствует методический инструментарий оценки доступности финансовых услуг, дающий комплексную всестороннюю оценку одновременно всех составляющих компонентов финансовой доступности, что не позволяет точно оценить объём потребления финансовых услуг населением и, как следствие, наиболее эффективно и рационально планировать и осуществлять практически значимые мероприятия государственного и регионального масштаба для граждан и субъектов малого и среднего предпринимательства на финансовом рынке страны и региона.

Цель настоящего исследования – разработка методического инструментария интегральной оценки финансовой доступности и выявление взаимосвязи уровня доступности финансовых услуг с уровнем экономического роста регионального финансового рынка.

Обзор литературы. Исследованию вопросов доступности финансовых услуг, влияния финансовой доступности на развитие финансового рынка посвятили свои работы зарубежные экономисты L. Klapper [10], R. Sahay [15], M.D. E. Islam [9], D. Heng [8], S. Lewis [11], S. Mendelson [13] и российские учёные Н. Н. Масюк [12], М. В. Мамута [5], С. В. Криворучко [4] и др.

L. Klapper в своих трудах исследовал взаимосвязь уровня финансовой грамотности и способности потребителей финансовых услуг справляться с макроэкономическими шоками – кризисами [10].

S. Lewis исследовал национальные аспекты финансовой доступности и сформировал перечень исключений из системы потребителей финансовых услуг со стороны спроса [11].

M.D. E. Islam описывает состояние финансовой доступности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Автор раскрывает межстрановые барьеры для финансовой доступности, главными из которых являются отсутствие национальных стратегий финансовой доступности, нехватка подходящих банковских продуктов, неэффективная система защиты прав потребителей финансовых услуг [9].

D. Heng обобщил материалы наблюдений за процедурами введения регуляторных нерыночных ограничений («потолок» процентных ставок, кредитные квоты для малого бизнеса и др.) и снижения в связи с этим уровня финансовой доступности (сокращение видов кредитных продуктов, снижение прозрачности финансовых операций и др.). Автор выявил негативное воздействие нерыночных регуляторных мер на уровень доступности финансовых услуг для субъектов микро- и малого бизнеса [8].

S. Mendelson исследовал вопросы использования офшоров для финансовой доступности и описал факторы, влияющие на выбор юрисдикции инвесторов [13].

В исследованиях R. Sahay, M. Melecky, M. Cihak отмечалось, что рост отдельных показателей доступности финансовых услуг (например, доля компаний, как субъектов малого и среднего бизнеса, так и крупных компаний, имеющих активный банковский кредит) способствует экономическому росту. При этом авторы указывали, что с развитием финансового рынка уровень положительного влияния, которое оказывает расширение доступности финансовых услуг (например, увеличение количества банкоматов на 100 тыс. человек взрослого населения) на экономический рост снижается [15].

С. В. Криворучко, М. В. Мамута обобщили лучшие практики повышения доступности финансовых услуг на российском финансовом рынке [4; 5].

Н. Н. Масюк в своих работах исследует возможности применения конфликтно-компромиссной методологии для разрешения противоречий в целях финансовой политики: повышения доступности финансовых услуг и обеспечения экономического роста [12].

Между тем, в работах отдельных авторов подчёркивается, что, ввиду отсутствия эффективного инструментария оценки уровня доступности финансовых услуг, выработка практически значимых решений, связанных с гармонизацией финансовых целей, – повышение доступности финансовых услуг, обеспечение финансовой стабильности и экономического роста – возможна не всегда.

Гипотеза исследования. Гипотеза исследования заключается в предположении, что практически значимая оценка уровня доступности финансовых услуг является комплексной характеристикой, учитывающей разные компоненты финансовой доступности. Наличие и доказанность связи между показателями, характеризующими различные компоненты финансовой доступности, анализ динамики изменения показателей различных компонент позволяет принимать управленческие решения по нивелированию дисфункций развития финансового рынка или его отдельного сегмента, формировать меры регуляторного воздействия, как государственного, так и предпринимательского характера, а также формировать стратегические планы регионального развития. В условиях нарастающей конвергенции российского финансового рынка и финансовых рынков стран АТР исследование факторов, влияющих на уровень потребления финансовых услуг, необходимо не только для формирования стратегических и тактических целей региональной финансовой политики, но и для оценки эффектов от достижения этих целей.

Методы исследования. В процессе исследования применяются общенаучные методы: метод сравнительного анализа (для изучения зарубежного и российского

опыта с целью формирования единого вывода об определении и структуре финансовой доступности, используемых в рамках исследования); метод синтеза (для изучения отдельных индикаторов оценки финансовой доступности Банка России с целью формирования вывода о состоянии современного механизма оценки финансовой доступности); методы индукции и дедукции (для формирования вывода о возможности существующих индикаторов оценить все составляющие компоненты финансовой доступности); метод классификации (для отбора индикаторов для разрабатываемого инструментария).

С целью разработки алгоритмов проводятся математические, статистические и эконометрические расчёты. С целью установления взаимосвязи между показателями – корреляционный анализ.

При формировании алгоритмов покомпонентных показателей потенциала финансовой доступности используется методический подход, предложенный в работе Н. В. Шаланова, Г. К. Джурабаевой [2], адаптированный позже под изучение финансового рынка в исследовании Н. Н. Масюк [12].

Результаты исследования. Для того, чтобы предложить инструменты оценки уровня (потенциала), возникла необходимость уточнения понятия, экономического содержания и структуры финансовой доступности.

Анализ различных подходов к определению финансовой доступности [4; 5; 6; 7] позволил сделать выводы о том, что современное понимание концепта «финансовая доступность» формировалось на протяжении последнего десятилетия. Трактовки термина «финансовая доступность», предлагаемые различными международными организациями, с течением времени претерпевали постоянные изменения, связанные преимущественно с уточнением тех или иных составляющих финансовой доступности, а именно:

- состава субъектов, для которых наиболее актуальна проблема финансовой доступности;
- набора финансовых услуг, которые целесообразно считать базовым;
- набора компонентов, составляющих финансовую доступность (что самое важное в рамках данного исследования).

Center for Financial Inclusion (CFI), Международный банк реконструкции и развития (IBRD), Alliance for Financial Inclusion (AFI) [6] определяют финансовую доступность, прежде всего, как физическую возможность получения различных финансовых услуг всеми категориями населения при отсутствии дискриминационных ограничений гендерного, расового, социального характера. Структура финансовой доступности, согласно подходу данных авторитетных международных организаций, определяется следующими компонентами: каналы продаж финансовых услуг, ценовая доступность, удобство, уважение к потребителям. Наиболее стандартный и

признанный G20 набор финансовых услуг определён GPFИ и включает в себя услуги страхования, кредитования, формирования сбережений и платёжные услуги.

Банк России в определении финансовой доступности, принятом в 2015 г. с учётом мирового опыта и специфики развития российских финансовых рынков, выделяет следующие составляющие финансовой доступности:

- 1) физическая возможность получения финансовых услуг, т.е. наличие инфраструктуры предоставления финансовых услуг;
- 2) востребованность финансовых услуг, т.е. наличие устойчивого платёжеспособного спроса на финансовые услуги;
- 3) качество финансовых услуг, т.е. бесперебойное и безопасное предоставление финансовых услуг по доступной цене, а также эффективная система защиты прав потребителей финансовых услуг;
- 4) полезность финансовых услуг, включающая понимание потребителем свойств приобретаемых финансовых услуг, оценка степени влияния оказываемой услуги на качество жизни.

Именно согласно четырём составляющим финансовой доступности Банком России разработаны индикаторы, позволяющие производить количественную оценку текущего состояния с сфере доступности разных видов финансовых услуг [3].

Разработка методического инструментария оценки уровня (потенциала) доступности финансовых услуг предполагает формирование алгоритмов расчёта комплексных оценок всех четырёх компонентов финансовой доступности, которые выступают в качестве переменных (A, B, C, D) в уравнениях расчёта интегральных показателей оценки доступности финансовых услуг.

Для определения уровня развития финансовой доступности (потенциала) в i -ый период времени будем рассматривать финансовую доступность как многомерный динамический объект, потенциал которого рассчитывается по комплексу показателей, характеризующих разные компоненты финансовой доступности.

Предполагается, что комплексные оценки потенциала каждой компоненты финансовой доступности различного вида j -ых финансовых услуг могут быть описаны системой переменных x_1, x_2, \dots, x_n . Показатели формируются для каждого i -ого периода времени наблюдения. Все показатели могут быть сведены в матрицу, элементами которой будут показатели x_{ij} , характеризующие каждую компоненту финансовой доступности j -ых финансовых услуг в i -ый период времени.

В качестве статистической базы были использованы данные о результатах количественных исследований доступности финансовых услуг, проведённых Банком России. Для анализа были использованы данные опросов, проведённые в 150 населённых пунктах 42 регионов страны, респондентами выступили 1 826 физических лиц, 1 062 предприятия – субъекты малого и среднего бизнеса [3].

Алгоритм расчёта потенциала комплексной оценки каждого компонента финансовой доступности в i -ый период включает этапы:

- отбора индикаторов для оценки каждой компоненты финансовой доступности и составления матрицы показателей x_{ji} ;
- расчёта средних значений j -го показателя (\bar{x});
- расчёта среднеквадратического отклонения j -го показателя (S_{x_j});
- выбора эталонных значений показателей, характеризующих данный компонент финансовой доступности в наблюдаемом периоде (x_j^*);
- расчёта стандартизированных значений эталонов (Z_j^*);
- определения эталонного значения потенциальной функции (y^*);
- комплексная оценка компоненты доступности финансовых услуг в i -ом периоде C_i .

В качестве эталонных значений предлагается принять максимально достигнутое в любом периоде значение показателей, характеризующих каждую компоненту финансовой доступности.

В табл. 1 приведены значения потенциала по каждой компоненте финансовой доступности.

Анализ динамики значений потенциала по компоненте «Физическая доступность» свидетельствует о стабильном повышении уровня физической доступности финансовых услуг в Российской Федерации в течение всего исследуемого периода.

Анализ динамики значений потенциала по компоненте «Востребованность финансовых услуг» свидетельствует о стабильном повышении уровня востребованности финансовых услуг в Российской Федерации в течение периода 2015–2018 гг.

Анализ динамики значений потенциала по компоненте «Качество финансовых услуг» свидетельствует о нестабильном качестве поставляемых на рынок финансовых услуг, важнейшими характеристиками которых являются бесперебойное и безопасное предоставление финансовых услуг, ценовая доступность финансовых услуг для значительного числа потребителей, доверие граждан к финансовым институтам, предоставляемым ими услугам, эффективная система защиты прав потребителей финансовых услуг. Беспрецедентный рост числа «финансовых пирамид» в период 2016–2017 гг., повышение числа финансовых мошенничеств с платёжными средствами потребителей финансовых услуг свидетельствует о наличии проблемного поля в данной компоненте финансовой доступности [1].

Значения достигнутого в i -ом периоде потенциала по компоненте «Полезность финансовых услуг» свидетельствуют о том, насколько близко к максимальному уровню полезности финансовых услуг приблизилась финансовая грамотность населения, понимание потребителем сути оказываемых ему услуг, оценка потребителем степени положительного и (или) отрицательного влияния оказываемых ему услуг на качество его жизни в i -ый период времени. Динамика показателя свидетельствует о росте уровня финансовой грамотности российских потребителей финансовых

услуг. По данным отчёта, составленного Национальным агентством финансовых исследований, уровень финансовой грамотности российских потребителей финансовых услуг в 2019 г. вырос в сравнении с 2018 г. (12,37 п.п. против 12,12 п.п. в 2018 г.), но в рейтинге стран G20 Россия по-прежнему занимает 9 место, пропустив вперёд Китай (14,1), Южную Корею (13,9), Индонезию (13,4), Францию (14,9), Канаду (14,6), Турцию (12,5), Германию (13,8).

Таблица 1

Оценка потенциала по компонентам финансовой доступности

Показатель	2015	2016	2017	2018	Темпы прироста, %		
					2016/ 2015	2017/ 2016	2018/ 2017
Физическая доступность							
A*	1 555 110,38						
A	1 315 677,28	1 410 505,23	1 491 881,73	1 520 276,40	7,21	5,77	1,90
Potential, %	84,60	90,70	95,93	97,76			
Востребованность финансовых услуг							
B*	37,25						
B	23,24	23,43	32,96	35,06	-0,8	40,67	6,37
Potential, %	62,38	62,89	88,47	94,12			
Качество финансовых услуг							
C*	3,90						
C	2,71	3,76	1,70	2,75	38,74	-54,78	61,76
Potential, %	69,68	96,42	43,73	70,47			
Полезность финансовых услуг							
D*	19,64						
D	12,92	13,51	17,16	18,95	4,56	27,01	10,43
Potential, %	65,81	68,80	87,40	96,52			

Источник: рассчитано авторами по данным [3]

Для выработки управленческих решений, связанных с формированием стратегий развития финансового рынка, необходима комплексная оценка доступности финансовых

услуг с учётом всех компонентов финансовой доступности одновременно. Кроме того, учитывая, что в настоящее время ключевым фактором повышения доступности финансовых услуг является фактор цифровизации финансового рынка, наличия цифровых финансовых продуктов, дистанционных каналов продаж и обслуживания финансовых услуг, для комплексной оценки доступности финансовых услуг следует включить дополнительный показатель уровня цифровизации финансового рынка.

Для оценки влияния на формирование показателей доступности финансовых услуг уровня цифровизации финансового рынка авторами были отобраны показатели, свидетельствующие о потенциале потребления цифровых услуг финансовым населением или предпринимателями: доля взрослого населения и субъектов малого и среднего предпринимательства, имеющая возможность дистанционного доступа к банковским счетам для осуществления переводов денежных средств в отчётном периоде (интернет-банкинг и/или мобильный банкинг), доля взрослого населения, использующего мобильное устройство для осуществления перевода денежных средств в отчётном периоде, доля взрослого населения, положительно оценивающего удовлетворённость использования страхования через Интернет, доля взрослого населения, положительно оценивающего удовлетворённость использования онлайн кредитов в банке, доля взрослого населения, готового начать регулярно пользоваться дистанционными каналами доступа к финансовым услугам при наличии такой возможности и др.

Авторами предлагается рассматривать процессы цифровизации финансового рынка как пятую, дополнительную компоненту финансовой доступности (табл. 2).

Таблица 2

**Оценка потенциала уровня цифровизации финансовых услуг
в Российской Федерации в 2015–2018 гг.**

Показатель	2015	2016	2017	2018	Темпы прироста, %		
					2016/2015	2017/2016	2018/2017
E*	27,95						
E	16,05	16,83	24,67	26,21	4,87	46,54	6,25
Potential, %	57,43	60,23	88,26	93,78			

Источник: рассчитано авторами по данным [3]

Эталонное значение потенциала комплексной оценки показывает максимально достигнутый уровень цифровизации финансовых услуг, который составляет 27,95%. Значение в *i*-ом периоде потенциала уровня цифровизации свидетельствует о том, насколько близко к максимально достигнутому уровню цифровизации финансовых услуг приблизилась цифровая доступность финансовых услуг в *i*-ый период времени.

Итак, для расчёта интегрального показателя потенциала (уровня развития) финансовой доступности с учётом цифровизации финансового рынка вводим показатели, характеризующие пятую компоненту финансовой доступности – потенциал цифровизации финансовых услуг, предлагаемых потребителям.

Для комплексной оценки уровня доступности финансовых услуг в условиях цифровизации финансового рынка необходимо сформировать уравнение потенциальной функции по описанному выше алгоритму, в состав которой войдёт пять переменных, описывающих уровень реализации каждой из пяти компонент финансовой доступности.

В табл. 3 представлены параметры расчёта интегрального показателя оценки доступности финансовых услуг в условиях цифровизации финансового рынка (INT) в Российской Федерации в 2015–2018 гг.

Таблица 3

Параметры расчёта интегрального показателя оценки уровня доступности финансовых услуг (INT) в Российской Федерации в 2015–2018 гг.

Показатель	\bar{x}_j	S_{xj}	x_j^*	Z_j^*	$(Z_j^*)^2$	a_j	$a_j Z_j^*$
А	1 434 585,16	91 914,48	1 520 276,40	0,0605	0,0037	0,1568	0,0095
В	28,67	6,22	35,06	0,1775	0,0315	0,4604	0,0817
С	2,73	0,84	3,76	0,2237	0,0500	0,5803	0,1298
Д	15,64	2,90	18,95	0,1529	0,0234	0,3967	0,0607
Е	20,94	5,24	26,21	0,2001	0,0400	0,5189	0,1038
Итого					0,1486		

Источник: составлено автором на основании данных таблиц 1, 2

Исходя из полученных данных, было получено уравнение интегрального показателя оценки уровня доступности финансовых услуг в условиях цифровизации финансового рынка (INT), которое имеет следующий вид:

$$INT = 0,0095A + 0,0817B + 0,1298C + 0,0607D + 0,1038E$$

Для комплексной оценки потенциала финансовой доступности были рассчитаны стандартизированные значения показателей, характеризующих потенциал отдельных компонент доступности финансовых услуг, и произведен анализ изменения уровня потенциала финансовой доступности.

Изменение потенциала отражает, насколько эффективно реализуются меры по повышению доступности финансовых услуг в условиях цифровизации финансового рынка (табл. 4).

Таблица 4

**Интегральная оценка потенциала финансовой доступности
в Российской Федерации в 2015–2018 гг.**

Показатель	2015	2016	2017	2018
Эталонное значение потенциальной функции $y^* = 39,08$				
$a_1 A^{**}$	0,80	0,86	0,91	0,93
$a_2 B^{**}$	5,03	5,07	7,14	7,59
$a_3 C^{**}$	8,09	12,51	5,65	12,21
$a_4 D^{**}$	3,99	4,17	5,30	4,28
$a_5 E^{**}$	5,96	6,46	9,16	10,01
INT^{**}	23,87	29,07	28,16	35,02
C_i	61,08	74,39	70,75	89,61
Темпы роста, %	-	121,8	95,1	126,7

** – стандартизированные значения показателей

Источник: составлено авторами на основании данных табл. 3

Как следует из показателей, представленных в табл. 4, «провал» уровня финансовой доступности в период 2016–2017 гг. определен снижением качества финансовых услуг, снижением доверия потребителей финансовых услуг к финансовым институтам, работающим на финансовом рынке. Углублённый анализ изменения индикаторов, включённых в оценку компоненты «Качество финансовых услуг», позволит оценить причины снижения потенциала исследуемой компоненты и выработать управленческое решение, направленное на разрешение управленческой дисфункции и повышение доступности финансовых услуг.

Апробация предложенного инструментария проведена авторами на примере оценки уровня доступности финансовых услуг в различных регионах страны, в том числе в Дальневосточном федеральном округе.

Была проведена оценка потенциала финансовой доступности по ранее выбранным индикаторам, характеризующим каждую компоненту (А, В, С, D, E) финансовой доступности.

Анализ показателей, характеризующих компоненту «Физическая доступность» (А) показал, что наибольший уровень физической доступности финансовых услуг в России в 2018 г. наблюдается в Центральном Федеральном округе, комплексная оценка которого составляет 34,13% от общего уровня доступности финансовых услуг в России.

Показатели компоненты А доказывают вывод об очень низком уровне физической доступности финансовых услуг в Дальневосточном регионе, удельный вес комплексной оценки физической доступности которого в общероссийском показателе составляет всего 5,36%. Очевидно, что, в первую очередь, низкий уровень показателей физической доступности финансовых услуг определяют ключевые особенности региона.

Дальневосточный регион располагает очень большой территорией, составляющей 40,6% площади страны, что вызвало формирование следующей его демографической особенности – крайне неравномерного распределения населения по территории округа, что, в свою очередь, привело к формированию большого числа малонаселённых, труднодоступных и отдалённых населённых пунктов [42].

По отдельным индикаторам, характеризующим физическую доступность финансовых услуг, например, по количеству подразделений и банкоматов действующих коммерческих банков в расчёте на 1 тыс. км², Россия с показателями 1,9 и 11,7 уступает всем странам БРИКС (Китай: 10,8 и 118,3; Индия: 48,1 и 71,8 и т.д.) и большинству стран G20 [1].

Уровень востребованности финансовых услуг для различных регионов страны относительно однороден и варьируется в диапазоне от 30,24 до 38,30%. В отличие от показателей, характеризующих компоненту «Физическая доступность», значения комплексных оценок уровня востребованности финансовых услуг всех регионов близки к общему по стране значению – 35,06%. Превышают общероссийский уровень значения оценок Центрального, Северо-Западного, Уральского и, что немаловажно, Дальневосточного регионов. Тем не менее, уровень востребованности финансовых услуг как в Дальневосточном регионе, так и в стране в целом, следует оценивать как низкий.

Динамика комплексных оценок уровня качества финансовых услуг, аналогично рассматриваемому ранее показателю, характеризуется ещё большей однородностью и принимает значения в диапазоне от минимального 2,12% до максимального 3,85%. Показатели всех регионов близки к общероссийскому уровню, составляющему 2,75%, тем не менее значения комплексных оценок всех регионов и страны в целом крайне низки, что свидетельствует о низком уровне качества с точки зрения потребителя финансовых услуг в России. Такое положение дел объясняется тем, что многие потенциальные потребители финансовых услуг не находят нужных для себя финансовых продуктов, их не устраивает надёжность, доходность инвестиционных продуктов, многовариантность условий возврата вложенных средств при расторжении договоров и пр.

Показатели, характеризующие компоненту «Полезность финансовых услуг» не отличаются значительной региональной дифференциацией, располагаются в диапазоне значений от 15,91% до 20,74%. Границу среднего российского уровня в

18,95% преодолели только три региона – Дальневосточный со значением 19,77%, Южный с 20,49% и Центральный с максимальной оценкой в 20,74%.

Уровень цифровизации финансовых услуг в различных регионах страны также характеризуется относительно схожими значениями оценок, варьирующимися от 22,40% до 29,23%. При этом следует отметить, что в целом показатели цифровизации российского финансового рынка гораздо ниже аналогичных показателей зарубежных финансовых рынков. Так, например, уровень цифровизации финансового рынка КНР, по данным МБРР и Народного банка Китая, в 2019 г. составил 59,1% [6].

Несмотря на то, что показатели цифровизации финансового рынка Дальневосточного региона в целом соответствуют среднероссийскому уровню, практически 40% территории края, за исключением городов Владивосток, Находка, Уссурийск, не имеют устойчивого интернет покрытия даже на уровне стандарта 2G, в то время как в КНР устойчивое интернет-покрытие стандарта 4G имеют не только крупные города, но и приграничные с российской территорией районы.

Разработанный методический инструментарий интегральной оценки доступности финансовых услуг в условиях цифровизации финансового рынка также может быть использован для выявления взаимосвязи уровня доступности финансовых услуг с уровнем экономического роста финансового рынка. Экономический рост в целом или один из его аспектов могут быть оценены посредством оценки значений интегральных показателей. Наличие и доказанность такой связи в будущем позволяет формировать стратегические планы регионального развития.

Некоторые исследователи отмечают, что взаимосвязь между финансовой доступностью и таким макроэкономическим показателем, как экономический рост, ещё не до конца изучены [9; 11; 13; 14]. Основная причина этого – недостаточность данных. Определение подобных взаимосвязей требует довольно длинных временных рядов показателей финансовой доступности. Для анализа факторов, влияющих на экономический рост, необходимы данные за несколько десятков лет. До недавнего времени не существовало сравнимых данных по финансовой доступности как на мировом уровне, так и на внутрirosсийском. Данные по финансовой доступности со стороны предложения стали доступны для некоторых стран с 2004 г. в рамках IMF Financial Access Survey, а со стороны спроса – лишь с 2011 г. после запуска базы World Bank Global Findex. Подробный, относительно полный расчёт индексов, оценивающих доступность финансовых услуг, представляется Банком России лишь с 2015 г.

В связи со значительной ограниченностью количества данных представляется возможным проверить лишь наличие или отсутствие связи между уровнем доступности финансовых услуг и уровнем экономического роста финансового рынка, то есть протестировать основную гипотезу исследования.

По причине отсутствия единого показателя, характеризующего экономический рост финансового рынка на данном этапе в качестве показателя, отвечающего целям исследования, был использован Индекс финансового развития (I). Индекс финансового развития (Financial Development Index) разработан Международным Валютным фондом для оценки финансового сектора и ежегодно рассчитывается его экспертами, строится на основе параметров, рассчитываемых для финансовых рынков и финансовых институтов [7].

В табл. 6 представлены значения Индекса финансового развития (I) и рассчитанные значения интегрального показателя INT в Российской Федерации в 2015–2018 гг.

Таким образом, для тестирования гипотезы исследования существует крайне ограниченный массив данных за временной промежуток, составляющий 4 года. В данных обстоятельствах представляется возможным установить наличие или отсутствие связи между исследуемыми величинами посредством проведения корреляционного анализа.

Таблица 6

Значения I, INT в Российской Федерации в 2015–2018 гг.

Год	I	INT2
2015	0,460	12 479
2016	0,475	13 378
2017	0,489	14 151
2018	0,500	14 421

Источник: составлено авторами на основании данных [7] и таблицы 3

Корреляционный анализ используется для изучения статистической взаимосвязи между парой или множеством случайных величин. Отражением наличия взаимосвязи между переменных служит коэффициент корреляции, являющийся математической мерой корреляции двух или нескольких случайных величин, обозначенный в процессе данного исследования г.

Для выбора способа расчёта коэффициента корреляции ключевое значение имеет вид взаимосвязи между случайными величинами. В результате построения диаграммы рассеяния между исследуемыми взаимосвязями INT и I, представленной на рис. 1, было установлено, что существующая между случайными величинами связь является линейной.

При этом следует отметить, что линейной называется связь, при которой изменение результативного признака прямо пропорционально изменению факторного признака. Для целей тестирования гипотезы о наличии линейной связи между

уровнем доступности финансовых услуг и экономическим ростом в качестве факторного признака выступает уровень доступности финансовых услуг, выраженный в соответствующем значении интегрального показателя INT, а в качестве результативного – уровень экономического роста, который, как было сказано, отражён в виде соответствующего значения Индекса финансового развития (I).

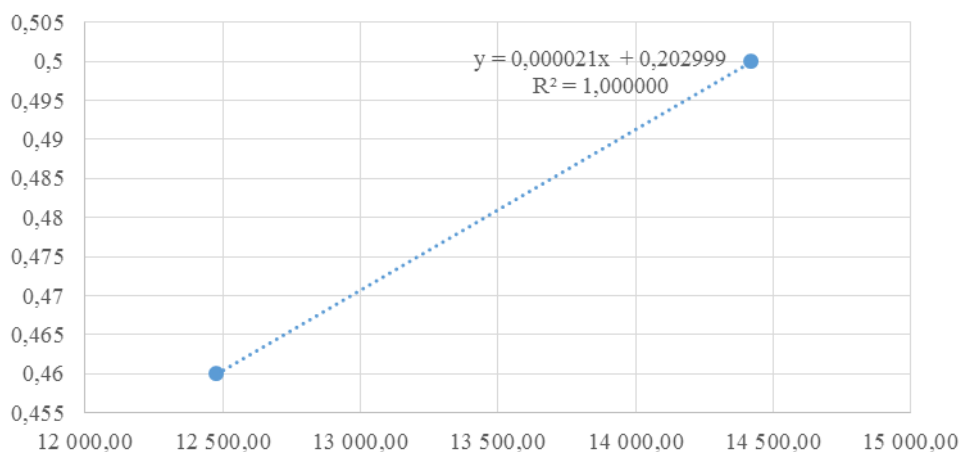

Рис. 1. Точечная диаграмма рассеяния между величинами INT и I

Источник: рассчитано авторами по данным табл. 6

Учитывая линейность связи исследуемых случайных величин, а также тот факт, что обе переменные имеют измерения интервальной шкалы, соблюдены условия для использования коэффициента корреляции Пирсона.

В результате расчёта были получено значение коэффициента корреляции Индекса финансового развития (I) с интегральным показателем оценки доступности финансовых услуг в условиях цифровизации финансового рынка (INT), в результате чего было получено значение коэффициента корреляции, равное 0,9889014925. Значение коэффициента больше нуля свидетельствует о том, что исследуемая связь прямая. При оценке величины коэффициента, обратившись к шкале Чеддока, можно сделать вывод, что по силе связь между данными переменными весьма высокая.

Существование и доказанность в дальнейшем связи между уровнем доступности финансовых услуг и уровнем экономического развития финансового рынка имеет ключевое экономическое значение. Наличие связи позволяет сделать вывод о том, что экономический рост финансового рынка в целом или один из его аспектов могут быть оценены посредством оценки значений интегральных показателей, описанных в настоящей статье. Наличие и доказанность такой связи в будущем позволит планировать различного рода мероприятия, применять те или иные меры воз-

действия как государственного, так и предпринимательского характера, а также формировать стратегические планы государственного и регионального развития.

Выводы

1. Оценка потенциала финансовой доступности является многосоставной комплексной характеристикой. Наиболее значимыми компонентами финансовой доступности являются физическая доступность, востребованность, качество, полезность финансовых услуг. Для выработки управленческих решений, связанных с формированием стратегий развития финансового рынка, необходима комплексная оценка доступности финансовых услуг с учётом всех компонентов финансовой доступности одновременно.

2. Ключевым фактором повышения доступности финансовых услуг является фактор цифровизации финансового рынка, наличия цифровых финансовых продуктов, дистанционных каналов продаж и обслуживания финансовых услуг. Практически значимая комплексная оценка доступности финансовых услуг должна включать дополнительный показатель уровня цифровизации финансового рынка.

3. Методический инструментарий оценки доступности финансовых услуг позволяет выявить взаимосвязь между финансовой доступностью и экономическим ростом финансового рынка. Увеличение использования субъектами хозяйственной деятельности – населением, представителями малого и среднего бизнеса – финансовых услуг (счетов в банках, банковских кредитов, страхования рисков, займов и др.) способствует ускорению темпов экономического роста. В свою очередь, развитие предпринимательской инициативы оказывает мультипликативный эффект на развитие физической доступности, востребованности, качества, полезности финансовых услуг.

Список литературы

1. Аналитическая справка об индикаторах финансовой доступности за 2019 год (по результатам замера 2020 года) // Банк России. – URL: http://cbr.ru/Content/Document/File/108660/acc_indicators_2019.pdf (дата обращения: 22.08.2020).

2. Джурабаева, Г. К. Интегральная оценка экономического потенциала организации / Г. К. Джурабаева, В. О. Шаланов // Сибирская финансовая школа. – 2009. – № 3 (74). – С. 135–138.

3. Индикаторы финансовой доступности за 2018 год (по результатам замера 2019 года) // Официальный сайт Банка России. – URL: <https://www.cbr.ru/develop/statistics/?CF.Search=&CF.TagId=119&CF.Date.Time=Any&CF.Date.DateFrom=&CF.Date.DateTo=> (дата обращения: 15.08.2020).

4. Криворучко, С. В. Повышение доступности платёжных услуг за счёт развития систем идентификации пользователей : монография / С. В. Криворучко, В. Е. Пономаренко, В. А. Лопатин, М. В. Мамута, А. В. Емелин, В. Л. Достов, Т. Р. Маклакова, Т. С. Брагина, П. М. Шуст. – Москва : Инфра-М, 2019. – 157 с.
5. Мамута, М. В. Финансовая доступность и финансовая грамотность. 2016. – URL: <https://docplayer.ru/35849880-Finansovaya-dostupnost-i-finansovaya-gramotnost.html> (дата обращения: 20.08.2020).
6. Financial Inclusion. Universal Financial Access 2020 initiative // The World Bank Group. – URL: <https://www.worldbank.org/en/topic/financialinclusion/overview> (дата обращения: 27.08.2020).
7. Financial Development Index Database // International Monetary Fund. – URL: <https://data.imf.org/?sk=F8032E80-B36C-43B1-AC26-493C5B1CD33B> (дата обращения: 21.08.2020).
8. Han, R. Financial inclusion for financial staility: access to Bank deposits in the Global Financial crisis / R. Han, M. Melecky // WB Policy Research Working Paper. – 2013. – No. 6577, august.
9. Heng, D. Impact of the financial services law in Bolivia on financial stability and inclusion // IMF Working Paper. – 2015. – No. 15/267, december.
10. Klapper, L. Financial literacy and the financial crisis / L. Klapper, A. Lusardi, G. A. Panos // Policy Research Working Paper. – 2012. – No. 5980, february.
11. Lewis, S. Financial inclusion, financial education and financial regulation in the United Kingdom / S. Lewis, D. Lindley // ADBI Working Paper. – 2015. – No. 544, september.
12. Masyuk, N. Use of conflict-compromise methodology in the process of insurance engineering / N. N. Masyuk, L. K. Vasyukova, N. A. Mosolova, O. N. Vasyukov, M. A. Bushueva // 33rd International Business Management Association Conference (IBIMA), 10–11 April 2019, Granada, Spain. – Granada, 2019. – P. 8424–8433.
13. Mendelson, S. Offshore financial centers for financial inclusion. A marriage of gonvenience / S. Mendelson, D. Rozas // Center for Financial Inclusion (CFI), June 2017. – URL: <https://www.centerforfinancialinclusion.org/offshore-financial-centers-for-financial-inclusion> (дата обращения: 11.08.2020).
14. N`dr, L. M. Financial inclusion, mobile money, and individual welfare: The case of Burkina Faso / L. M. N`dr, M. Kakinaka // Telecommunications Policy. – 2020. – Vol. 44, no. 3. – URL: https://www.researchgate.net/publication/340357333_Financial_inclusion_mobile_money_and_individual_welfare_The_case_of_Burkina_Faso (дата обращения: 11.08.2020).
15. Financial inclusion: Can it meet multiple macroeconomic goals? / R Sahay, M. Cina, P. N`Diaye [et al.] // IMF staff discussion note. – 2016. – № 15/17. – P. 15–20.

References

1. Analytical report on indicators of financial inclusion for 2019 (based on the results of measurement in 2020). *Official website of the Bank of Russia*. Available at: http://cbr.ru/Content/Document/File/108660/acc_indicators_2019.pdf (accessed 22 August 2020). (In Russian).
2. Dzhurabaeva G.K., Shalanov V.O. Integral'naya otsenka ekonomicheskogo potentsiala organizatsii [Integral assessment of the economic potential of the organization]. *Sibirskaya finansovaya shkola*, 2009, no. 3 (74), pp. 135–138.
3. Indicators of financial inclusion for 2018 (based on the results of measurements in 2019). *Official website of the Bank of Russia*. Available at: <https://www.cbr.ru/develop/statistics/?CF.Search=&CF.TagId=119&CF.Date.Time=Any&CF.Date.DateFrom=&CF.Date.DateTo=> (accessed 15 August 2020). (In Russian).
4. Krivoruchko S.V., Ponomarenko V.E., Lopatin V.A., Mamuta M.V., Emelin A.V., Dostov V.L., Maklakova T.R., Bragina T.S., Shust P.M. *Povyshenie dostupnosti platezhnykh uslug za schet razvitiya sistem identifikatsii pol'zovatelei* [Increasing the availability of payment services through the development of user identification systems: monograph]. Moscow: Infra-M Publ., 2019. 157 p.
5. Mamuta M.V. *Finansovaya dostupnost' i finansovaya gramotnost'* [Financial inclusion and financial literacy. 2016]. Available at: <https://docplayer.ru/35849880-Finansovaya-dostupnost-i-finansovaya-ramotnost.html> (accessed 20 August 2020).
6. Financial Inclusion. Universal Financial Access 2020 initiative. *The World Bank Group*. Available at: <https://www.worldbank.org/en/topic/financialinclusion/overview> (accessed 27 August 2020).
7. Financial Development Index Database. *International Monetary Fund*. Available at: <https://data.imf.org/?sk=F8032E80-B36C-43B1-AC26-493C5B1CD33B> (accessed 21 August 2020).
8. Han R., Melecky M. Financial inclusion for financial stability: access to Bank deposits in the Global Financial crisis. *WB Policy Research Working Paper*, 2013, no. 6577 (August).
9. Heng D. Impact of the financial services law in Bolivia on financial stability and inclusion. *IMF Working Paper*, 2015, no. 15/267 (December).
10. Klapper L., Lusardi A., Panos G.A. Financial literacy and the financial crisis. *Policy Research Working Paper*, 2012, no. 5980 (February).
11. Lewis S., Lindley D. Financial inclusion, financial education and financial regulation in the United Kingdom. *ADB Working Paper*, 2015, no. 544 (September).
12. Masyuk N., Vasyukova L.K., Mosolova N.A., Vasyukov O.N., Bushueva M.A. Use of conflict-compromise methodology in the process of insurance engineering. *33rd International Business Management Association Conference (IBIMA), 10–11 April 2019, Granada, Spain*. Granada, 2019, pp. 8424–8433.

13. Mendelson S., Rozas D. Offshore financial centers for financial inclusion. a marriage of convenience. *Center for Financial Inclusion (CFI)*. June. 2017. Available at: <https://www.centerforfinancialinclusion.org/offshore-financial-centers-for-financial-inclusion> (accessed 11 August 2020).

14. N`dr L.M., Kakinaka M. Financial inclusion, mobile money, and individual welfare: The case of Burkina Faso. *Telecommunications Policy*, 2020, vol. 44, no. 3. Available at: https://www.researchgate.net/publication/340357333_Financial_inclusion_mobile_money_and_individual_welfare_The_case_of_Burkina_Faso (accessed 11 August 2020).

15. Sahay R., Cina M., N`Diaye P. et al. Financial inclusion: Can it meet multiple macroeconomic goals? *IMF staff discussion note*, 2016, no. 15/17, pp. 15–20.

УДК 339.5(571.54:517.3)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-3/35-43>

В. О. Намжилова¹, Бурятский научный центр СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия
E-mail: dayavika@yandex.ru

РЕСПУБЛИКА БУРЯТИЯ В РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКОЙ ТОРГОВЛЕ

Аннотация. В статье представлен анализ динамики внешнеторговых связей Республики Бурятия с Монголией за последнее десятилетие. Рассмотрено как участие региона в формировании российско-монгольского товарооборота, так и место Монголии во внешнеторговых связях республики. В товарной структуре региональной торговли с Монголией обозначен тренд расширения номенклатуры экспорта и импорта, главным образом за счёт продуктов питания. Отмечается вовлечение во внешнеторговые связи малого и среднего бизнеса при поддержке региональных властей. Отдельно рассмотрена транспортно-логистическая среда в Республике Бурятия, где консолидируется значительная часть следующих в Монголию грузов со всех российских регионов.

Ключевые слова: российско-монгольская торговля, Республика Бурятия, Монголия, экспорт продуктов питания; развитие деловых связей, автомобильные и железнодорожные грузоперевозки.

Victoria O. Namzhilova², Buryat Scientific Centre of SB RAS, Ulan-Ude, Russia
E-mail: dayavika@yandex.ru

Abstract. The article presents the analysis of the dynamics of foreign trade relations between the Republic of Buryatia and Mongolia over the past decade. Both the participation of the region in the formation of the Russian-Mongolian trade turnover

¹ Виктория Очировна Намжилова, кандидат экономических наук, научный сотрудник, Бурятский научный центр СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия.

Для цитирования: Намжилова В. О. Республика Бурятия в российско-монгольской торговле // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2020. № 4. С. 35–43. DOI <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-3/35-43>.

² Victoria O. Namzhilova, Candidate of Sciences in Economics, Research Fellow, Buryat Scientific Centre of SB RAS, Ulan-Ude, Russia.

For citing: Namzhilova V. O. Republic of Buryatia in Russian-Mongolian trade // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2020. N. 4. P. 35–43. DOI <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-3/35-43>.

and the place of Mongolia in the republic's foreign trade relations have been reviewed. In the commodity structure of regional trade with Mongolia, there is a trend towards expanding the range of exports and imports, mainly due to food products. Involvement of small and medium-sized businesses in foreign trade with the support of regional authorities is noted. The transport and logistics environment in the Republic of Buryatia is considered separately; a significant part of cargoes arriving from all Russian regions is consolidated here.

Keywords: Russian-Mongolian trade, the Republic of Buryatia, Mongolia, export of food products, development of business ties, road and rail freight.

Долгое время в силу разных причин вопросы торгово-экономического сотрудничества России и Монголии оставались второстепенными. Эксперты признают, что многолетнюю историю добрососедских отношений необходимо укреплять экономически [1]. В этом ключе автор ставит задачу оценить участие приграничного с Монголией региона – Республики Бурятия – в российско-монгольской торговле, а также рассмотреть особенности и проблемы осуществления грузоперевозок через границу.

Республика Бурятия была одним из немногих российских регионов, с которыми Монголия поддерживала внешнеэкономические связи после резкого спада взаимной торговли в начале 1990-х гг., тогда экономические взаимоотношения между Россией и Монголией сместились в приграничье [2]. В последние же годы наблюдается снижение степени участия республики в российско-монгольской торговле. На сегодняшний день вклад региона в российско-монгольский товарооборот крайне мал: за 2011–2019 гг. он снизился с 3,9 до 2,1% (рис. 1).

Монголия традиционно считалась одним из основных партнёров региона в 2000-е гг. – монгольское направление обеспечивало не менее 10% внешнеторгового оборота Республики Бурятия. Так, в 2000 г. этот показатель составлял 13,1%, в 2005 г. – 15,2%. При этом объём торговли рос неизменно вплоть до 2011 г. Значительное снижение товарооборота отмечается в период 2011–2015 гг., когда удельный вес Монголии в общем объёме внешней торговли Республики Бурятия снизился с 6,7 до рекордно низких 2%. Такой резкий спад удельного веса объясняется сокращением экспорта в Монголию при существенном росте экспорта в другие страны. Три следующих года отмечалось оживление, но оно не позволило превзойти уровень 2011 г. (табл. 1). По итогам 2019 г. экспорт региона в Монголию составил 36,7 млн долл., импорт – 2,4 млн долл.

Интересно влияние фактора приграничности на товарную структуру внешне-торгового оборота Республики Бурятия с Монголией, в частности её экспортной составляющей. Если в целом региональный товарооборот с другими зарубежными

странами формируется в основном за счёт поставок вертолётов, полезных ископаемых, древесины и продукции промежуточного производственного цикла, то для монгольского направления характерна наиболее широкая номенклатура экспортных товаров. При этом тенденция её расширения сформировалась за последние годы: если в 2011 г. Республика Бурятия экспортировала товары в Монголию всего по 24 товарным группам из 97, то в 2019 г. вывозимые туда товары охватывали уже 83 товарные группы общепринятой товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности.

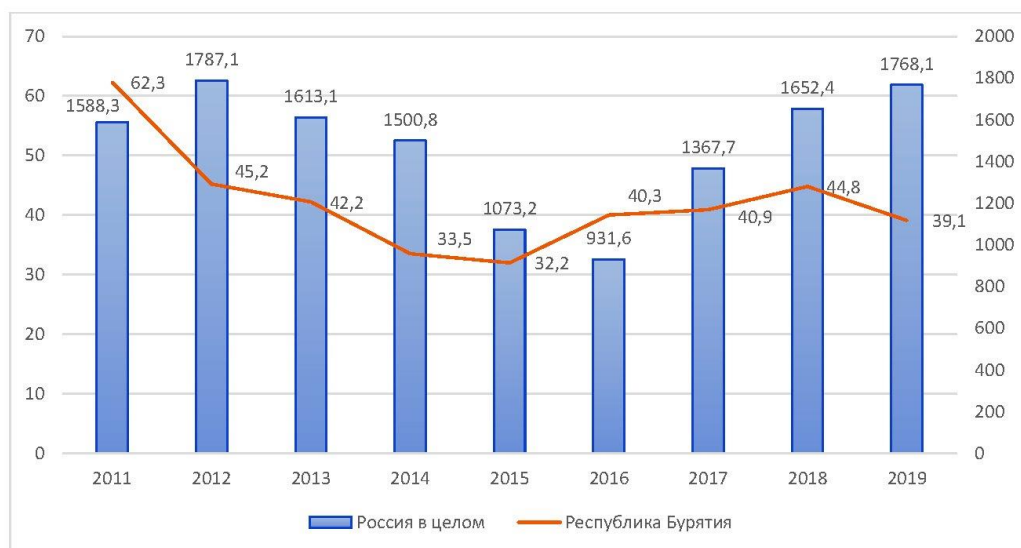

Рис. 1. Динамика внешнеторгового оборота Республики Бурятия с Монголией (левая шкала) на фоне российско-монгольской торговли (правая шкала), млн долл.

Источник: статистические данные Федеральной таможенной службы РФ.

URL: <http://customs.ru/statistic>

Широкая номенклатура экспортных товаров выигрышно выделяет Республику Бурятия в разрезе российских регионов, ведущих торговлю с Монголией, хотя по объёмам экспорта регион значительно уступает Самарской области (774,6 млн долл.), Кемеровской области (251,5 млн долл.), городу Москва (139,4 млн долл.), Иркутской области (70,4 млн долл.), Республике Татарстан (43,0 млн долл.) и городу Санкт-Петербург (42,1 млн долл.) [3]. По данным Российского экспортного центра, Республика Бурятия находится на пятом месте по объёму несырьевого неэнергетического экспорта в Монголию среди российских регионов, при этом, как уже отмечено, номенклатура экспорта отличается наибольшим разнообразием товаров.

Таблица 1

Динамика внешнеторговых операций Республики Бурятия и доля Монголии в них на протяжении 2011–2019 гг., млн долл.

Показатель	Годы								
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Внешнеторговый оборот, в т.ч.:	920,6	1186,9	1395,5	1417,8	1597,9	1019,0	838,0	1054,7	1004,6
- с Монголией	62,3	45,2	42,2	33,5	32,2	40,3	40,9	44,8	39,1
доля Монголии во внешней торговле, %	6,7	3,8	3,0	2,4	2,0	3,9	4,9	4,2	3,9
Экспорт, в т.ч.:	731,4	943,1	1247,6	1276,4	1493,6	959,9	755,0	950,0	909,5
- в Монголию	52,5	42,4	36,5	27,7	26,1	34,6	33,7	36,3	36,7
доля Монголии в экспорте, %	7,2	4,5	29,3	2,1	1,7	3,0	4,4	3,8	4,0
Импорт, в т.ч.:	189,2	243,8	147,9	141,4	104,3	59,1	83,0	104,7	95,1
- из Монголии	9,8	2,8	5,6	5,8	6,1	5,7	7,2	8,5	2,4
доля Монголии в импорте, %	5,2	5,7	3,8	4,1	5,8	9,6	8,6	8,1	2,5

Источник: составлено по данным Федеральной таможенной службы РФ. URL: <http://customs.ru/statistic>

В товарной структуре экспорта Республики Бурятия в Монголию отмечается высокая доля продуктов питания – на них приходится почти половина стоимости вывозимых товаров (46%). В 2019 г. поставки продовольствия превысили 17 млн долл., где наиболее выделяется экспорт яиц (4,3 млн долл.), а также жиров и масел (2,4 млн долл.). Высоки ожидания по поставкам в Монголию свинины производства свиного комплекса «Восточно-Сибирский», пока единственного поставщика российской свинины на монгольский рынок. В 2018 г. всего на экспорт ушло 490 т свинины, в 2019 г. – 848 т, в планах – увеличение поставок до 200 т в месяц [4]. Также растут поставки шоколадных изделий, экспорт которых превышает 1 млн долл. Поставка продуктов питания на монгольский рынок обладает неплохими перспективами, учитывая, что российские продукты традиционно пользуются популярностью в Монголии. Следует отметить, что экспорт продуктов питания из Республики Бурятия почти полностью ориентирован на Монголию, и взаимодействие бизнес-структур в этом направлении представляет дополнительный канал интенсификации межрегионального сотрудничества [5].

В 2019 г. импорт монгольских товаров в Республику Бурятия составил 2,4 млн долл. Товарная структура импорта значительно скромнее структуры экспорта, в ней на протяжении нескольких лет выделяются два направления: текстиль и продукты питания. В импорте из Монголии также прослеживается тенденция расширения номенклатуры товаров: если в 2011 г. были представлены лишь 10 товарных групп, то в 2019 г. – 24.

Как отмечают эксперты, есть все возможности как для диверсификации российского экспорта за счёт продукции с высокой добавленной стоимостью, так и для наращивания импорта из Монголии. В целом, динамика и характер развития межгосударственных отношений становятся благоприятным фоном для позитивных подвижек в приграничном взаимодействии [6]. В последние годы мы наблюдаем активизацию деловых связей, включая участие представительных монгольских делегаций в Восточном экономическом форуме, создание Российско-монгольской рабочей группы по промышленности. Вместе они направлены на создание благоприятных условий для реализации совместных российско-монгольских проектов и выявление новых перспективных направлений сотрудничества, представляющих интерес для обеих сторон. Реализуются или находятся в стадии проработки совместные проекты в таких сферах, как авиационная промышленность, сельскохозяйственное и энергетическое машиностроение, автомобилестроение, металлургия, химическая промышленность, фармацевтика. Дальний Восток, к которому Республика Бурятия отнесена совместно с Забайкальским краем в конце 2018 г., ставит амбициозную задачу увеличения товарооборота с Монголией до полумиллиарда долларов [7].

В этих условиях региональные власти и бизнес проявляют большой интерес к сотрудничеству с Монголией, обозначая главным приоритетом выстраивание долгосрочного сотрудничества между малым и средним бизнесом. Для этих целей реализуется це-

лый ряд мероприятий, включая проведение в г. Улан-Батор бизнес-конференции «Инвестиционный потенциал Республики Бурятия» (январь 2018 г.), бизнес-конференции в г. Улан-Удэ «Республика Бурятия – Монголия» с участием представителей более ста монгольских компаний (май 2018 г.). Важно, чтобы подобный формат взаимодействия имел своё продолжение и развитие. Решения требует целый комплекс сложных и многоплановых задач: анализ конкурентоспособности республиканских товаров в Монголии, формирование системы поддержки и продвижение местных товаропроизводителей, поиск инвестиционных возможностей для реализации совместных проектов.

Помимо участия Республики Бурятия в российско-монгольской торговле необходимо рассмотреть положение дел в транспортно-логистической сфере региона, поскольку большая часть товарных потоков между Россией и Монголией проходит через расположенные здесь многосторонний автомобильный пункт пропуска Кяхта и железнодорожный пункт пропуска Наушки. Данные таможенной статистики свидетельствуют об устойчивом росте грузоперевозок через (рис. 2), при этом грузопоток в сторону Монголии значительно превышает грузопоток в обратном направлении: на железнодорожном транспорте – в 7,4 раза, на автомобильном – в 13 раз.

На территории Республики Бурятия происходит консолидация значительной части следующих в Монголию грузов со всей России, прежде всего, перевозимых грузовыми автомобилями. Хотя в настоящее время объёмы автомобильных грузоперевозок относительно небольшие, тем не менее наблюдается тенденция к их увеличению вслед за возрастающим взаимным товарооборотом между Россией и Монголией. Потенциальная интенсификация грузовых автомобильных перевозок требует развития транспортно-логистической инфраструктуры в г. Улан-Удэ, а также в местах, приближенных к государственной границе. Так, в ожидании реализации находится проект строительства таможенно-логистического комплекса в непосредственной близости от МАПП Кяхта [8].

Железнодорожные перевозки консолидированных грузов из Республики Бурятия в Монголию значительно уступают по привлекательности автомобильному транспорту по целому ряду причин: высокая стоимость отправки груза (в два раза и более – крытыми вагонами, ещё дороже – контейнерами), увеличенные сроки доставки, дополнительные расходы на перевалку грузов и складирование, особенно оформления таможенных документов.

Однако на фоне вводимых ограничений в секторе автомобильных перевозок, инициированных Монголией во избежание распространения новой коронавирусной инфекции, возник вынужденный интерес к железнодорожным грузоперевозкам. Приостановка работы большей части автомобильных пунктов пропусков на российско-монгольской границе с 16 ноября 2020 г., включая МАПП Кяхта, привело к скоплению грузов на складах перевозчиков и перемещению грузовых потоков на железную дорогу [9]. В этой ситуации стала наглядной необходимость строитель-

ства современного терминала для обработки железнодорожных грузов. Хотя вопрос создания подобного терминала, к примеру транспортно-логистического центра на базе грузового двора станции Тальцы, обсуждается давно, нынешние условия могут стать катализатором для его решения.

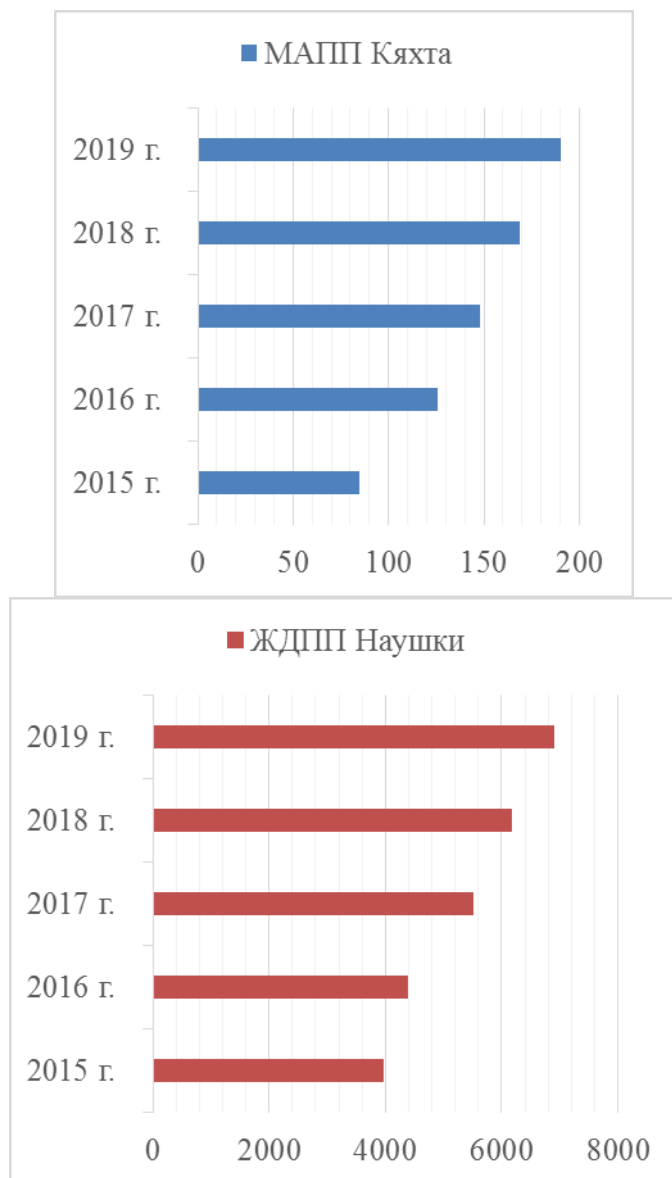

Рис. 2. Динамика грузопотоков в основных пунктах пропуска на российско-монгольской границе (тыс. тонн)

Источник: ведомственные данные Бурятской таможни Дальневосточного таможенного управления за 2015–2019 гг.

Строительство грузовых терминалов в Республике Бурятия актуально еще и потому, что в целом согласуется с идеей создания комфортных условий для функционирования транспортных коридоров, в том числе в рамках экономического коридора Китай – Монголия – Россия. Как мы видим, в последние годы в международных контейнерных грузоперевозках между Китаем и Европой растет значимость ЖДПП Наушки, который представляет альтернативу маршрутам через пункты пропуска Казахстана и через погранпереход Забайкальск – Маньчжурия. Создание условий для эффективного консолидирования контейнерных грузов в приграничном с Монголией регионе позволит привлечь внимание многих российских грузоотправителей.

Представляется, что грузовая база в направлении Монголии будет также расширяться за счёт местных предприятий, осваивающих монгольский рынок. Развитие экспорта продовольственных товаров и освоение новых товарных ниш, пригодных для контейнеризации и востребованных на монгольском рынке, будут положительно влиять на рост железнодорожных грузоперевозок при условии оптимизации тарифных условий.

Таким образом, вне всякого сомнения, реализация транспортно-логистических решений на территории Республики Бурятия крайне важна как на локальном уровне, так и для обеспечения российско-монгольской торговли в целом, и даже в свете продвижения международного транспортного коридора Россия – Монголия – Китай на рынке грузоперевозок между Азией и Европой.

Список литературы

1. Авирмэд Даваасурэн. О состоянии российско-монгольских отношений. – URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/owasia/o-sostoyanii-rossiyskomongolskikh-otnosheniy/> (дата обращения: 16.04.2020).
2. Цыренова, Е. Б. Республика Бурятия во внешней политике Российской Федерации (монгольское направление) // Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия. – 2011. – № 8. – С. 260–264.
3. Статистические данные Федеральной таможенной службы РФ. – URL: <http://customs.ru/statistic> (дата обращения: 16.04.2020).
4. Байкал-Daily : информ. агентство. – URL: <https://www.baikal-daily.ru/interview/360074/> (дата обращения: 20.09.2019).
5. Кокарев, К. А. Сотрудничество с Монголией – важное звено восточной политики России. – URL: <https://riss.ru/analytics/6819/> (дата обращения: 20.09.2019).
6. Соян, Ш. Ч. Анализ развития приграничных торгово-экономических отношений регионов Сибири с Монголией // Региональная экономика: теория и практика. – 2017. – Т. 15, вып. 4. – С. 632–643.
7. Россия и Монголия увеличат товарооборот за счет потенциала Дальнего Востока. – URL: <https://minvr.ru/press-center/news/15146/> (дата обращения: 12.09.2020).

8. Балдоржиев, Б. Б. Строительство транспортно-логистических, туристско-рекреационных, инфраструктурных объектов, автомобильных дорог от МАПП Алтан-Булаг – Кыхта до г. Улан-Удэ // Экономический коридор Китай – Монголия – Россия: дорожная карта / отв. ред. Б. В. Базаров, Ян Чэньхуа. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. – С. 171–174.

9. Хилийн боомтуудыг түр хааж, нэвтрэх хөдөлгөөнийг зогсоов. – URL: <https://news.mn/r/2373199/> (дата обращения 15.11.2020). – Временно закрыты пограничные переходы, движение приостановлено.

References

1. Avirmed Davaasuren. *O sostoyanii rossiisko-mongol'skikh otnoshenii* [On the state of Russian-Mongolian relations]. Available at: <https://russiancouncil.ru/blogs/owasia/o-sostoyanii-rossiyskomongolskikh-otnosheniy/> (accessed 16 April 2020).

2. Tsyrenova E. B. Respublika Buryatiya vo vneshnei politike Rossiiskoi Federatsii (mongol'skoe napravlenie) [Republic of Buryatia in the foreign policy of the Russian Federation (Mongolian direction)]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Pedagogika. Filologiya. Filosofiya*, 2011, no. 8, pp. 260–264.

3. Statistical data of the Federal Customs Service of the Russian Federation. Available at: <http://customs.ru/statistic> (accessed 16 April 2020). (In Russian).

4. *Baikal-Daily: inform. agency*. Available at: <https://www.baikal-daily.ru/interview/360074/> (accessed 20 September 2019). (In Russian).

5. Kokarev K. A. *Sotrudnichestvo s Mongoliei – vazhnoe zveno vostochnoi politiki Rossii* [Cooperation with Mongolia – an important link in Russia's eastern policy]. – URL: <https://riss.ru/analytics/6819/> (accessed 20 September 2019).

6. Soyán Sh. Ch. Analiz razvitiya prigranichnykh torgovo-ekonomicheskikh otnoshenii regionov Sibiri s Mongoliei [Analysis of the development of border trade and economic relations between the regions of Siberia and Mongolia]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika*, 2017, vol. 15, iss. 4, pp. 632–643.

7. *Russia and Mongolia will increase trade through the potential of the Far East*. Available at: <https://minvr.ru/press-center/news/15146/> (accessed 12 September 2020). (In Russian).

8. Baldorzhev B. B. Stroitel'stvo transportno-logisticheskikh, turistsko-rekreatsionnykh, infrastrukturykh ob'ektov, avtomobil'nykh dorog ot MAPP Altan-Bulag – Kyakhta do g. Ulan-Ude [Construction of transport and logistics, tourism and recreation, infrastructure facilities, highways from the Altan-Bulag – Kyakhta checkpoint to Ulan-Ude]. In: Bazarov B. V., Yang Chenhua (eds.) *Ekonomicheskii koridor Kitai – Mongoliya – Rossiya: dorozhnaya karta* [Economic corridor China – Mongolia – Russia: road map]. Ulan-Ude: Publishing house of the BNTs SB RAS, 2017, pp. 171–174.

10. 9. Border crossings are temporarily closed, traffic is suspended. Available at: <https://news.mn/r/2373199/> (accessed 15 November 2020). (In Mongolian).

УДК 339.187.42:42:004(510:470)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-4/44-59>

ORCID: 0000-0001-6781-8809

Фу Цзао¹, Суйхуаский университет, г. Суйхуа,
Китайская Народная Республика
E-mail: fujiao@mail.ru

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ПУТИ РАЗВИТИЯ ПРЯМЫХ ПРОДАЖ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛИ МЕЖДУ КИТАЕМ И РОССИЕЙ

Аннотация. В начале этого года неожиданная эпидемия COVID-19 нарушила жизнь людей во всём мире. Приостановлено развитие мировой экономики, международных торговых обменов, что привело к необходимости развивать экономику внутри стран. Приостановлено также заключение международных торговых контрактов и переговоров. Поиск путей выхода из затруднительного положения становится главной задачей для специалистов в области международной торговли. Благодаря быстрому развитию интернета, созданию электронной базы данных и использованию мобильной связи люди по всему миру повышают культуру потребления в сети интернет, используют возможности интернет-технологий, в том числе: электронную торговлю, рекламу услуг маркетинга, сайты для совместного сотрудничества. С помощью использования базы данных и международных сайтов в режиме онлайн возникают возможности для осуществления международных покупок в реальном времени. Под давлением эпидемии многие традиционные отрасли начали пытаться трансформировать онлайн-продажи, которые могут уменьшить убытки, вызванные эпидемией, и даже найти новые точки роста. Наступила эра «живых продаж». Можно предвидеть, что в будущем «живые» продажи охватят больше областей и станут одной из основных моделей продаж. Международная электронная торговля отличается от внутренней электронной торговли, и ей приходится сталкиваться со всё более и более сложными проблемами. В таких условиях наиболее актуальным является вопрос разработки путей развития международной электронной торговли.

¹Фу Цзао, старший преподаватель высшей кафедры русского языка Суйхуаского университета, г. Суйхуа, КНР.

Для цитирования: Фу Цзао. Перспективные пути развития прямых продаж международной электронной торговли между Китаем и Россией // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2020. № 4. С. DOI <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-4/44-59>.

Ключевые слова: международная электронная торговля, Хайтао, Дайгоу, товары для матери и ребёнка, косметика, предметы роскоши, операционная модель, японские и корейские покупки Parami, Yangpu, Tmall International, Гуанчжоуская международная ярмарка Экспортных товаров, AliExpress, особенность прямых продаж, интерактивность, географические и политические преимущества, перспективные пути развития прямых продаж международной электронной торговли между Китаем и Россией.

Fu Jiao¹, University of Suihua, Suihua, China
E-mail: fujiao@mail.ru

THE FUTURE OF CROSS-BORDER E-COMMERCE DIRECT SALES BETWEEN CHINA AND RUSSIA

Abstract. At the beginning of this year, a sudden COVID-19 pandemic disrupted the lives of people all over the world. International trade exchanges were forced to be suspended, which resulted in economic development only within each country. People were unable to conduct face-to-face negotiations and transactions. Thus, the way of breaking through the dilemma has become a problem that the experts who deal with cross-border commerce need to think about. Due to the rapid development of the Internet, creation of electronic databases and use of mobile communications, people all over the world are using the Internet technology. Therefore, the consumption culture of the Internet has been enhanced, including: e-commerce, advertising promotion, advertising marketing services. They share and cooperate with the help of sharing sites. By using databases and online international websites, international shopping can be carried out in real time. Under the pressure of the epidemic, many traditional industries have begun to try the transformation of online sales, which can reduce the losses caused by the epidemic, and even find new growth points. The era of “live sales” has quietly arrived. It is foreseeable that live shopping in the future will cover more areas and become one of the mainstream sales models. Cross-border e-commerce is different from domestic e-commerce in that it faces more and more complex problems. It is imminent to find a suitable development path for cross-border e-commerce direct sales.

Keywords: International e-commerce, overseas shopping, purchasing, maternal and child, cosmetics, luxury goods, operation mode, Parami Japan and South Korea purchases, Yangpu, Tmall International, Canton Fair, AliExpress, geographic, political and eco-

¹ Fu Jiao, Master, Senior Lecturer, University of Suihua, People's Republic of China.
For citing: Fu Jiao. The future of cross-border e-commerce direct sales between China and Russia // Pacific RIM: Economics, Politics, Law. 2020. No. 4. P. DOI <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-4/44-59>.

conomic advantages, characteristics of live sales, interactivity, the future of the cross-border e-commerce direct sales between China and Russia.

1. Обзор прямых продаж в международной электронной торговле

1.1 Обзор прямых международных продаж на импорт посредством методов электронной торговли

В связи с постоянным повышением уровня потребления в Китае и совершенствованием рынка электронной торговли спрос населения на зарубежные товары возрастает. Большой потенциал содержит женский потребительский рынок. Спрос населения на высококачественную косметику, фирменную одежду, сумки, товары для беременных и детей, предметы роскоши из-за границы растёт день ото дня, но во многих случаях для потребителей неудобно выезжать за границу для покупок, не позволяющих временные и экономические условия. Несмотря на высокие цены, у потребителей есть спрос на эти товары, которые стали основой международных покупок. Эти типы товаров активно рекламируются в прямом эфире, что может вызвать резонанс и желание потребителей.

В последние годы, особенно перед эпидемией, в зарубежных торговых центрах часто можно было увидеть китайцев с мобильными телефонами на видеотрансляции. Некоторые из них являются индивидуальными предпринимателями, работая на себя, а некоторые работают на сайтах как международные покупатели. Однако есть бренды, которые не способствуют развитию продаж из-за высоких цен. С помощью международных покупок иногда можно получить желаемые товары по самой низкой цене благодаря скидкам на обменный курс, налоговым льготам и т.д. Менеджер по продажам показывает весь процесс от рекламы до выбора покупки и её оплаты на мобильном телефоне, что способствует активному покупательскому спросу. Для развития онлайн продаж некоторые сайты подписали контракт с большим количеством менеджеров по продажам. Каждая прямая продажа может принести доход на тысячи долларов, а сайт отвечает за доставку товаров в Китай, приобретённых пользователями [12, с. 14].

Ежегодно в России, как и во многих странах, в так называемую «Чёрную пятницу» китайские менеджеры по продажам делают в России закупки по сниженным ценам (косметика, детские товары, продукты питания и т.д.), рекламируют их, показывают процесс покупок по прямой трансляции онлайн, затем продают их китайским покупателям. Основными целевыми рынками маркетинга прямых продаж онлайн являются рынок матери и ребёнка и закупок по поручению (Дайгоу). Это свидетельствует об огромном рыночном потенциале, и в сочетании с прямыми продажами это способствует росту торговли в целом. Однако в процессе электронной торговли маркетинг прямых продаж становится всё более однородным, лишённым инноваций, ориентированным на краткосрочные продажи,

что ослабляет возможности электронных магазинов. Ключ к решению этих проблем заключается в оптимизации методов электронной торговли, таких как сосредоточение внимания на потребителях, оптимизация взаимодействия с пользователем, ориентированность на продукт, проведение дифференцированного маркетинга, создание эксклюзивных комнат для прямых трансляций и повышения лояльности пользователей, обеспечение постоянных прямых трансляций электронной коммерции [11, с. 1].

Согласно опросу iiMedia Research, международную электронную торговлю в Китае можно условно разделить на четыре категории по их соответствующим операционным моделям: комплексные сайты, вертикальные сайты, самоуправляемые комплексные и самоуправляемые вертикальные. К интегрированным (комплексным) сайтам относят такие, как Tmall International, JD Global Purchase и Yangpu; к вертикальным сайтам – Meili Talk и Haimi Global Purchase; к самоуправляемым комплексным сайтам – Amazon Overseas Shopping, NetEase Koala, Xiaohongshu и т. д., самоуправляемым вертикальным сайтам – Vipshop International, Jumei Speed Duty Free Shop, Honey Bud, Parami Japan и South Korea Shopping и др. [1].

Рассмотрим, к примеру, Parami Japan и South Korea Shopping. Это профессиональная компания, занимающаяся международной электронной торговлей в Японии и Южной Корее, которая специализируется на «продажах по ценам в местном магазине». Parami использует метод «цена в местном магазине» + «интерактивная трансляция в прямом эфире», чтобы привлечь пользователей в зарубежные бренды, позволяя пользователям видеть цены в местных розничных магазинах, что значительно повышает доверие пользователей к покупкам за рубежом. Чтобы нарушить нынешнее состояние непрозрачной информации о ценах в индустрии зарубежных покупок, Parami запустила модель ценообразования для зарубежных покупок – «цена в местном магазине», то есть зарубежные ведущие фотографируют бирки с ценами на местах покупки и отображают их честно в Parami. По информации на сайте можно убедиться, что все его продукты соответствуют покупной цене (в юанях). Parami сочетает в себе прямые продажи и международную электронную торговлю, что в значительной степени помогает решить проблему искажения информации между покупателями и продавцами в процессе покупок за рубежом. Он просто отвечает потребностям пользователей Хайтао. Это вызывает потребность во взаимодействии, в общении и совершении реальных покупок. В последнее время менеджеры по продажам часто практикуют презентации продукции, на них приглашают представителей какого-либо бренда, которые представляют информацию о концепции и особенностях продукции, предоставляют потребителям возможность пробовать продукцию, а также запрашивать информацию и знакомиться с опытом её потребления. Благодаря этим методам пользователи могут

больше узнать о продукции, а продавцы могут узнать, какие продукты востребованы покупателями. Результаты такого обмена и взаимодействия между покупателями и продавцами способствуют увеличению прибыли торговых компаний, занимающихся международной электронной торговлей.

Компания Yangru предлагает разнообразные товары на международной платформе в формате C2C и предоставляет на экспорт продукцию с доставкой по международной почтовой связи. Компания развивает рекламную деятельность, создаёт в основном короткие видеоролики для прямых трансляций, формирует эксклюзивный маркетинговый стиль. Цай Хуа, директор по маркетингу компании Yangru, сообщил, что комната прямых трансляций на Хайтао в Yangru обладает характеристиками «большого количества заказов клиентов», «большого количества обратных покупок», «высокой популярности» и «высокой конверсии». Цена за единицу продукции для клиентов при заказах по интернету превышает 1 200 юаней (14 080,56 руб.) по валютному курсу 5 ноября 2020 г., при этом процент закупок для новых клиентов в месяц достигает 45%; доля клиентов уровня V4 и выше составляет 70%, а коэффициент конверсии заказов на прямые трансляции достигает 16,8% [2].

27 апреля 2020 г. в Ханчжоу открыта компания Tmall International, «первая в стране база прямых продаж с международных таможенных складов». Фактически, ещё в апреле прошлого года Tmall International объединилась с таможенной Ханчжоу для создания международной базы IP «Большой таможенный склад», которая положила начало инновационному эксперименту по созданию и распространению сети таможенных складов. После официального открытия базы международных таможенных складов еженедельно открывается отчёт прямых продаж с таможенных складов с ежемесячными фиксированными 4-6 прямыми продажами в месяц. На складах установлено специальное оборудование, которое позволяет заказчику видеть продукцию в режиме онлайн и заказывать её напрямую по сети Интернет. После того, как потребитель разместит заказ, товары сразу отбираются, упаковываются и отправляются, чтобы доставить их до адресата как можно быстрее. Некоторые покупатели могут получить товар даже на второй день после покупки. Режим «Прямая трансляция на таможенном складе», впервые примененный Tmall International, однажды «опустошил» таможенный склад за 3 часа. Такой маркетинговый ход не только удовлетворяет потребительский спрос на импортные товары, но и помогает большому количеству зарубежных компаний расширять онлайн-продажи и совместно реагировать на последствия эпидемии. По инновационной модели «таможенный склад + прямая трансляция» в последнее время реализован значительный объём импортных товаров [3].

В Китайской Народной Республике, особенно в последнее время, активно поощряется и поддерживается развитие новых форм электронной торговли.

Например, 25 марта 2020 г. Торговое бюро Гуанчжоу опубликовало «План действий по развитию электронной коммерции в режиме онлайн в Гуанчжоу (2020–2022)» для обучения компетентных менеджеров по продажам. 22 мая 2020 г. Цзинань официально выпустил «План реализации для эффективного развития экономики электронной коммерции и создания базы экономики для прямых продаж», направленный на создание базы международной электронной торговли [13, с. 6].

1.2 Обзор прямых международных продаж на экспорт посредством методов электронной торговли

Прямые продажи на экспорт международной электронной торговли в основном относятся к продажам внутри страны, а также к продажам отечественной продукции за границу. Например, при активной поддержке Комитета по управлению Комплексной свободной зоной экономического развития Наньнин компания Guangxi Tus Innovation Cross-border E-Commerce Co., Ltd. и Alibaba Network Technology Co., Ltd. подписали в Ханчжоу соглашение о сотрудничестве с целью совместного содействия созданию «Центра инновационных услуг международной электронной торговли Lazada» в Комплексной свободной зоне экономического развития Наньнин. Здесь интегрированы прямая международная электронная коммерция, обслуживание клиентов на иностранных, в основном азиатских, языках и сеть международной индустрии электронной коммерции Китай – АСЕАН. Компания Tus Innovative Cross-border выбрала более 30 сотрудников из стран Юго-Восточной Азии, таких как Вьетнам, Таиланд, Индонезия и других, для проведения 15-дневного официального тренинга по прямым продажам в Юго-Восточной Азии на системных курсах по обзору и технологиям организации прямых продаж в рамках международной электронной торговли. В сочетании с «раскруткой» брендов, с изучением реальных потребностей потребителей, эффективными методами и технологиями менеджмента продаж усиливаются и развиваются инновационные процессы международной торговли компании, прямые продажи которой были официально запущены с 4 по 5 января 2020 г., в том числе для стран азиатского региона (Вьетнам, Таиланд, Индонезия и др.) [4].

С 21 сентября «E-Expo on Cloud» осуществлял прямые продажи в течение трёх дней подряд по всему миру. Открытие зарубежных складов в 12 странах в рамках трансграничного проекта «Один пояс и один путь» создаёт систему трансграничных услуг экспортной цепочки поставок в глобальном масштабе [9].

Гуанчжоуская международная ярмарка экспортных товаров считается «барометром» и «флюгером» внешней торговли Китая. Как обычно, 15 апреля 2020 г. открылась ежегодная весенняя Гуанчжоуская ярмарка. 7 апреля 2020 г. исполнительное заседание Государственного совета постановило, что 127-я Гуанчжоуская ярмарка будет проведена в формате онлайн в середине или конце июня. Помощник министра торговли Жэнь Хунбинь сказал, что новаторское

предложение 127-й Гуанчжоуской ярмарки по замене выставок товаров онлайн-выставками – это не только прагматическая мера по борьбе с эпидемией, но и важная мера инновационного развития. Ли Синцянь, директор департамента внешней торговли Министерства торговли Китая, считает, что интернет соединяет многочисленные семьи и дома и коренным образом меняет наше производство и жизнь. Практическое нововведение – перенос глобальной торговой ярмарки, в рамках которой проводится более 120 сессий подряд на протяжении более 60 лет, в «облако». Популярнейшая Гуанчжоуская ярмарка «переехала» из формата реальной выставки товаров в сеть интернет, и это была не простая копия, а совершенно новый структурный дизайн и реинжиниринг процессов. Современная онлайн Гуанчжоуская ярмарка будет в основном включать в себя три части – стыковочный сайт для онлайн-показов, зону трансграничной электронной коммерции, услуги маркетинга прямой трансляции – и по-прежнему будет использовать преимущества торговых выставок. Сосредоточившись на платформе B2B и принимая во внимание некоторые сайты B2C, создается 10 × 24-часовой круглосуточный онлайн-сайт для внешней торговли, который позволит китайским и иностранным бизнесменам размещать заказы и вести бизнес, не выходя из дома. Стоит отметить, что на Гуанчжоуской онлайн ярмарке также была создана специальная рубрика и ссылка для прямых трансляций, и для каждой участвующей компании была организована 10 × 24-часовая круглосуточная онлайн комната прямых продаж. [5] Осенняя Гуанчжоуская ярмарка в этом году также проводилась в «облаке». 128-я Гуанчжоуская ярмарка завершилась 24 октября на «облачной» основе. В будущем Гуанчжоуская ярмарка будет реализовывать интегрированные онлайн и оффлайн выставки, интегрированное планирование, интегрированное продвижение и интегрированные операции для создания всепогодного торгового поля, которое продвигает, интегрирует и расширяет возможности как онлайн, так и оффлайн технологии, и открывает более широкое новое пространство для китайских и иностранных компаний, а также и больше новых возможностей для бизнеса. Сюй Бин сказал, что после 127-й и 128-й сессий Гуанчжоуской ярмарки на Гуанчжоуской ярмарке было проведено множество исследований в аспектах онлайн показа выставок, маркетинга прямых продаж, «стыковки» поставок и источников, онлайн переговоров, защиты интеллектуальной собственности, защиты сетевой безопасности и т. д. Развивается новая модель проведения онлайн выставки товаров [6].

25 октября 2020 г. в городе Хайкоу прошла онлайн конференция по трансграничной электронной торговле, а также конференция по развитию цифровой экономики в Хайкоу.

AliExpress, сайт трансграничной электронной торговли под управлением Alibaba, и город Сюйчан провинции Хэнань создали первую в мире базу

трансграничной электронной торговли. Это первый результат реализации плана AliExpress «Строительство 10 баз трансграничных прямых продаж по всей стране», а также это первая база трансграничных прямых продаж, запущенная в рамках китайской индустрии производства и продажи париков. База занимает площадь около 3600 квадратных метров и разделена на четыре зоны: центр выбора продуктов, центр прямой трансляции, бренд-центр и учебный центр. Она может вместить более 100 предприятий и более 20 менеджеров, которые в то же время открывают интернет-комнаты для прямых продаж. В базе проводят не менее 100 прямых продаж в месяц. Парики являются актуальным и востребованным продуктом AliExpress, частота их продаж составляет в среднем один парик каждые 2 секунды. К настоящему времени объём продаж париков Xuchang через международную электронную торговлю превысил 1 млрд долларов, что составляет более половины общего экспорта париков Xuchang [7].

2. Преимущества прямых продаж трансграничной электронной торговли между Китаем и Россией

Трансграничная электронная торговля между Китаем и Россией (как импорт, так и экспорт) имеет естественное преимущество. Россия соседствует с Китаем, и отношения между двумя странами всегда были дружескими. На протяжении многих лет получили развитие множество направлений международного делового сотрудничества. Наиболее развито сотрудничество между Россией и китайской провинцией Хэйлуцзян, так как этому способствуют географические преимущества, а развитие трансграничной электронной торговли между двумя странами имеет неотъемлемые преимущества. В 2019 г. в Харбине была создана комплексная испытательная зона для трансграничной электронной торговли, чтобы облегчить доступ компаний, занимающихся трансграничной электронной торговлей. На 6-й выставке «Китай – Россия» торговцы обратили внимание на харбинские компании электронной торговли и на то, и что у Харбина есть огромные возможности для развития трансграничной электронной торговли с Россией.

Кроме географических и политических преимуществ существуют такие факторы, как обменные курсы, плата за провоз и др. В России цены на всемирно известные товары для многих китайских покупок вполне приемлемы, и поэтому китайцы предпочитают покупать международные известные бренды в России. В то же время многие качественные местные продукты России тоже привлекают внимание китайцев. Например, 29 апреля 2020 г. в Shang'hai Zhongshuai Trading Co., Ltd. на первом этаже Центра прямых продаж русских товаров Русской Империи в г. Суйфэньхэ менеджер Гу Чжунцян и его сотрудники упаковали в коробки для отправки российские продукты питания, проданные в предыдущий день в интернете. 83 вида российских напитков, сладостей и закусок хорошего

качества и по хорошим ценам продаются во все уголки Китая на сайте электронной торговли этой компании каждый день, при ежедневных продажах более 50 000 юаней (586 690 рублей по валютному курсу 5 ноября 2020 г.). Упаковщики работают в две смены до 12 часов ночи каждый день. Во время эпидемии продажи физических магазинов Центра продаж русских товаров в Суйфэньхэ упали, но сайт электронной торговли «процветал». Сайт прямых продаж с 100 000 поклонников помогает его компании. Так, например, менеджер по продажам У Сяньлинь в течение 4 часов проводила прямые продажи и показала более 30 шоколадных и других видов конфет на рабочем столе, последовательно отображаемых перед камерой. Помощник рядом с ней на компьютере синхронно записал данные о продажах. Рабочие в цехе за местом прямой трансляции работали быстро. Товары были упакованы в соответствии с данными заказа, загружены в машины транспортной компании. По словам руководителя собирательно-распределительного Центра прямых продаж российских товаров в Суйфэньхэ, в прошлом в центре было 136 предприятий, осуществляющих прямые электронные покупки и продажи каждый день. В ответ на растущее внимание владельцев бизнеса к развитию электронной торговли собирательно-распределительный центр начал комплексную модернизацию нынешних 26 000 квадратных метров коммерческих помещений в соответствии с рыночным спросом. Добавлен ряд тематических выставочных зон, таких как супермаркет импортных продуктов, зона русских ювелирных изделий, зона выпечки русских деликатесов, а также зона рисования и производства матрёшек. После трансформации будет полностью открыта модель онлайн-маркетинга, чтобы создать круглосуточный «город, который никогда не спит». В то же время она предоставит студентам возможности для создания своего дела в интернете. Отрасль электронной торговли Суйфэньхэ началась в 2007 г., и после более чем 10 лет развития она изменила структуру потребления на традиционном рынке. Что касается торговых центров, то продавцы на традиционных коммерческих рынках, таких как Qingyun Market, Geely Building и Xusheng Commercial Building, использовали собственные городские сайты или внутренние сторонние сайты электронной торговли для осуществления трансграничных продаж между Китаем и Россией, добиваясь развития соединения онлайн и оффлайн. В то же время российские компании по сбыту товаров, такие как Российский товарный рынок «Игорь» и Российский собирательно-распределительный торговый центр Российской Империи, широко использовали сайты электронной торговли для продажи российских товаров по всей стране, что ещё больше расширило масштабы продажи Суйфэньхэ как собирательно-распределительного центра российских товаров [8].

3. Особенности и технологии «живой покупки» в прямых продажах

«Живые покупки» – это новая форма покупок, которая объединяет технологию прямой трансляции и онлайн покупки. Проще говоря, это продажа товаров в прямом эфире по сайту «живого» видео в реальном времени. Они популярны в Taobao, Douyin и Kuaishou. Впервые эта форма покупок была применена на платформах Amazon, Livby и Style Code Live, но ни одна из них не стала столь популярной. Но при этом прямые продажи всё же имели большой успех в Китае, и 2016 год стал «первым годом прямых продаж».

3.1 Менеджер прямых продаж

Во время проведения «прямой продажи» менеджер проводит презентацию и представляет товары разных видов и производителей, раскрывает их преимущества и достоинства. Это более эффективный и наглядный способ, по сравнению с обычным изображением, различных видов продукции. Менеджер прямых продаж также может показать качество продукта на месте, а покупатели могут узнать, подходит или нет для них данный товар.

3.2 Формат прямых продаж

Опора на сайт представляет собой описание полной системы продаж, покупок и послепродажного обслуживания. Преимущества продаж онлайн и прямых продаж очевидны, особенно для городов третьего и четвёртого уровней и сельских районов, где транспорт, инфраструктура и информация не так развиты. У них высокая покупательная способность и потребности, которые можно удовлетворить через интернет, особенно в форме прямых продаж. И сельскохозяйственную продукцию, товары местных производителей можно продавать во всех частях мира посредством прямых продаж в интернете. Формат прямых продаж стал более понятным и убедительным. Официальные лица тоже часто представляют и показывают местные товары в прямом эфире.

3.3 Интерактивность и своевременность прямых продаж – её отличительные особенности

Во время прямых продаж покупатели могут общаться не только с продавцами, но и с другими покупателями. Если у покупателей возникают какие-либо вопросы во время прямых продаж или во время презентации в режиме онлайн, они могут в любое время отправить вопросы ведущим по интернету и проконсультироваться. Менеджер обеспечивает своевременную обратную связь, чтобы решить проблемы покупателя. Это удобнее и эффективнее, чем обычные покупки в интернете. В настоящее время в некоторых магазинах служба поддержки клиентов обеспечивается роботами автоматически и быстро, а ручная работа службы поддержки клиентов может работать медленнее. Прямые продажи по интернету решили эту проблему. Более того, во время прямых продаж отмечается высокий уровень удовлетворенности покупателей, при этом некоторые из них вносят

полезные предложения после покупки. Взаимодействие в реальном времени очень эффективно. Это более достоверно, чем множество хороших отзывов. Такие действия в совокупности повышают потребительский спрос.

3.4 Метод «Роль лидеров мнений»

В случае, когда в прямом эфире объявляется о продаже одежды, менеджер сообщает о своём росте и весе, которые используются покупателями в качестве ориентира для покупки, и покупатели могут выбрать свой собственный подходящий размер и тип одежды. В то же время есть много клиентов, у которых есть препятствия для выбора или которые не знают, как правильно поступить с выбором одежды. Тогда менеджер может сыграть роли «лидеров мнений», то есть ролевую игру по обсуждению (высказыванию) различных мнений и предложений людей, которые хорошо разбираются в моде, следуют её тенденциям и могут дать полезный совет покупателю.

3.5 Создание индивидуального IP-образа эффективного менеджера продаж

Многие опытные менеджеры имеют своих фанатов и поклонников. У этих поклонников сильная покупательная способность и приверженность именно к этому бренду или к торговой компании. Есть также некоторые бизнес-фанаты, которые беспокоятся о карьере своего менеджера. Например, фанаты известного менеджера Ли Цзяци помогали ему рекламировать продукцию, обеспечивая навигацию по карте. В результате компания AutoNavi Maps связалась с Ли Цзяци и записала голосовую навигацию. Кроме того, Ли Цзяци был приглашен на красную ковровую дорожку Канн из-за его мощных объёмных продаж.

3.6 Применение скидок на товары во время презентации товаров

При проведении рекламных презентаций менеджеры рассчитывают на то, что многие люди, услышав о какой-либо презентации, тоже хотят её увидеть и услышать о новой продукции. Известно, что многие из слушателей смотрят и слушают презентацию по приглашению своих знакомых, друзей, родственников. И менеджеру, ведущему презентацию, нужно постараться, чтобы как можно больше из них сделали заказ на покупки, и чтобы никто не понёс моральные или материальные потери. Для этого применяется система скидок, раздаются купоны на скидку или прямые скидки на товары по низким ценам. При этом покупателям необходимо приобрести данные товары во время прямой трансляции, иначе они скидкой воспользоваться не смогут [14, с. 26].

4. Перспективы трансграничной электронной торговли между Китаем и Россией

Прямые продажи и развитие международной электронной торговли между Китаем и Россией становится перспективным направлением в сфере товаров и услуг. Международная электронная торговля отличается от внутренней электронной торговли, при этом она сталкивается с большим количеством проблем

и имеет свои уникальные особенности. Необходимо твёрдо усвоить три элемента: внимание, содержание и форму. В таких условиях обе страны обязуются соблюдать договорённости и все условия безопасной, честной и открытой торговли. Россия и Китай в последнее время обеспечивают условия для взаимовыгодного сотрудничества и приобретают взаимно полезный опыт, обмениваются лучшими практиками по распространению товаров и услуг. Отмечается тенденция увеличения прямых онлайн продаж между Россией и Китаем.

4.1 Менеджеры международных компаний

Международные компании электронной торговли, находящиеся на территории КНР, в последнее время всё активней приглашают специалистов из Китая, владеющих русским языком, в качестве менеджеров по продажам для реализации товаров как в пределах Китая, так и в Россию. На должности менеджеров по продажам активно приглашаются и российские специалисты. Во время прямых продаж могут возникать различные непредвиденные ситуации, поэтому менеджер должен обладать определёнными профессиональными качествами и знаниями, моральными качествами, чтобы представлять образ предприятия и лучше продвигать его собственные продукты.

4.2 Повышение эффективности рекламы в продвижении товаров

Наиболее эффективным способом рекламирования товаров и услуг принято считать приглашение знаменитостей и их почитателей (фанатов, болельщиков и др.). На ранней стадии продвижения товаров это наиболее актуально. На этом этапе менеджеру-ведущему важно создать яркий образ для представления бренда и разработать интересное содержание. Например, во время онлайн презентации о фитнес-оборудовании компания может выбрать ведущего, соответствующего образу спортсмена, занимающегося на данном оборудовании, чтобы усилить впечатление аудитории [16, с. 64]. И если компания выберет, например, китайскую звезду, хорошо известную всюду за рубежом и в России, такого уникального человека, как Джеки Чан, это обязательно привлечет внимание покупателей и будет способствовать повышению конверсии сайта и росту потребления.

4.3 Обновление содержания прямых продаж

Постоянное обновление содержания прямых продаж, объединение потребительских отзывов в совокупности может ярко показать мощные функции и практичность продукта. Формат прямых трансляций должен постоянно обновляться. Например, в продаже одежды, головных уборов и косметики обновление содержания продаж происходит там, где участвуют простые люди, чтобы максимально привлечь зрителей и внимание аудитории.

4.4 Интерактивное общение

Обновление форм прямых продаж заключается в активизации интерактивности. Повышать интерактивность и общение – такую задачу ставят сегодня менеджеры по

продажам и руководители ведущих торговых компаний и интернет-платформ. Благодаря онлайн-общению с потребителями менеджер также может своевременно получать информацию от потребителей, которая бывает очень актуальной и точно улавливает потребности потребителей в индивидуальном порядке. Потребители готовы делиться и общаться, обеспечивая обновление цепочки потребления.

4.5 Оптимизация брендовых продуктов

Постоянно оптимизировать продукцию бренда и повышать доверие потребителей – это сегодня одна из главных задач интернет-торговли. Для потребителей покупка поддельных товаров в интернете является ключевой проблемой, которая ограничивает развитие зарубежных покупок. Традиционная электронная торговля предоставляет квитанции о покупках и фото зарубежных торговых центров в интернете, но в настоящее время возможности копирования иногда не позволяют отличить подлинник от подделки. Прямые интернет-продажи могут эффективно решить эту проблему. Менеджер электронных прямых продаж становится покупателем, совершает покупки на месте, взаимодействует, размещает заказ и отправляет по почте, при этом весь процесс может осуществляться на глазах у потребителей. Это также позволяет потребителям участвовать в процессе онлайн покупок и получать достоверную информацию о покупке.

4.6 Товары, связанные с культурой и творчеством

Министерство культуры и туризма Китая недавно взяло на себя ведущую роль в проведении онлайн-фестиваля «покупок нематериального культурного наследия», и многие любители нематериального культурного наследия приняли участие в онлайн-трансляции. Лекции в формате видеоконференции, обратная связь и взаимодействие – все эти детали могут восполнить недостаток информации, такой как исследования данных и отзывы общественности в процессе разработки продукта, что в значительной степени способствует развитию и совершенствованию продаж культурных и творческих продуктов [15]. Товары, связанные с культурой и творчеством оказывают уникальное влияние на людей, вызывают их эмоциональный отклик, особенно в сфере международной электронной торговли. Например, традиционная китайская культура имеет уникальную восточную привлекательность для россиян. Культурное распространение осуществляется в прямом эфире, так что продукты имеют культурные и исторические атрибуты, чтобы способствовать их сбыту. В то же время, это ещё и модель культурного обмена. Такой вид распространения культуры может использоваться для ознакомления с иностранной культурой и для экспорта продуктов отечественной культуры. В последнее время возрастает число культурных обменов между Китаем и Россией, а вместе с этим происходит и рост продаж продуктов культуры.

Таким образом, процессы торговли – от первых покупок с помощью телевизионной рекламы до покупок с помощью компьютера по интернету и до

покупок по современному мобильному телефону – отражают изменения эпохи современной торговли. Всесторонняя интеграция потоков людей, транспорта, капитала и информации, а также полная интеграция интернет-технологий, систем розничных услуг и традиционных методов маркетинга служат созданию и развитию новых форм и технологий розничной торговли [10, с. 22]. В прямых продажах международной электронной торговли мы также должны приложить все усилия для создания прочной и эффективной системы прямых онлайн продаж в структуре международной электронной торговли.

Список использованных источников

1. 2016年中国跨境进口电商报告③：自营类与平台类电商对比分析. – URL: <https://www.cifnews.com/Article/19490?from=singlemessage&isappinstalled=0> (дата обращения: 25.12.2020). – Отчет о трансграничном импорте электронной коммерции Китая за 2016 г. 3: Сравнительный анализ автономной и платформенной электронной торговли.
2. 洋码头启动海淘新零售 三年要做 «百城千店». – URL: <http://www.china-news.com/business/2020/08-17/9267234.shtml> (дата обращения: 25.12.2020). – Yangquan Dock запускает новую розничную торговлю на Хайтао, которая за три года превратится в «100 городов и тысячи магазинов».
3. 3小时清空1个保税仓, «保税仓+直播»进口货卖爆了». – URL: https://www.sohu.com/a/392371868_468675 (дата обращения: 25.12.2020). – Один таможенный склад опустел за 3 часа, а импортные товары типа «таможенный склад + прямая трансляция» распроданы.
4. 南宁电商面向东南亚消费者跨境网络直播. – URL: http://www.nnr.com.cn/nnr/20200103/html/page_06_content_002.htm (дата обращения: 25.12.2020). – Трансграничная веб-конференция по электронной коммерции в Наньнине для потребителей из Юго-Восточной Азии.
5. 本届广交会将设全天候直播间. – URL: http://m.xinhuanet.com/gd/2020-04/11/c_1125840786.htm (дата обращения: 25.12.2020). – В этом году на Кантонской ярмарке будет создана комната для прямых трансляций в любую погоду.
6. 广交会将推动线上线下一体化办展. – URL: <http://www.chinanews.com/cj/2020/10-24/9321758.shtml> (дата обращения: 25.12.2020). – Кантонская ярмарка будет способствовать интеграции онлайн и оффлайн выставок.
7. «国际版淘宝» 搭建假发跨境直播平台 许昌假发超过一半通过跨境电商出口. – URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1681570297111254158&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 25.12.2020).

8. «国际版淘宝» 搭建假发跨境直播平台 许昌假发超过一半通过跨境电商出口. – URL: <http://epaper.hljnews.cn/hljrb/20200511/470688.html> (дата обращения: 25.12.2020). – «International Taobao» создаст платформу трансграничной прямой трансляции париков. Более половины париков Xuchang экспортируется через трансграничную электронную торговлю.

9. Ван Ибо. Зона экономического развития полностью продвигает «Интернет-строительство Шелкового пути» // Чжэнчжоуская ежедневная утренняя газета. – 2020. – Вып. 9. – На кит. яз.

10. Ван Юйгун. От телешопинга до электронной коммерции – новое развитие экранной экономики Китая // Аудиовизуальный сектор. – 2020. – 5 августа, № 4. – С. 20–24. – На кит. яз.

11. Ли Ланлань. Исследование маркетинговой стратегии электронной коммерции на основе платформы прямой трансляции // Магистерская работа Университета Хэнань. – 2017, май. – На кит. яз.

12. Лю Гэ. Популярность Ли Цзяци / Лю Гэ, Цай Мэнъинь // Точка зрения. – 2020. – 8 декабря, № 23. – С. 13–14. – На кит. яз.

13. Лю Чан. От телешоу до прямой трансляции, анализ революции прямой трансляции электронной коммерции / Лю Чан, Ма Синьсинь // Руководство по исследованиям новостей. – 2020. – 25 сентября. – № . – С. 5–6. – На кит. яз.

14. Лю Чунь. Интернет-трансляция продаж кожаных изделий открыла новые возможности во время эпидемии // Пекинская кожа. – 2020. – 8 мая, № 5. – С. 25–27. – На кит. яз.

15. Цзинь Вэньцин. «Товары с культурой» в моде // Аньхойская ежедневная утренняя газета. – 2020, 31 июля, версия 009. – На кит. яз.

16. Чжао Дунлин. Исследование узнаваемости бренда и конверсии продаж в эпоху интернет-трансляций – на примере сайта прямой трансляции покупок // Маркетинг. – 2018. – 10 января, № 1. – С. 62–64. – На кит. яз.

References

1. *2016 China Cross-border Import E-commerce Report. 3: Comparative analysis of self-operated and platform e-commerce*. Available at: <https://www.cifnews.com/Article/19490?from=singlemessage&isappinstalled=0> (accessed 25 December 2020). (In Chinese).

2. *Yang Dock launched the new retail of Haitao in three years, and will do «Hundred Cities and Thousands of Stores»*. Available at: <http://www.chinanews.com/business/2020/08-17/9267234.shtml> (accessed 25 December 2020). (In Chinese).

3. *Empty 1 bonded warehouse in 3 hours, «Bonded warehouse + live broadcast imported goods sold out»*. Available at: https://www.sohu.com/a/392371868_468675 (accessed 25 December 2020). (In Chinese).

4. *Nanning e-commerce cross-border webcast for Southeast Asian consumers*. Available at: http://www.nnrbc.com.cn/nnrb/20200103/html/page_06_content_002.htm (accessed 25 December 2020). (In Chinese).
5. *This session of the Canton Fair will have an all-weather live broadcast room*. Available at: http://m.xinhuanet.com/gd/2020-04/11/c_1125840786.htm (accessed 25 December 2020). (In Chinese).
6. *The Canton Fair will promote the integration of online and offline exhibitions*. Available at: <http://www.chinanews.com/cj/2020/10-24/9321758.shtml> (accessed 25 December 2020). (In Chinese).
7. *«International Taobao» built a cross-border live broadcast platform for wigs. More than half of Xuchang's wigs were exported through cross-border e-commerce*. Available at: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1681570297111254158&wfr=spider&for=pc> (accessed 25.12.2020). (In Chinese).
8. *«International Taobao» built a cross-border live broadcast platform for wigs. More than half of wigs in Xuchang were exported through cross-border e-commerce*. Available at: <http://epaper.hljnews.cn/hljrb/20200511/470688.html> (accessed 25 December 2020). (In Chinese).
9. Wang Yibo. The Economic Development Zone fully promotes the «Internet Silk Road Construction». *Zhengzhou Daily*, September 2020. (In Chinese).
10. Wang Yugong. From TV shopping to live e-commerce, the new development of China's screen economy. *The audio-visual sector*, 2020, August 5, no. 4, pp. 20–24. (In Chinese).
11. Li Lanlan. *Research on e-commerce marketing strategy based on live webcast platform*. Master's degree thesis of Henan University. May 2017. (In Chinese).
12. Liu Ge, Cai Mengyin. The popularity of Li Jiaqi. *Viewpoint*, 2020, December 8, no. 23, pp. 13–14. (In Chinese).
13. Liu Chang, Ma Xinxin. From TV shopping to live delivery, an analysis of the revolution of e-commerce live broadcast. *News Research Guide*, 2020, September 25, no. 4, pp. 5–6. (In Chinese).
14. Liu Chun. During the epidemic, the live web sales of leather products ushered in new opportunities. *Beijing Leather*, 2020, May 8, no. 5, pp. 25–27. (In Chinese).
15. Jin Wenjing. «Culture brings goods» at the time. *Anhui Daily*, 2020, July 31, version 009. (In Chinese).
16. Zhao Dongling. Research on brand exposure and sales conversion in the era of online live broadcasting – taking the shopping live broadcast platform as an example. *Marketing*, 2018, January 10, no. 1, pp. 62–64. (In Chinese).

УДК 336.02

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-4/60-77>

Н. А. Мосолова¹, Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток, Россия

E-mail: mosolova.na@dvfu.ru

АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ И ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СФЕРЫ АГРОСТРАХОВЫХ УСЛУГ

Аннотация. Опережающие темпы роста объёмов сельскохозяйственного производства сопровождаются увеличением рисков потерь от наступления опасных случайных событий. Важнейшим механизмом защиты имущественных интересов сельхозпроизводителей является страхование. Между тем динамика развития сферы страховых услуг не соответствует темпам развития сельскохозяйственного рынка страны и региональных рынков. В этой связи для формирования эффективных управленческих решений, связанных с развитием сферы агростраховых услуг, необходимо выработать подходы к оценке её экономического потенциала. Практически значимая оценка экономического потенциала невозможна без формирования методологических подходов к определению покомпонентной структуры экономического потенциала, выбора показателей, характеризующих каждую компоненту для расчёта комплексного, интегрального показателя оценки экономического потенциала. В настоящей статье автором предпринята попытка на основании анализа существующих подходов к определению экономического потенциала сформулировать авторскую точку зрения на структуру экономического потенциала сферы страховых услуг для сельхозпроизводителей, в том числе сельхозпроизводителей, осуществляющих свою деятельность на региональных рынках. В статье обосновывается выбор показателей, характеризующих каждую компоненту экономического потенциала сферы агростраховых услуг, оказывающих наибольшее влияние на формирование ключевого показателя экономического потенциала – объёма собираемых страховых премий по страхованию рисков сельхозпроизводителей.

Ключевые слова: сфера агростраховых услуг, риски сельхозпроизводителей, экономический потенциал, компонента, производственный потенциал, финансово-

¹ Нина Александровна Мосолова, старший преподаватель Департамента экономических наук Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Мосолова Н. А. Анализ структуры и показателей экономического потенциала сферы агростраховых услуг // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2020. № 4. С. 60–77. DOI <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-4/60-77>

инвестиционный потенциал, инновационный потенциал, организационно-управленческий потенциал, сельскохозяйственное производство.

N. A. Mosolova¹, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
E-mail: mosolova.na@dvfu.ru

ANALYSIS OF THE STRUCTURE AND INDICATORS OF ECONOMIC POTENTIAL OF AGRICULTURAL INSURANCE SERVICES

Abstract. The outstripping growth rates of agricultural production are accompanied by an increase in the risks of losses from the onset of dangerous random events. The most important mechanism for protecting the property interests of agricultural producers is insurance. Meanwhile, the dynamics of the development of insurance services sector does not correspond to the rates of development of the country's agricultural market and regional markets. In this regard, in order to form effective management decisions related to the development of agricultural insurance services, it is necessary to develop approaches to assessing its economic potential. A practically significant assessment of economic potential is impossible without the formation of methodological approaches to determining the component-wise structure of economic potential, the choice of indicators that characterize each component for calculating a complex, integral indicator for assessing economic potential. In this article, the author, based on the analysis of existing approaches to determining the economic potential, has formulated the viewpoint on the structure of economic potential of the insurance services sector for agricultural producers, including agricultural producers operating in regional markets. The article substantiates the choice of indicators that characterize each component of the economic potential of the agricultural insurance sector, which have the greatest impact on formation of the key indicator of economic potential – the volume of collected insurance premiums for insurance of risks of agricultural producers.

Key words: the sphere of agricultural insurance services, risks of agricultural producers, economic potential, component, production potential, financial and investment potential, innovation potential, organizational and managerial potential, agricultural production.

¹ Nina A. Mosolova, Senior Lecturer, Department of Economic Sciences, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Mosolova T. A. Analysis of the structure and indicators of economic potential of agricultural insurance services // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2020. N. 4. P. 60–77. DOI <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-4/60-77>.

Введение. Производство сельскохозяйственной продукции в Российской Федерации, несмотря на все достижения науки, техники и технологии, связано с высоким риском, обусловленным действием различных факторов, как природно-климатического, так и биологического характера, оказывающих негативное влияние на продуктивность и эффективность сельского хозяйства. Большинство территорий страны находится в зоне рискованного земледелия. В этих условиях огромное значение имеет страхование сельскохозяйственных рисков, которое смягчает негативное воздействие природно-климатических условий на конечные результаты сельскохозяйственной деятельности.

Анализ показателей, характеризующих динамику развития сферы агростраховых услуг, свидетельствует о крайне низком уровне покрытия рисков сельхозпроизводителей. Несмотря на существенный прирост объёмов сельскохозяйственного производства (в 2019 г. объём произведённой сельхозпродукции – 5,9 трлн рублей – в 1,86 раз превышает объём произведённой в 2012 г. сельхозпродукции – 3,16 трлн рублей), страховая сумма страхования агрорисков существенным образом не увеличилась (страховая сумма по всем заключённым в 2019 г. договорам – 458,8 млрд рублей – превышает страховую сумму по договорам, заключённым в 2012 г., – 395,8 млрд рублей, всего на 16%). Уровень покрытия страхованием сельскохозяйственного производства в России в 2019 г. составил около 12%. Всё это свидетельствует о кризисном развитии сферы агростраховых услуг, о низком уровне экономического потенциала этого сегмента страхового рынка.

Обязательным условием реализации возможностей развития сферы страховых услуг является оценка её экономического потенциала. Оценка экономического потенциала сферы страховых услуг важна для выработки управленческих решений, связанных с развитием, прежде всего, наиболее значимых локальных подсистем – компонент, входящих в состав экономического потенциала. Оценка степени использования экономического потенциала посредством сопоставления фактически достигнутых показателей, характеризующих отдельные подсистемы, с максимально возможными показателями, позволяет выявлять неиспользованные возможности для расширения реализации страховых услуг в сфере сельского хозяйства [25].

Проблема. Для количественного определения потенциала сферы страховых услуг, предоставляемых сельхозпроизводителям на региональных рынках, необходимо определить факторы, которые оказывают влияние на ключевой показатель – объём собранных страховых премий. Но экономический потенциал представляет собой многосоставное понятие, включающее разные компоненты экономического потенциала: производственный, финансово-инвестиционный, инновационный, организационно-управленческий. Каждую компоненту экономического потенциала характеризует отдельный набор показателей, учитывающий не только специфику

развития сферы всех страховых услуг, но и специфику развития отдельного сегмента сферы страховых услуг – страховых услуг сельхозпроизводителей, обоснованный выбор которых позволит провести практически значимую оценку экономического потенциала сферы страховых услуг для сельхозпроизводителей. В настоящее время не существует единых подходов к определению покомпонентной структуры экономического потенциала сферы страховых услуг в целом и сферы агростраховых услуг в частности, что не позволяет выделить показатели, характеризующие каждую компоненту у экономического потенциала сферы страховых услуг, и, следовательно, проанализировать динамику этих показателей с целью определения их влияния на объём потребления страховых услуг сельхозпроизводителями. В свою очередь, отсутствие информации о взаимосвязи и взаимозависимости тех или иных показателей, характеризующих экономический потенциал сферы страховых услуг, не позволяет эффективно и рационально планировать и осуществлять практически значимые мероприятия государственного и регионального масштаба по управлению рисками сельхозпроизводителей.

Цель настоящего исследования – на основе результатов анализа существующих методологических подходов к определению структуры экономического потенциала сферы страховых услуг предложить авторскую трактовку структуры экономического потенциала и набор показателей, характеризующих каждую компоненту экономического потенциала сферы агростраховых услуг.

Обзор литературы. Для выработки авторского определения покомпонентной структуры экономического потенциала обратимся к исследованиям экономистов, изучающих современные аспекты развития сферы агростраховых услуг.

Вопросам сущностного содержания понятия «сфера страховых услуг» посвятили свои труды Н. А. Николаева [16], Н. В. Кучерова [14], В. Б. Гомелля [5], Л. К. Васюкова [4] и др.

Н. В. Кучерова подчёркивает, что в сферу страховых услуг включаются услуги, которые не потребляются в настоящее время отдельными участниками страховых отношений, но могут потребляться в будущем [14].

Н. А. Николаева определяет межотраслевой характер экономических отношений, возникающих в сфере страховых услуг [16].

Л. К. Васюкова в своих работах подчёркивает специфичность сферы страховых услуг, связанную с кредитным характером страховых отношений [4].

В. Б. Гомелля обосновывает состав и структуру страховой услуги, описывает факторы, влияющие на формирование спроса и предложения страховых услуг [5].

Сущностное содержание «экономический потенциал» в своих исследованиях рассматривали Л. И. Абалкин [1], Б. М. Мочалов [27], П. А. Игнатовский [8], Э. П. Горбунов [6], В. Н. Авдеенко, В. А. Котлов [2], М. С. Остапенко [19] Н. Ф. Колодина [12] и др.

Обобщая результаты исследований разных экономистов, можно сделать вывод о том, что к раскрытию сущности термина «потенциал» применяется несколько подходов: ресурсный подход (Б. Плышевский [20], А. В. Годосийчук [22] Е. В. Козина [11], Л. И. Абалкин [1], Г. Б. Клейнер [9]), результативный подход – способность ресурсов в ходе осуществления финансово-хозяйственной деятельности приносить определенные результаты: объем производства, выручка, прибыль (В. Н. Авдеенко [2], И. Н. Богатая [3], Э. П. Горбунов [6], В. А. Котлов [2] и др.), подход к определению потенциала как способностей экономической системы достичь желаемого состояния (В. Н. Мосин [18], Б. М. Мочалов [27], Л. И. Лопатников [15], А. М. Румянцев [28], Д. М. Крук [18], О. В. Козлова [26], Т. Н. Толстых [23], Е. М. Уланова [23]).

Структуру экономического потенциала В. В. Ковалёв раскрывает в своих трудах как совокупность «материальных, трудовых и финансовых ресурсов» [10, с. 263]. И. В. Яроцкий уточняет, что «нематериальная сфера экономического потенциала включает технологии, приемы и методы управления, хозяйственный механизм, традиции, корпоративную культуру и многое другое» [25, с. 57].

Р. Т. Юлдашев определяет потенциал сферы страховых услуг как «общий объём рынка страхования за определённый срок, измеренного либо в количестве договоров, либо в единицах стоимости» [24, с. 459].

Определяя подходы к оценке потенциала сферы страховых услуг, Н. В. Кучерова в качестве фактора, влияющего на развитие региональных рынков страховых услуг, выделяет пассивный спрос на страховые услуги и низкий уровень финансовой грамотности большей части потенциальных клиентов страховых компаний [14, с. 153].

Д. В. Пушная и Р. М. Юсупов предлагают для оценки экономического потенциала сферы услуг, как многофакторной системы со сложными разнородными связями, использовать методы корреляционно-регрессионного анализа [21].

И. А. Краснова в методику оценки потенциала сферы страховых услуг предлагает вводить коэффициенты предпочтения страхования перед другими финансовыми услугами [13].

Экономистами Р. Картером (R. L. Carter) и Дж. Диккенсоном (G. M. Dickinson) [29] была предложена модель оценки потенциала развития сферы страховых услуг, экономическое содержание которой заключалось в выявлении взаимосвязи между темпом роста проникновения страхования на региональном рынке и уровнем валового регионального продукта (ВРП) на душу населения, проживающего в регионе.

Для оценки экономического потенциала субъектов страхового рынка исследователи предлагают использовать метод главных компонент, методы денежной оценки элементов потенциала [17] и индикативный метод [25], метод интегральной оценки потенциала многомерного динамического объекта в определённый момент времени [7].

Между тем, в исследованиях российских и зарубежных экономистов не представлено исчерпывающего обоснования покомпонентной структуры экономического потенциала сферы страховых услуг в общем, так и сферы агростраховых услуг, что затрудняет выбор показателей, для определения степени влияния их на формирование основной характеристики экономического потенциала сферы – объема собираемых страховых премий.

Гипотеза исследования. Гипотеза исследования заключается в предположении, что практически значимая оценка экономического потенциала сферы агростраховых услуг является комплексной характеристикой, учитывающей разные компоненты экономического потенциала. Выявление факторов, влияющих на формирование главного показателя, характеризующего экономический потенциал, – объема страховых премий по страхованию рисков агропроизводителей, необходимо для формирования управленческих решений по обеспечению непрерывного производственного процесса по производству сельскохозяйственной продукции в стране и регионе посредством развития сферы агростраховых услуг.

Методы исследования. В процессе исследования применяются общенаучные методы: метод сравнительного анализа (для изучения зарубежного и российского опыта с целью формирования единого вывода об определении и структуре экономического потенциала сферы страховых услуг, используемых в рамках исследования); методы классификации и синтеза (для отбора и изучения показателей, характеризующих отдельные компоненты экономического потенциала сферы агростраховых услуг); методы финансового анализа (для анализа динамики отобранных показателей).

Результаты исследования. Для того, чтобы предложить показатели для оценки потенциала экономического потенциала сферы агростраховых услуг, возникла необходимость уточнения понятия, экономического содержания и покомпонентной структуры экономического потенциала.

Функционирование и развитие страхового рынка как элемента экономической системы возможно при наличии некоторого потенциала. Потенциал в переводе с латинского слова *potential* означает сила, скрытые возможности.

Как отмечалось ранее, к раскрытию сущностного содержания термина «потенциал» применяется несколько подходов: ресурсный подход, подход к определению потенциала как способностей экономической системы, результативный подход, и подход к потенциалу, как совокупности возможностей.

Специфика оценки экономического потенциала сферы страховых услуг определяется сложной структурой страхового продукта, производимого страховой компанией и реализуемой покупателю на рынке страховых услуг, его невещной формой, вероятностной природой и кредитным характером обязательств участников страховых экономических отношений.

Учитывая недостатки и разрывы основных подходов к оценке экономического потенциала сферы страховых услуг, предлагаем рассматривать комбинированный или ресурсно-целевой подход к понятию потенциала, включающий в себя как ресурсы, так и способности. Отсюда следует определение экономического потенциала сферы страховых услуг как интегральной характеристики обладания совокупными способностями осуществлять страховую защиту экономических интересов потребителей страховых услуг и наличием реальных возможностей обеспечивать свое устойчивое развитие и достижение стратегических целей на основе рационального использования сформированных ресурсов.

Предлагаемый подход к толкованию содержания экономического потенциала раскрывается через покомпонентную структуру экономического потенциала сферы агростраховых услуг (рис. 1).

Анализ показателей производственного потенциала. Производственный потенциал, по нашему мнению, характеризует возможность произвести и представить на рынок определённый объём страховых услуг. В свою очередь, производственный потенциал определяется уровнем экономического развития того или иного региона. Таким универсальным макроэкономическим показателем, определяющим уровень экономического развития региона, является показатель, отражающий рыночную стоимость всех конечных товаров и услуг, произведённых в регионе за определённый период, в среднем одним человеком (на душу населения).

По данным Федеральной службы государственной статистики (ФСГС) величина ВВП, или ВРП для региональных экономик, на душу населения постоянно растёт. В период с 2010 г. по 2020 г. показатель ВВП на душу населения в нашей стране увеличился в 2,3 раза. В региональных экономиках динамика показателей ВРП на душу населения также положительна. Так, например, показатель ВРП на душу населения в Приморском крае с 2010 г. по 2020 г. увеличился в 1,8 раза.

Производственный потенциал сферы страховых услуг определяется глубиной проникновения страхования в экономику региона. Главным показателем, характеризующим производственный потенциал сферы агростраховых услуг, является показатель доли страховых премий в объёме валового внутреннего продукта. Для региональных рынков таким показателем является величина доли страховых премий в объёме валового регионального продукта.

Ещё одним важным для оценки производственного потенциала сферы страховых услуг является показатель глубины проникновения страхования в экономику региона. В работах Дж. Диккинсона – Р. Картера [29] обосновывается тезис о взаимосвязи изменения показателя ВВП (ВРП) на душу населения с изменением показателя глубины проникновения страхования в экономику региона: при росте ВВП (ВРП) на душу населения значение показателя проникновения страхования также увеличивается.

Рис. 1. Структура экономического потенциала сферы агростраховых услуг
Источник: разработано автором

Анализ динамики показателя глубины проникновения страхования в экономику – отношения величины собираемых страховых премий к величине ВВП – свидетельствует о том, что темпы роста данного показателя (показатель глубины проникновения в 2019 г. превышает аналогичный показатель в 2010 г. на 11,5%) в исследуемом периоде значительно ниже темпов роста показателя ВВП на душу населения.

Ещё одним показателем, характеризующим производственный потенциал сферы страховых услуг, является объём производства сельскохозяйственной продукции в регионе. Чем выше объём производимой продукции, тем выше уровень рисков потерь, связанных с наступлением опасных случайных событий: стихийных бедствий, болезней и гибели сельскохозяйственных животных, пожаров и др. Увеличение вероятности наступления страховых событий и величины убытков, получаемых сельхозпроизводителями, от опасных случайных событий, увеличивает потребность в приобретении страховой защиты.

Темпы роста объёма сельхозпроизводства в России в период с 2010 г. по 2019 г. (в 2010 г. объём сельхозпроизводства составил 2,46 трлн р., в 2019 г. – 5,91 трлн р.) сопоставимы с темпами роста показателя ВВП на душу населения в исследуемом периоде.

Взаимосвязь между объёмом собираемых страховых премий по агрострахованию и величиной сельхозпроизводства в стране или регионе выражается посредством показателя глубины проникновения страховых услуг на рынок сельхозпроизводства.

Анализ динамики данного показателя свидетельствует о том, что показатель в течение всего исследуемого периода уменьшался. Несмотря на существенный прирост объёмов сельскохозяйственного производства (в 2019 г. объём произведённой сельхозпродукции – 5 907,9 млрд руб. – в 1,86 раз превышает объём произведённой сельхозпродукции в 2012 г. – 3 160,3 млрд руб.), страховая сумма страхования агрорисков существенным образом не увеличилась (страховая сумма по всем заключённым в 2019 г. договорам – 458,86 млрд руб. – превышает страховую сумму по договорам, заключённым в 2012 г., – 395,78 млрд руб. – в 1,16 раз).

Уровень страхового покрытия сельскохозяйственного производства к 2020 г. снизился практически в 1,6 раз – с 12,53% в 2012 г. до 7,77% в 2019 г.

Анализ показателей организационно-управленческого потенциала. Важнейшей компонентой экономического потенциала является организационно-управленческий потенциал сферы страховых услуг.

Количество страховых организаций, имеющих лицензию на страхование сельскохозяйственных рисков, страховые продукты, квалифицированный персонал, мотивированных на увеличение числа договоров страхования в своём сегменте рынка, является важнейшей характеристикой организационно-управленческого потенциала.

Количество страховщиков, имеющих лицензию на страхование сельхозрисков, за последние десять лет сократилось практически в 3 раза: с 68 субъектов сферы страховых услуг в 2010 г. до 24 – в 2020 г. Количество сделок по заключению страховых контрактов с сельхозпроизводителями в исследуемом периоде сократилось в 4,8 раза: с 247 тыс. договоров в 2010 г. до 51 тыс. договоров в 2020 г.

Сокращение количества страховщиков, работающих в том или ином сегменте рынка, приводит к перераспределению между оставшимися участниками высвободившейся доли рынка. Изменение количества участников сферы страховых услуг ведёт к изменению показателей концентрации рынка – коэффициента Херфиндаля – Хиршмана (рис. 2).

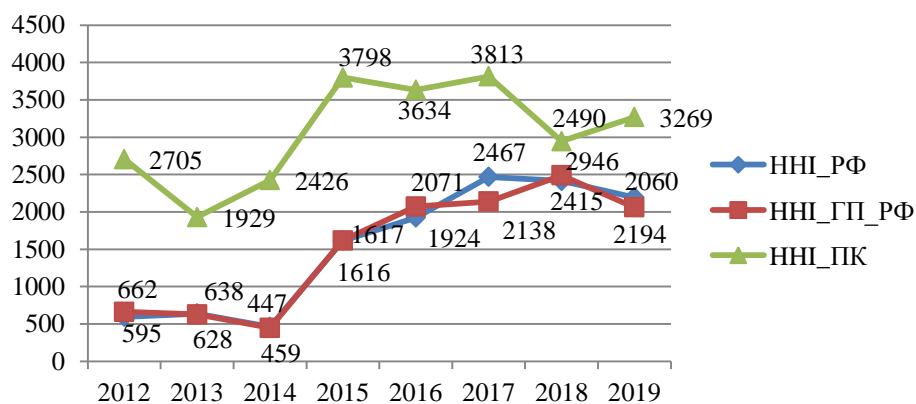

Рис. 2. Динамика коэффициента Херфиндаля – Хиршмана сферы агростраховых услуг в России (НН_РФ), в том числе страхования, осуществляемого с господдержкой (НН_ГП_РФ), агрострахования в Приморском крае
Источник: разработано автором по [24]

Анализ динамики коэффициента НН свидетельствует о высокой монополизации сферы агростраховых услуг. Динамика коэффициента концентрации сферы страховых услуг CR-4 и CR-8 (рис. 2) свидетельствует о том, что, начиная с 2016 г. сфера агростраховых услуг приобретает по степени монополизации по трёхпороговой оценочной шкале Бейна признаки высококонцентрированной олигополии.

Анализ показателей финансово-инвестиционного потенциала. Финансово-инвестиционный потенциал сферы страховых услуг обусловлен способностью участников страховых отношений, как страховщиков, так и агропроизводителей-страхователей привлекать и использовать финансовые ресурсы.

Основными инвестиционными ресурсами страховщика являются страховые резервы и собственный капитал страховщика.

Анализ изменения величины страховых резервов в период 2010–2020 гг. свидетельствует о высокой волатильности величины резервных фондов страховщиков. Наибольший размер страховых резервов по сегменту агрострахования был сформирован в 2011 и 2014 гг. – более 9 млрд руб. В целом же величина совокупных страховых резервов в исследуемом периоде снизилась почти в 2 раза и по состоянию на начало 2020 г. составила 3,17 млрд руб.

Капитализация страховщиков агрорисков в последние 10 лет выросла на 18%, до 95,9 млрд рублей, несмотря на снижение количества субъектов – поставщиков страховых услуг.

Страховые выплаты, которые производятся страховщиками при наступлении страховых событий, также характеризуют финансово-инвестиционный потенциал сферы страховых услуг, поскольку могут рассматриваться как внебюджетный источник инвестиций в покрытие убытков агропроизводителей от наступления опасных случайных событий. Динамика величины страховых выплат повторяет тренд изменения величины страховых премий: от 7,7 млрд руб. в 2010 г. до 2,0 млрд руб. в 2019 г.

Объём субсидий на возмещение части затрат сельхоз товаропроизводителей на уплату страховых премий по заключенным договорам сельскохозяйственного страхования характеризует способность сферы страховых услуг привлекать бюджетные источники для увеличения экономического потенциала страхового рынка, основной характеристикой которого является показатель ёмкости рынка – собираемых страховых премий.

Следует отметить, что и показатель, характеризующий объём субсидий на возмещение затрат по уплате сельхозпроизводителями страховых премий повторяет тренд изменения величины страховых премий. Наибольшая величина субсидий была выделена государством в 2014 г. – 5,0 млрд руб., наименьшая величина субсидий выделена в 2017 г. – 727 млн руб.

Объём субсидий на возмещение части затрат сельхоз товаропроизводителей на уплату страховых премий по заключенным договорам сельскохозяйственного страхования характеризует способность сферы страховых услуг привлекать бюджетные источники для увеличения экономического потенциала страхового рынка, основной характеристикой которого является показатель ёмкости рынка – собираемых страховых премий.

Инвестиции в основной капитал сельхозпроизводителей являются одним из главных факторов экономического роста сельскохозяйственного рынка сельхозпроизводства, а, следовательно, потребности в защите имущественных интересов агропроизводителей посредством приобретения страховых услуг. В качестве показателя, характеризующего финансово-инвестиционный потенциал сферы агростраховых услуг, автором выбран показатель – индекс инвестиций в основной капитал (в % к предыдущему

му году). Наибольшие темпы роста инвестиций в основной капитал сельхозпроизводителей наблюдался в 2011 г. – 134,8%. В 2010, 2014–2015 гг., в 2019 г. инвестиции в основной капитал были ниже уровня, достигнутого в предыдущий год.

Инновационный потенциал определяется способностью участников страховых отношений – страховщиков и страхователей – создать и потребить новые страховые продукты, способы их распространения, использования для защиты имущественных интересов агропроизводителей.

В настоящее время определяющими факторами, влияющими на развитие всех сегментов сферы страховых услуг, являются процессы цифровизации рынка. Инновационный потенциал сферы страховых услуг определяется процессами цифровизации, формирующими новые экономические отношения между поставщиком и потребителем страховых услуг – с использованием цифровых технологий.

Инновационный потенциал сферы страховых услуг может характеризоваться следующими показателями: Глобальный индекс сетевого взаимодействия (Global Connectivity Index – GCI), [15]; индекс цифровой и финансовой грамотности потребителей финансовых услуг; число абонентов фиксированного широкополосного доступа в Интернет на 100 чел. населения (целевой индикатор реализации Стратегии инновационного развития РФ).

Несмотря на то, что статистика по многим показателям, характеризующим инновационный потенциал сферы страховых услуг, стала формироваться в последние 5 лет, считаем важным при оценке экономического потенциала сферы страховых услуг учитывать влияние этих показателей на конечный, интегральный показатель оценки экономического потенциала.

В табл. 1 приведена сводная выборка показателей, характеризующих компоненты экономического потенциала сферы агростраховых услуг.

Таблица 1

Выборка показателей, характеризующих компоненты экономического потенциала сферы страховых услуг на сельскохозяйственных рынках

Показатель	Отражение потенциала
Объем страховых премий по агрострахованию	Экономический потенциал сферы страховых услуг
ВВП на душу населения	Производственный потенциал
Глубина проникновения страховых услуг в экономику (СП/ВВП (ВРП))	
Объем сельхозпроизводства в текущих ценах (ОСП)	
Глубина проникновения страховых услуг на рынок производства сельхозпродукции (ССП _{агро} /ОСП)	

Показатель	Отражение потенциала
Индекс инвестиций в основной капитал (в % к предыдущему году)	Финансово-инвестиционный потенциал
Сумма субсидий на возмещение части затрат сельхозтоваропроизводителей на уплату страховых премий по заключённым договорам сельскохозяйственного страхования	
Величина собственного капитала страховых компаний – страховщиков рисков агропроизводителей	
Величина страховых резервов по страхованию рисков агропроизводителей	
Страховые выплаты по договорам агрострахования	
Количество страховых компаний, имеющих лицензию на агрострахование	Организационно-управленческий потенциал
Количество договоров агрострахования	
Коэффициент Херфиндаля – Хиршмана сферы агростраховых услуг РФ	
Глобальный индекс сетевого взаимодействия (Global Connectivity Index - GCI)	Инновационный потенциал
Индекс цифровой грамотности	
Индекс финансовой грамотности	
Число абонентов фиксированного широкополосного доступа в Интернет (на 100 чел. населения), целевой индикатор Стратегии инновационного развития РФ	

Источник: составлено автором

Выводы

1. Экономический потенциал сферы страховых услуг имеет сложную структуру, включающую следующие компоненты: производственный, финансово-инвестиционный, организационно-управленческий, инновационный потенциал.

2. Для выполнения комплексной оценки экономического потенциала сферы агростраховых услуг необходимо провести анализ его элементов по группам показателей.

3. Практически значимая оценка экономического потенциала возможна при условии установления взаимосвязи и взаимовлияния между его компонентами и формирования комплексного, интегрального показателя количественной оценки экономического потенциала сферы страховых услуг на сельскохозяйственных рынках.

Поскольку большинство территорий нашей страны находятся в зоне рискованного земледелия, то в этих условиях важнейшим механизмом защиты имущественных интересов сельхозпроизводителей станет страхование.

Список литературы

1. Абалкин, Л. И. Интенсификация и экономический рост / Л. И. Абалкин // Плановое хозяйство – 1985. – № 8. – С. 18–26.
2. Авдеенко, В. Н. Производственный потенциал промышленного предприятия / В. Н. Авдеенко, В. А. Котлов. – Москва : Экономика, 1989. – 239 с.
3. Богатая, И. Н. Стратегический учет собственности предприятия / И. Н. Богатая. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2001. – 317 с.
4. Васюкова, Л. К. Об особенностях страхового товара как средства достижения целей участников страховых отношений / Л. К. Васюкова, Л. И. Матузенко, Н. А. Мосолова // Экономика и предпринимательство. – 2017. – № 2-1 (79-1). – С. 785–788.
5. Гомелля, В. Б. Очерки экономической теории страхования / В. Б. Гомелля ; под ред. Е. В. Коломина. – Москва : Финансы и статистика, 2010. – 310 с.
6. Горбунов, Э. П. Экономический потенциал развитого социалистического общества // Вопросы экономики. – 1981. – № 9. – С. 100–101.
7. Джурабаева, Г. К. Интегральная оценка экономического потенциала организации / Г. К. Джурабаева, В. О. Шаланов // Сибирская финансовая школа. – 2009. – № 3 (74). – С. 135–138.
8. Игнатовский, П. А. Экономический потенциал и условия действенности хозяйственного механизма // Плановое хозяйство. – 2019. – № 2. – С. 76–92.
9. Клейнер, Г. Б. Предприятие в нестабильной экономической среде: риски, стратегия, безопасность / Г. Б. Клейнер, В. Л. Тамбовцев, Р. М. Качалов. – Москва : Экономика, 1997. – 298 с.
10. Ковалев, В. В. Финансовый анализ: методы и процедуры / В. В. Ковалев. – Москва : Финансы и статистика, 2005. – 560 с.
11. Козина, Е. В. Проблемы определения и оценки экономического потенциала региона / Е. В. Козина, С. В. Гостинова // Интернет-журнал «Науковедение» – 2016. – Т. 8, № 5. – URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/99EVN516.pdf> (дата обращения: 27.12.2020).
12. Колодина, Н. Ф. Методика исследования потенциала регионального продовольственного рынка // Экономические науки. – 2014. – № 2. – С. 197–200.
13. Краснова, И. А. Исследование страхового поля // Страховое ревю. – 1997. – № 3. – С. 25–30.
14. Кучерова, Н. В. Методологический подход к систематизации методов анализа рынка страховых услуг и методика изучения его потенциала // Известия Орен-

бургского государственного аграрного университета. – 2010. – № 25-1. – С. 153–155.

15. Лопатников, Л. И. Популярный экономико-математический словарь / Л. И. Лопатников. – Москва : Знание, 1990. – 251 с.

16. Николаева, Н. А. Страхование как инструмент сглаживания пространственной поляризации // Вектор науки Тольятинского государственного университета. – 2012. – № 1(19). – С. 167–169.

17. Никулина, Н. Н. Инвестиционный потенциал страховщиков: сущность и инвестиционные возможности / Н. Н. Никулина, И. И. Ушаков // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 5. – С. 167–171.

18. Основы экономического и социального прогнозирования / под ред. В. Н. Мосина, Д. М. Крука. – Москва : Высшая школа, 1985 – 200 с.

19. Остапенко, М. С. Экономический потенциал как объект управления // Современные научные исследования и инновации. – 2015. – № 12 – С. 707–713.

20. Плышевский, Б. Потенциал инвестирования // Экономист. – 1996. – № 3. – С. 3–17.

21. Пушная, Д. В. Оценка экономического потенциала эффективности функционирования предприятий и отраслей сферы услуг / Д. В. Пушная, Р. М. Юсупов // Управление экономическими системами : электронный научный журнал. – 2014. – № 2 (62). – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21569420> (дата обращения: 27.12.2020).

22. Тодосийчук, А. Научно-технический потенциал социально-трудовой сферы // Экономист. – 1997. – № 12. – С. 63–72.

23. Толстых, Т. Н. Проблемы оценки экономического потенциала предприятия: финансовый потенциал / Т. Н. Толстых, Е. М. Уланова // Вопросы оценки. – 2004. – № 4. – С. 18–22.

24. Юлдашев, Р. Т. Страховой бизнес : словарь-справочник / Р. Т. Юлдашев. – Москва : АНКЛ, 2005. – 832 с.

25. Яроцкий, И. В. Методический подход к оценке финансового потенциала страховой организации // Вестник Тихоокеанского государственного экономического университета. – 2012. – № 3. – С. 55–63.

26. Управление социалистическим производством : словарь / под ред. О. В. Козловой. – Москва : Экономика, 1983. – 335с.

27. Экономический потенциал развитого социализма / под ред. Б. М. Мочалова. – Москва : Экономика, 1982. – 278 с. Экономическая энциклопедия. Т. 4 : Политическая экономия / под ред. А. М. Румянцева. – Москва : Советская энциклопедия, 1983. – 672 с.

29. Carter, R. L. Obstacles to the liberalization of trade in insurance / R. L. Carter, G. M. Dickinson. – London : Harvester Wheatsheaf, 2002. – 191 p.

30. Global Connectivity Index – GCI. – URL: <https://www.huawei.com/minisite/russia/gci2018rus/huaweiGCI.html> (дата обращения: 07.07.2020).

References

1. Abalkin L. I. Intensifikatsiya i ekonomicheskii rost [Intensification and economic growth]. *Planovoe khozyaistvo*, 1985, no. 8, pp. 18–26.
2. Avdeenko V. N., Kotlov V. A. *Proizvodstvennyi potentsial promyshlennogo predpriyatiya* [The production potential of an industrial enterprise]. Moscow: Ekonomika Publ., 1989. 239 p.
3. Bogataya I. N. *Strategicheskii uchet sobstvennosti predpriyatiya* [Strategic accounting of the property of the enterprise]. Rostov-on-Don: Feniks Publ., 2001. 317 p.
4. Vasyukova L. K., Matuzenko L. I., Mosolova N. A. Ob osobennostyakh strakhovogo tovara kak sredstva dostizheniya tselei uchastnikov strakhovykh otnoshenii [On the peculiarities of the insurance product as a means of achieving the goals of participants in insurance relations]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo*, 2017, no. 2-1 (79-1), pp. 785–788.
5. Gomell V.B. *Ocherki ekonomicheskoi teorii strakhovaniya* [Essays on the economic theory of insurance]. Moscow: Finansy i statistika Publ., 2010. 310 p.
6. Gorbunov E.P. Ekonomicheskii potentsial razvitogo sotsialisticheskogo obshchestva [Economic potential of a developed socialist society]. *Voprosy ekonomiki*, 1981, no. 9, pp. 100–101.
7. Dzhurabaeva G. K., Shalanov V. O. Integral'naya otsenka ekonomicheskogo potentsiala organizatsii [Integral assessment of the economic potential of the organization]. *Sibirskaya finansovaya shkola*, 2009, no. 3 (74), pp. 135–138.
8. Ignatovsky P. A. Ekonomicheskii potentsial i usloviya deistvennosti khozyaistvennogo mekhanizma [Economic potential and conditions for the effectiveness of the economic mechanism]. *Planovoe khozyaistvo*, 2019, no. 2, pp. 76–92.
9. Kleiner G. B., Tambovtsev V.L., Kachalov R.M. *Predpriyatie v nestabil'noi ekonomicheskoi srede: riski, strategiya, bezopasnost'* [Enterprise in an unstable economic environment: risks, strategy, security]. Moscow: Ekonomika Publ., 1997. 298 p.
10. Kovalev V. V. *Finansovyi analiz: metody i protsedury* [Financial analysis: methods and procedures]. Moscow: Finansy i statistika Publ., 2005. 560 p.
11. Kozina E. V., Gosteva S. V. Problemy opredeleniya i otsenki ekonomicheskogo potentsiala regiona [Problems of determining and assessing the economic potential of the region]. *Naukovedenie: internet-journal*, 2016, vol. 8, no. 5. Available at: <http://naukovedenie.ru/PDF/99EVN516.pdf> (accessed 27 December 2020).
12. Kolodina N. F. Metodika issledovaniya potentsiala regional'nogo prodovol'stvennogo rynka [Methods of researching the potential of the regional food market]. *Ekonomicheskie nauki*, 2014, no. 2, pp. 197–200.

13. Krasnova I. A. Issledovanie strakhovogo polya [Research of the insurance field]. *Strakhovoe revyu*, 1997, no. 3, pp. 25–30.
14. Kucheroва N. V. Metodologicheskii podkhod k sistematizatsii metodov analiza rynka strakhovykh uslug i metodika izucheniya ego potentsiala [Methodological approach to the systematization of methods for analyzing the market of insurance services and methods of studying its potential]. *Izvestiya Orenburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, 2010, no. 25-1, pp. 153–155.
15. Lopatnikov L. I. *Populyarnyi ekonomiko-matematicheskii slovar'* [Popular economic and mathematical dictionary]. Moscow: Znanie Publ., 1990. 251 p.
16. Nikolaeva N. A. Strakhovanie kak instrument sglazhivaniya prostranstvennoi polarizatsii [Insurance as a tool for smoothing spatial polarization]. *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, no. 1 (19), pp. 167–169.
17. Nikulina N. N., Ushakov I. I. Investitsionnyi potentsial strakhovshchikov: sushchnost' i investitsionnye vozmozhnosti [Investment potential of insurers: essence and investment opportunities]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2015, no. 5, pp. 167–171.
18. Mosin V. N., Kruk D. M. *Osnovy ekonomicheskogo i sotsial'nogo prognozirovaniya* [Fundamentals of economic and social forecasting]. Moscow: Vysshaya shkola, 1985. 200 p.
19. Ostapenko M. S. Ekonomicheskii potentsial kak ob"ekt upravleniya [Economic potential as an object of management]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii*, 2015, no. 12, pp. 707–713.
20. Plyshevsky B. Potentsial investirovaniya [Investment potential]. *Ekonomist*, 1996, no. 3, pp. 3–17.
21. Pushnaya D. V., Yusupov R. M. Otsenka ekonomicheskogo potentsiala effektivnosti funktsionirovaniya predpriyatii i otraslei sfery uslug [Assessment of the economic potential of the efficiency of the functioning of enterprises and service industries]. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: electronic scientific journal*, 2014, no. 2 (62). Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21569420> (accessed 27.12.2020).
22. Todosiychuk A. Nauchno-tekhnicheskii potentsial sotsial'no-trudovoi sfery [Scientific and technical potential of the social and labor sphere]. *Ekonomist*, 1997, no. 12, pp. 63–72.
23. Tolstykh T. N., Ulanova E. M. Problemy otsenki ekonomicheskogo potentsiala predpriyatiya: finansovyi potentsial [Problems of assessing the economic potential of the enterprise: financial potential]. *Voprosy otsenki*, 2004, no. 4, pp. 18–22.
24. Yuldashev R. T. *Strakhovoi biznes: slovar'-spravochnik* [Insurance business: dictionary-reference book]. Moscow: ANKIL Publ., 2005. 832 p.
25. Yarotsky I. V. Metodicheskii podkhod k otsenke finansovogo potentsiala strakhovoi organizatsii [Methodological approach to assessing the financial potential of

an insurance organization]. *Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 2012, no. 3, pp. 55–63.

26. Kozlova O. V., ed. *Upravlenie sotsialisticheskim proizvodstvom: slovar'* [Management of socialist production: dictionary]. Moscow: Ekonomika Publ., 1983. 335 p.

27. Mochalov B. M., ed. *Ekonomicheskii potentsial razvitogo sotsializma* [The economic potential of developed socialism]. Moscow: Ekonomika Publ., 1982. 278 p.

28. Rumyantsev A. M., ed. *Ekonomicheskaya entsiklopediya. T. 4: Politicheskaya ekonomiya* [Economic encyclopedia. Vol. 4: Political Economy]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1983. 672 p.

29. Carter R. L., Dickinson G. M. *Obstacles to the liberalization of trade in insurance*. London: Harvester Wheatsheaf, 2002. 191 p.

30. *Global Connectivity Index – GCI*. Available at: <https://www.huawei.com/minisite/russia/gci2018rus/huaweiGCI.html> (accessed 07 July 2020).

УДК 323.2 (71)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-4/77-90>

В. А. Хабибулин¹, Дальневосточный федеральный университет,

г. Владивосток, Россия

E-mail: vak2411@mail.ru

О. В. Хабибулина², Дальневосточный федеральный университет,

г. Владивосток, Россия

E-mail: hov.law@mail.ru

КОНСТИТУЦИОННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС В КАНАДЕ: ОПЫТ УРЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. Данная статья посвящена анализу опыта решения конституционно-политического кризиса в Канаде. Авторы анализируют действия федеральной и провинциальной власти, Верховного суда, общественности по выходу из него и приходят к выводу о том, что все субъекты политического процесса, и в первую очередь федеральное правительство, проявили чрезвычайную осторожность и терпение, действуя в рамках конституционного права, содействуя тем самым дальнейшему укреплению в стране культуры политической толерантности. Рассуждения авторов имеют методико-прикладное значение для проведения реформ не только в области конституционного права, но и во всех сферах жизни российского общества и государства.

Ключевые слова: федерально-провинциальные отношения, Квебек, суверенитет, конституционный кризис, конституционные реформы, «особое сообщество», «нация в составе единой Канады», мультикультурализм, концепция «открытого

¹ Владимир Асхатович Хабибулин, кандидат филологических наук, доцент кафедры международных отношений Восточного Института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

² Ольга Владимировна Хабибулина, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Хабибулин В. А., Хабибулина О. В. Конституционно-политический кризис в Канаде: опыт урегулирования // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2020. № 4. С. 77–90. DOI <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-4/77-90>.

федерализма», патриация конституции, суверенитет – ассоциация, ассиметричная федерация, Квебекский референдум, политическая культура, «Акт о ясности», эволюция канадской федерации, перераспределение полномочий, конституционное соглашение, самоидентификация, толерантность.

Vladimir A. Khabibulin¹, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: vak2411@mail.ru

Olga V. Khabibulina², Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: hov.law@mail.ru

CONSTITUTIONAL AND POLITICAL CRISIS IN CANADA: THE EXPERIENCE OF REGULATION

Abstract. The article is devoted to analyzing different attempts of addressing the constitutional crisis in Canada. The authors analyze the actions of federal and provincial authorities, Supreme Court, the public for overcoming constitutional crisis. According to the authors, all subjects of political process, primarily the federal government, display great caution and patience, while acting in accordance with the constitutional law. These political actions have resulted in improvement of political toleration. The Canadian experience also has a methodological and practical value for reforming the constitutional law and different areas of life in the Russian society and State.

Keywords: federal-provinces relations, Quebec, constitutional crisis, sovereignty, constitutional reforms, «distinct society», «nation within a united Canada», multiculturalism, consolidation, conception of “open federalism”, repatriation of constitution, sovereignty – association, unsymmetrical federation, Quebec referendum, political culture, “Clarity Act, ‘evolution of Canadian federation, redistribution of authority, constitutional convention, self-identification, toleration.

В современном мире, переполненном конфликтами – от межличностных до планетарного масштаба, уважение многообразия на бытовом и государственном уровне становится важнейшим условием выживания человечества. В многополярном мире, ориентированном на распространение научно-технического прогресса и образование новых финансово-экономических и техногенных центров производства, конституци-

¹ Vladimir A. Khabibulin, PhD (Philology), Associate professor, Department of International Studies, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

² Olga V. Khabibulina, PhD (Law), Associate professor, Department of Constitutional and Administrative Law, School of Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Khabibulin V. A., Khabibulina O. V. Constitutional and political crisis in Canada: the experience of regulation // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2020. № 4. P. 77–90. DOI <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-4/77-90>.

онные кризисы становятся достаточно распространенным явлением, анализ опыта решения которых полезен для поступательного развития общества.

Канада стала независимым государством в 1931 г. Сегодня это – страна развитой промышленности, эффективного сельскохозяйственного производства, лидирующих позиций в сфере компьютеризации и информатизации, высокого уровня качества жизни. Ее отличает политическая стабильность, хорошо функционирующие демократические институты, зрелость гражданского общества. В 1990-е гг. она неоднократно признавалась ООН самой привлекательной для жизни людей страной, в которой «человек страдает меньше всего». В 2000-е гг. входила в первую десятку государств по «индексу развития человеческого потенциала» [7; 8].

В мире найдется немного стран, которые осуществили бы столь глубокие преобразования, не подвергая при этом своих граждан суровым испытаниям. Уникальный опыт эволюционной модернизации Канады, взаимодействия общества и власти в поиске путей решения возникающих проблем поучителен для многих государств. Формирование этого опыта – длительный процесс, обусловленный особенностями канадского общества и государства, на становление и развитие которых оказал воздействие комплекс факторов.

Один из них – отсутствие длительного общеисторического и культурного прошлого – «короткая и неинтересная история» [14]. Эта территория была заселена в древности народами, которых европейцы впоследствии назвали индейцами и эскимосами, с XVII в. происходила колонизация Францией и Великобританией, в 1763–1867 гг. – колониальное господство Великобритании, с 1867 г. – статус доминиона, и только в 1931 г. по Вестминстерскому статуту она стала суверенным государством [24]. Но канадская государственность и тогда не была полной. Основным её законом оставался «Акт о Британской Северной Америке», принятый английским парламентом в 1867 г. Только в 1982 г. «Актом о Канаде» была осуществлена патриация (дословно «обретение родины, укоренение на родине») канадской конституции, т.е. её переход под полную юрисдикцию канадского парламента [2, с. 315–318].

Немаловажен природно-географический фактор. Вторая по площади в мире, но малозаселенная страна, 90% населения которой проживает в пределах 200 км от границы с США, на 70% её территории – всего 1,5% населения. Разнолики субъекты федерации: две Канады – англо-канадцы и франко-канадцы, пять Канад – её природно-хозяйственные, экономические регионы, 13 лиц Канады – 10 провинций, 2 федеральные и 1 самоуправляемая территория [3]. «Разорванность» страны формировала провинциально-региональное мироощущение. По степени регионализации массового сознания Канада занимает одно из первых мест в мире. По данным социологических опросов около трети населения страны считают себя жителями провинции и только во вторую очередь – канадцами.

Страну «кленового листа» отличает сложная, длительно складывающаяся и постоянно изменяющаяся этнокультурная структура. Индейские и эскимосские племена – “Native nations” обитали на территории страны до прихода европейцев. Основателями государства считают два сложившихся в ходе колонизации сообщества: англо- и франко-канадцев. Неоднократные попытки Великобритании ассимилировать и англонизировать последних потерпели неудачу. В 1867 г. после объединения провинций и создания федерации официально была признана двукультурность канадского общества [12, с. 393].

Непрекращающийся приток эмигрантов, всё более значительной частью которых являются афро-азиатские народы, при сохранении и развитии каждой национальной группой своих культурных ценностей и традиций, привёл к разработке канадским правительством в 1971 г. концепции мультикультурализма: одна нация – канадцы, два официальных языка – английский, французский, много этнических культур, т.е. единство – через многообразие [18]. В 1988 г. эта политика была закреплена «Канадским актом о мультикультурализме» [17].

В населении страны прослеживается более 165 отчётливых этнических групп. По отношению к представителям небританских и нефранцузских этнических групп в Канаде принят термин, включающий этническое определение «канадцы», например, украинские канадцы, китайские канадцы. Этнокультурная мозаичность – яркая и специфическая черта канадского общества. Канада – страна меньшинств, этнокультурных групп, большинство членов каждой из которых считают себя канадцами и одновременно подчеркивают принадлежность к своей этнической группе.

Сказался и международный, геополитический фактор. Периферийность, длительное колониальное и полуколониальное прошлое, удалённость метрополии и близость набиравшего силу и ставшего могущественным южного соседа, со стороны которого Канада в течение долгих десятилетий подвергалась угрозе аннексии, а со второй половины XX в. установившая с ним тесные экономические и внешнеполитические связи, привели к неоднозначным последствиям в развитии общества и поведения его экономической и политической элиты. Канадское общество долгое время не было самостоятельным, постоянно ощущало свою зависимость от внешних факторов не только в экономике, но и во всей общественной жизни, включая политическую и духовную сферы. В то же время они содействовали формированию национального самосознания, национального единства.

На формирование канадского общества оказали воздействие политико-правовые традиции, институты Великобритании, Франции, США. Его политическую культуру и поведение формировал синтез идей консерватизма, либерализма, социализма. Канадцев отличает приверженность к постоянству, в том числе к сохранению монархии. Ещё в колониальный период в английской короне видели защитницу свободы, монархический строй рассматривался как «уникальный инсти-

тут», обеспечивающий духовное единство общества и позволяющий создать из разных групп целостную систему под суверенитетом короны.

Для канадцев порядок предпочтительнее индивидуальной свободы. Они признают право государства ограничивать свободу «во имя общего блага», высказываются за целостное, а не индивидуалистическое восприятие общества, рассматриваемое как органическое содружество, в котором групповые интересы имеют преимущество перед индивидуальными. Популярны также идеи социальной справедливости, сотрудничества, равенства [1, 14]. Аморфность национальной экономической и политической элиты сформировала главную черту её политического поведения, как во внутренней, так и во внешней политике – осторожность, поиск компромисса [13].

Комплекс этих и многих других факторов привёл к утверждению в канадском обществе убеждения в том, что изменения возможны только на основе сохранения традиционных ценностей, должны осуществляться медленно, быть рассчитанными на несколько поколений, предопределил как доминирующую – эволюционную модель развития, стремление общества и власти к взаимодействию в поиске (иногда весьма длительном) решения возникающих проблем [9]. С особой очевидностью это проявилось в подходе к разрешению конституционно-политических проблем.

Одна из причин их обострения в последней трети XX в. связана с Квебеком, франкоязычное население которого, несмотря на попытки его ассимиляции, принимаемые в прошлом английской колониальной властью, прочно сохраняет память о своих корнях (девиз Квебека, входящий в состав его герба – «Я помню»). С 1960-х годов в Квебеке укрепилось восприятие провинции как особого франкоязычного национального сообщества, в котором провинциальное правительство первичное, если не единственное его легитимное политическое выражение.

Претензии политического руководства провинции в лице сепаратистской Квебекской партии, созданной в 1968 г. и неоднократно приходившей к власти, на «особость провинции», проведение референдумов, на которых ставился вопрос о политическом суверенитете Квебека при его экономической ассоциации с остальной, англоязычной, Канадой «разворошили» всю федерацию (на референдуме 1980 г. идею суверенитета – ассоциации поддержало 40% квебекцев, на референдуме 1995 г. – 49,4%) [19; 20]. Квебек отказался ратифицировать «Акт о Канаде» 1982 г., в соответствии с которым была проведена репатриация канадской конституции – её передача под юрисдикцию канадского парламента, и «Конституционный Акт» 1982 г. Росло недовольство англоязычного населения страны («пусть уходят»), обострились отношения между «богатыми» и «депрессивными» провинциями, требовали автономии и даже создания провинции коренные народы.

Правительство, пытаясь разрешить конституционный кризис, действовало весьма осторожно, проявляя гибкость и исключительное терпение. Для разработки проекта конституционной реформы был образован рабочий федерально-

провинциальный орган – Постоянный межминистерский комитет с участием министров федерально-провинциальных отношений и генеральных прокуроров, созданы правительственные комиссии, объединённые комиссии палат парламента, подключены средства массовой информации, известные политические деятели, общественность. 4 раунда конституционных переговоров (1967–1971, 1975–1978, 1978–1979 гг.), инициированных правительством, закончились безрезультатно из-за непомерных требований и англоязычных провинций. Не получая поддержки предлагаемых реформ, федеральный центр вновь и вновь возвращался к поиску компромисса с «бунтующими» провинциями. И даже когда Верховный суд, рассматривавший иск восьми англоязычных провинций к действиям правительства по патриации конституции, признал (28 сентября 1981 г.) одностороннюю патриацию совместимой с законодательством страны, но нарушающей традиции федерально-провинциального сотрудничества [21], правительство, не получив безусловной поддержки в высшей судебной инстанции, вернулось к поискам консенсуса с провинциями. Но достигнутое с ними соглашение об условиях патриации конституции Квебек вновь не подписал.

Дважды правительству удавалось довести дело до заключения соглашения по конституционной реформе со всеми провинциями. Но Мичлейкское соглашение (1987 г.) провалилось из-за отказа Манитобы и Ньюфаундленда ратифицировать его, а Шарлоттаунское (1992 г.) – вследствие того, что на референдуме оно не получило большинства голосов в 7 провинциях, в которых проживает 50% населения страны (одним из пунктов соглашений было закрепление за Квебеком статуса «самобытной общности» в рамках федерации) [4].

С 1990-х гг. правительство вынесло проблему будущего федерации на обсуждение общества. Итоги Форума граждан (одной из форм этого обсуждения), опубликованные в 1991 г. под названием «Общие канадские ценности: канадская самобытность», подтвердили приверженность большинства канадцев к сохранению единства федерации, а также к таким ценностям, как культурное разнообразие; социальная включённость в общество, поддерживающее своих граждан; забота, сострадание, ответственность перед обществом и перед другими гражданами.

В условиях углубления конституционного кризиса, одним из проявлений которого стала подготовка сепаратистами Квебека «Акта о суверенитете» (Act Respecting the Future of Québec. The Sovereignty Bill, Introduced 1995), который провозглашал Квебек суверенной страной [15], правительство в 1997 г. обратилось в Верховный суд с запросом о юридической правомочности властей франкоязычной провинции в одностороннем порядке провозглашать свою политическую независимость от остальной федерации.

В августе 1998 г. Верховный суд единогласно, включая и трёх судей от Квебека, принял решение, в соответствии с которым провозглашение Квебеком полити-

ческой независимости признавалось возможным лишь после внесения соответствующих «разрешительных» положений в действующую конституцию страны и не иначе как в результате проведения «цивилизованного» политического диалога в рамках всей канадской федерации [22]. Тем самым было подтверждено то, что урегулирование конституционного кризиса и сохранение государственного единства Канады находятся в области осуществления федерально-провинциальных политических переговоров.

Для придания решению Верховного суда по Квебеку более высокой юридической силы, в целях избежания его различного толкования, в 2000 г. был принят специальный акт, именуемый как «Акт о ясности» («Акт, наделяющий законной силой требование о ясности, сформулированное Верховным судом Канады в его заключении по делу о выходе Квебека из состава Канады»).

Право Квебека на одностороннее отделение было оговорено определёнными условиями: чётко сформулированные вопросы, выносимые на референдум; получение квалифицированного большинства голосов его населения (правом оценки соответствия этих условий требуемым параметрам обладает только федеральный парламент, который учтёт мнение всех политических партий, общественных организаций, коренных народов провинции, если он сочтёт формулировку некорректной или не признает легитимность референдума, прекращаются все дальнейшие переговоры по данному вопросу); необходимость внесения поправок в конституцию; решение вопросов, связанных с разделением активов, изменением границ провинции, правами, интересами, территориальными притязаниями коренных народов, правами меньшинств [16].

Таким образом, отделение одной из провинций не может быть осуществлено в одностороннем порядке, то есть без предшествующих переговоров с другими участниками федерации в существующих конституционных рамках. Этим актом федеральный центр поставил перед сторонниками суверенизации Квебека труднопреодолимые политико-правовые преграды.

Правительство Квебека, осознавая невозможность добиться положительного решения в судебных инстанциях, отказалось от проведения третьего референдума (к тому же, опросы общественного мнения показали, что 70% квебекцев не желают его проведения в ближайшем будущем) и предпочло такой же способ деятельности, что и федеральный центр, – парламентский.

По инициативе премьер-министра Б. Ландри парламент провинции в 2001 г. принял Статут «О фундаментальных правах и привилегиях народа Квебека и квебекского государства». Статут провозглашал право народа Квебека определять его политическое будущее, уважение прав англоязычных жителей и индейских племен; подтверждал законность Хартии французского языка; декларировал суверенитет провинции во всех сферах, в том числе в международно-правовой [11].

Квебекский статут, обладающий признаками политической декларации, по сути, лишь констатировал закреплённый статутным правом, конвенциональными нормами и защищённый судебными решениями порядок, его положения малоприменимы в сфере конституционного права.

Федеральному правительству во взаимодействии с провинциальными властями в 1980–2000-е гг. удалось решить ряд проблем конституционного кризиса: «репатрирована» и обновлена конституция; принята парламентская резолюция, признавшая Квебек «особым обществом» и предоставляющая федеральное право «вето» на конституционные поправки ряду регионов; ограничено вмешательство федерального правительства в сферу провинциальной юрисдикции; достигнуты успехи в переговорах с индейцами по земельному вопросу; создан первый административный национальный район канадских инуитов – Нунавут, с выборной ассамблеей, премьером и правительством.

Важным шагом по урегулированию квебекской проблемы стало принятие в декабре 2006 г. Палатой общин резолюции, согласно которой Квебек был признан «нацией в составе единой Канады» (...this House recognize that the Quebecois form a nation within a united Canada) [23]. В том же году Квебеку было предоставлено право вступить в ЮНЕСКО в качестве наблюдателя. Продолжился процесс интеграции политических элит франкоязычной провинции в общеканадские механизмы власти.

Федеральные власти в отношении Квебека проводили политику разумных уступок в контексте концепции «асимметричного» федерализма. В 2006 г. премьер-министр Канады С. Харпер предложил новую концепцию канадского федерализма – «Открытый федерализм», разработанную консервативной партией. Суть концепции – ключевая роль федерального центра в обороне, международных отношениях и внутреннем экономическом регулировании; сильная власть провинций; максимальное прояснение и уважение конституционных компетенций Оттавы и провинций, тесное их сотрудничество в совпадающих полномочиях; тщательная проработанность заключаемых соглашений; закрепление особого положения Квебека, предоставление ему права голоса по международным отношениям в культурной сфере; уменьшение финансовой диспропорции между провинциями, финансовое равновесие: передача части федеральных налогов в ведение провинций; унификация системы федеральных дотаций, увеличение объемов федеральных трансфертов провинциям; провинциальный контроль над муниципалитетами [5].

Политика разумных уступок и вовлечения представителей сепаратистского движения в реализацию текущих государственных задач позволила федеральному правительству мирно и последовательно разрешать существующий конфликт. И, тем не менее, квебекская проблема и проблема дальнейшей эволюции канадской федерации сохраняет свою актуальность.

Одной из ключевых в политической повестке дня остаётся проблема перераспределения властных полномочий между федеральным центром и субъектами. В этой связи в стране ставится вопрос о реструктуризации институтов власти, в частности, верхней палаты парламента – Сената, который не смог реализовать свою основную роль – представление интересов провинций. Обостряются федерально-провинциальные противоречия, растут разногласия между франко- и англо-канадцами относительно степени автономии Квебека и претензии Западной Канады к федеральному центру (отмечают зарождение тенденции к «векситу» – выходу западных провинций из федерации). Политика уступок Квебеку уменьшила число сторонников его отделения, но теперь любой отказ федерального правительства расширить полномочия квебекских властей может вызвать новый виток напряжённости [6].

В последние два десятилетия и в Канаде, и в провинции Квебек идёт перегруппировка политических сил, перманентный кризис переживают обе правящие партии – либеральная и консервативная, усиливается политический вес третьих партий. Среди них – региональная – «Квебекский блок», которая участвует в парламентских выборах с 1993 г., получая от 4 (2011 г.) до 54 (1993, 2004 гг.) мест в Палате общин. По итогам выборов 2019 г. она добилась 32 депутатских мандатов (третье место в парламенте).

Практически не имея поддержки за пределами франкоязычной провинции, она лоббирует на федеральном уровне политические интересы квебекских сепаратистов. Лидер партии Ив-Франсуа Бланшей заявил, что не станет препятствовать работе палаты, в первую очередь, будет отстаивать интересы Квебека, добиваться большей независимости Квебека в вопросах иммиграции, налогообложения, культуры, продолжать выступать за самоопределение провинции. Но пока референдум по отделению Квебека не стоит на повестке дня. Новое правительства М. Трюдо обозначило приоритетными для страны вопросы экологии, экономики и социального обеспечения [10].

Канадский опыт урегулирования конституционно-политического кризиса, как и многих других вопросов внутренней и внешней политики, многосторонен и интересен. Однако он не заслоняет многочисленных нерешённых проблем, противоречий, неудач в политике и экономике. Среди них – экономический кризис последнего пятилетия, растущие социальные диспропорции, судьбы коренного населения, экономическая зависимость от США, утрата роли страны как значимого актора международных отношений. Внешняя политика сошла с актуальной повестки дня, наблюдается переориентация внешнеполитического вектора с глобальных целей на североамериканское направление; с 2014 г. Канада заняла жёсткие антироссийской позиции.

Главное же видится в том, что канадское общество должно найти ответы на эти и многие другие вызовы на путях развития страны с учётом всего

существующего многообразия интересов, подходов и мнений, проявляя исторически обусловленную осторожность, терпение и благоразумие.

Список литературы

1. Консерватизм в ценностных ориентациях канадского общества : научно-аналитический обзор / [В. С. Ажаева]. – Москва : ИНИОН, 1990. – 45 с.
2. Акт о Канаде 1982 г. // Конституции зарубежных государств. – Москва : БЕК, 1996. – С. 315–318.
3. Данилов, С. Ю. 12 лиц Канады / С. Ю. Данилов, А. И. Черкасов. – Москва : Мысль, 1987. – 300 с.
4. Данилов, С. Ю. Действия правительства Канады по урегулированию конституционного кризиса (1976–1992 гг.) // США: экономика, политика, идеология. – 1993. – № 10. – С. 55–74.
5. Жуков, Д. С. Квебекский фактор эволюции партийно-политической системы Канады в конце XX – начале XXI века : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04 / Д. С. Жуков ; Ин-т Соединенных штатов Америки и Канады РАН. – Москва, 2013. – 28 с.
6. Израелян, Е. В. Персоналии и приоритеты нового правительства Канады // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2020. – Т. 50, № 2. – С. 61–77.
7. Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) 1985–2011 гг. – URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/144266> (дата обращения: 12.09.2015).
8. Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) 2014 г. – URL: <http://www.rate1.com.ua/ehkonomika/finansy/3009/> (дата обращения: 12.09.2015).
9. Казачун, Г. А. Канада: из опыта взаимодействия общества и власти // Гражданское общество: Опыт Запада и Востока : материалы международного научно-практического семинара. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. – С. 145–154.
10. Комкова, Е. Г. Итоги всеобщих выборов в Канаде: «правительство меньшинства» у либералов // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2020. – № 2. – С. 10–31.
11. Комкова, Е. Г. Квебекцы признаны нацией, квебекская проблема остаётся нерешённой // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2007. – № 11. – С. 108–112. – Рец. на кн.: Коленко, В. А. Французская Канада в прошлом и настоящем : Очерки истории Квебека XVII–XX века. – Москва : Наука, 2006. – 314 с. – URL: <https://dlib.eastview.com/browse/doc/13179134> (дата обращения: 25.12.2020).
12. Конституционный акт 1867 г. // Конституции зарубежных государств. – Москва : БЕК, 1996. – С. 393.

13. Ньюмен, П. Канадский истеблишмент / П. Ньюмен. – Москва : Прогресс, 1980. – 357 с.
14. Политическая культура: теории и национальные модели. – Москва : Интерпакс, 1994. – 350 с.
15. Act Respecting the Future of Québec. The Sovereignty Bill. – URL: <http://www.sfu.ca/~aheard/bill1.html> (дата обращения: 22.12.2020).
16. An Act to Give Effect to the Requirement for Clarity as Set out in the Opinion of the Supreme Court of Canada in the Quebec Secession Reference. SC 2000, p. 26. – URL: <https://laws.justice.gc.ca/eng/acts/C-31.8/FullText.html> (дата обращения: 25.12.2020).
17. Canadian Multiculturalism Act. RS, 1985. Update to August 31, 2002. – URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/C-18.7/page-1.html> (дата обращения: 25.12.2020).
18. Lower, J. A. Canada in the Pacific Rim / J. A. Lower. – Toronto etc. : McGraw-Hill Ryerson, Cop. 1975. – IX, 230 с.
19. Québec Referendum (1980). – URL: <http://www.thecanadianencyclopedia.ca/en/article/quebec-referendum-1980/> (дата обращения: 25.12.2020).
20. Québec Referendum (1995). – URL : <http://www.thecanadianencyclopedia.ca/en/article/quebec-referendum-1995/>(дата обращения: 25.12.2020).
21. Resolution to amend Constitution. 1981. 1S.C.R. 753. Date: 1981-09-28. – URL: <https://scc-csc.lexum.com/scc-csc/scc-csc/en/item/2519/index.do> (дата обращения: 25.12.2020).
22. Reference re Secession of Quebec. 1998. 2 S.C.R. 217. – URL: [http://web4.uwindsor.ca/users/m/mcivhea/45-100.nsf/0/bf0734b4cbb81677852570b40069fec8/\\$FILE/SecessionReference.pdf](http://web4.uwindsor.ca/users/m/mcivhea/45-100.nsf/0/bf0734b4cbb81677852570b40069fec8/$FILE/SecessionReference.pdf) (дата обращения: 25.12.2020).
23. Recognizing Qubec as Distinct People Act. – URL: <http://www.parl.gc.ca/HousePublications/Publication.aspx?DocId=2534202&Language=E&Mode=1> (дата обращения: 25.12.2020).
24. Statute of Westminster, 1931 // Revised Statutes of Canada. – 1985. – Appendices, no. 27. – P. 1–27.

References

1. Azhaeva V. S. *Konservativizm v tsennostnykh orientatsiyakh kanadskogo obshchestva : nauchno-analiticheskii obzor* [Conservatism in the value orientations of Canadian society: a scientific and analytical review]. Moscow: Institute of Sci. Information on Social Sci. Publ. House, 1990, 45 p.
2. Akt o Kanade 1982 g. [Canada Act 1982]. In: *Konstitutsii zarubezhnykh gosudarstv* [Constitutions of foreign states]. Moscow: BEK Publ., 1996, pp. 315–318.

3. Danilov S. Yu., Cherkasov A.I. *12 lits Kanady* [12 persons of Canada]. Moscow: Mysl' Publ., 1987. 300 p.
4. Danilov S. Yu. *Deistviya pravitel'stva Kanady po uregulirovaniyu konstitutsionnogo krizisa (1976–1992 gg.)* [Actions of the Government of Canada to resolve the constitutional crisis (1976–1992)]. *SShA: ekonomika, politika, ideologiya*, 1993, no. 10, pp. 55–74.
5. Zhukov D. S. *Kvebekskii faktor evolyutsii partiino-politicheskoi sistemy Kanady v kontse XX–nachale XXI veka* [The Quebec factor in the evolution of the party-political system of Canada in the late XX–early XXI centuries]. Cand. Dis. (Polit. Sci.). Synopsis. – Moscow, 2013. 28 p.
6. Israelyan E. V. *Personalii i priority novogo pravitel'stva Kanady* [Personalities and priorities of the new government of Canada]. *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, 2020, vol. 50, no. 2, pp. 61–77.
7. *Human Development Index (HDI) 1985–2011*. Available at: <http://dic.academich.ru/dic.nsf/ruwiki/144266> (accessed 12 September 2015). (In Russian).
8. *Human Development Index (HDI) 2014*. Available at: <http://www.rae1.com.ua/ehkonomika/finansy/3009/> (accessed 12 September 2015). (In Russian).
9. Kazachun G. A. *Kanada: iz opyta vzaimodeistviya obshchestva i vlasti* [Canada: from the experience of interaction between society and government]. In: *Grazhdanskoe obshchestvo: Opyt Zapada i Vostoka : materialy mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo seminara* [Civil society: Experience of the West and the East: works of an international sci. and practical seminar]. Vladivostok: Far Eastern Federal. Univ. Publ. House, 2004, pp. 145–154.
10. Komkova E. G. *Itogi vseobshchikh vyborov v Kanade: «pravitel'stvo men'shinstva» u liberalov* [The results of the general elections in Canada: «minority government» among the liberal]. *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, 2020, no. 2, pp. 10–31.
11. Komkova E. G. *Kvebektsy priznany natsiei, kvebekskaya problema ostaetsya nereshennoi* [Quebecans are recognized as a nation, the Quebec problem remains unresolved]. *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, 2007, no.11, pp. 108–112. Book review: Kolnenko V. A. *Frantsuzskaya Kanada v proshlom i nastoyashchem : Ocherki istorii Kvebeka XVII–XX veka* [French Canada in the past and present: Essays on the history of Quebec in the 17th–20th centurie]. Moscow: Nauka Publ., 2006. 314 p. Available at: <https://dlib.eastview.com/browse/doc/13179134> (accessed 25 December 2020).
12. *Konstitutsionnyi akt 1867 g.* [Constitutional act of 1867]. In: *Konstitutsii zarubezhnykh gosudarstv* [Constitutions of foreign states]. Moscow: BEK Publ., 1996, pp. 393.
13. Newman P. *Kanadskii isteblishment* [Canadian Establishment]. Moscow: Progress, 1980. 357 p.

14. *Politicheskaya kul'tura: teorii i natsional'nye modeli* [Political culture: theories and national models]. Moscow: Interpaks Publ., 1994. 350 p.
15. *Act Respecting the Future of Québec. The Sovereignty Bill*. Available at: <http://www.sfu.ca/~ahheard/bill1.html> (accessed 25 December 2015).
16. *An Act to Give Effect to the Requirement for Clarity as Set out in the Opinion of the Supreme Court of Canada in the Quebec Secession Reference*. SC 2000, p. 26. Available at: <https://laws.justice.gc.ca/eng/acts/C-31.8/FullText.html> (accessed 25 December 2020).
17. *Canadian Multiculturalism Act. RS, 1985. Update to August 31, 2002*. Available at: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/C-18.7/page-1.html> (accessed 25 December 2020).
18. Lower J. A. *Canada in the Pacific Rim*. Toronto etc.: McGraw-Hill Ryerson, Cop. 1975. IX, 230 p.
19. *Québec Referendum (1980)*. Available at: <http://www.thecanadianencyclopediacanada.ca/en/article/quebec-referendum-1980/> (accessed 25 December 2020).
20. *Québec Referendum (1995)*. Available at: <http://www.thecanadianencyclopediacanada.ca/en/article/quebec-referendum-1995/> (accessed 25 December 2020).
21. *Resolution to amend Constitution. 1981.1S.C.R. 753. Date: 1981-09-28*. Available at: <https://scc-csc.lexum.com/scc-csc/scc-csc/en/item/2519/index.do> (accessed 25 December 2020).
22. *Reference re Secession of Quebec. 1998.2 S.C.R. 217*. Available at: [http://web4.uwindsor.ca/users/m/mcivhea/45-100.nsf/0/bf0734b4cbb81677852570b40069fec8/\\$FILE/SecessionReference.pdf](http://web4.uwindsor.ca/users/m/mcivhea/45-100.nsf/0/bf0734b4cbb81677852570b40069fec8/$FILE/SecessionReference.pdf) (accessed 25 December 2020).
23. *Recognizing Qubec as Distinct People Act*. Available at: <http://www.parl.gc.ca/HousePublications/Publication.aspx?DocId=2534202&Language=E&Mode=1> (accessed 25 December 2020).
24. Statute of Westminster, 1931. *Revised Statutes of Canada*, 1985, Appendices, no. 27, pp. 1–27.

УДК 338.23:336.131(494)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-4/91-104>

С. Е. Демидова¹, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия
E-mail: sedemidova@fa.ru

Н. Л. Воронина², Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия
E-mail: n.voronina.00@bk.ru

ПОЛИТИКА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ КАК ОСНОВА УПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫМИ ФИНАНСАМИ (НА ПРИМЕРЕ ШВЕЙЦАРИИ)

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей управления общественными финансами в парадигме устойчивого развития и влияния на социальные, экономические и экологические процессы в государстве. Концепция устойчивого развития была впервые рассмотрена в 1987 г., но в большинстве стран мира формирование социально-экономической политики на принципах устойчивости связано с принятием глобального документа «Цели в области устойчивого развития» (англ. Sustainable Development Goals). Швейцария является одной из стран, которая на законодательном уровне закрепила достижение устойчивого развития как национальную цель, реализуемую в рамках деятельности всех субъектов хозяйствования, в том числе в сфере управления общественными финансами. Посредством принятия Стратегии устойчивого развития осуществляется интеграция международных приоритетов развития в систему стратегического управления Швейцарии, которая затрагивает все уровни бюджетной системы. При формировании и изменении данного документа применяются трёхмерная модель устойчивого развития и модель основного капитала, суть которых раскрыта в статье. В ходе исследования было выявлено, что за период 2000–2020 гг. Швейцарии удалось повысить уровень устойчивости общественных финансов, а также социальную ориентированность: существенно снизились доля уровня государственного долга и объема дефицита федерального бюджета по отношению к ВВП, наблюдался рост доли расходов на

¹ Светлана Евгеньевна Демидова, кандидат экономических наук, доцент, доцент департамента общественных финансов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия.

² Наталья Леонидовна Воронина, магистрант финансового факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия.

Для цитирования: Демидова С. Е., Воронина Н. Л. Политика устойчивого развития как основа управления общественными финансами (на примере Швейцарии) // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2020. № 4. С. 91–104. DOI <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-4/91-104>.

социальное обеспечение, науку и образование. Применяемые меры контрциклической политики позволяют балансировать сальдо бюджетов бюджетной системы Швейцарии посредством установления бюджетных ограничений на размер расходной части, на которые оказывают влияние совокупность внешних и внутренних факторов. Текущий кризис, вызванный новой волной коронавирусной инфекции, отразился на финансовом результате федерального бюджета по итогам 2020 г. и изменил плановые показатели до 2024 г. В заключительной части проведен сравнительный анализ систем стратегического управления Швейцарии и России, выявлены проблемы отечественной системы. Обоснована возможность применения в российской практике швейцарских моделей с учётом особенностей нашей страны.

Ключевые слова: устойчивое развитие, общественные финансы, стратегия развития, цели устойчивого развития, национальные цели, стратегические документы, показатели федерального бюджета, Швейцария, трёхмерная модель, модель основного капитала, социальная политика, государственный долг, инвестиционная активность, расходные обязательства, дефицит бюджета, контрциклическая политика, структурный дефицит, циклический дефицит, государственный внебюджетный фонд, государственные программы.

N. L. Voronina¹, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
E-mail: n.voronina.00@bk.ru

S. E. Demidova², Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
E-mail: sedemidova@fa.ru

SUSTAINABLE DEVELOPMENT POLICY AS A CORNERSTONE OF PUBLIC FINANCIAL MANAGEMENT IN SWITZERLAND

Abstract. The article discusses features of public finance management in the paradigm of sustainable development and impact on social, economic and environmental processes in the state. The Sustainable development concept was first considered in 1987, but the formation of social and economic policies based on the principles of sustainability is associated with the adoption of the global document "Sustainable Development Goals" in most

¹ Natalia Leonidovna Voronina, Master Student, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

² Svetlana Evgenievna Demidova, PhD (Economics), Associate Professor, Department of Public Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

For citing: Voronina N. L., Demidova S. E. Sustainable development policy as a cornerstone of public financial management in Switzerland // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2020. No. 4. P. 91–104. DOI <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-4/91-104>.

countries of the world. Switzerland is one of the countries that has enshrined the achievement of sustainable development as a national goal at the legislative level. This goal is implemented in all incorporated and unincorporated businesses activities, including in the field of public finance management. Through the adoption of the Sustainable Development Strategy, international development priorities are being integrated into Switzerland's strategic management system, which affects all the budgetary system levels. During forming and changing this document, a three-dimensional model of sustainable development and a model of fixed capital are used, the essence of which is disclosed in the article. The article analyses that Switzerland had to increase the level of public finances stability, as well as social orientation in 2000–2020: the share of the level of public debt and the volume of the federal budget deficit in relation to GDP has decreased significantly, and the share of spending on social security, science and education has grown. The applied countercyclical policy measures allow balancing the budget balance of the Swiss budgetary system by setting budgetary restrictions on the expenditure, which is influenced by a combination of external and internal factors. The current crisis caused by the new coronavirus infection is affecting the federal budget financial results of the current year and changing the planned targets until 2024. As a result of the study, the authors make comparative analysis of the Swiss and Russian strategic management systems, and identify problems of the domestic system. The possibility of implementing Swiss models in Russian practice are demonstrated taking into account the special aspects of our country.

Keywords: sustainable development, public finance, development strategy, sustainable development goals, national goals, strategic documents, budget target, Switzerland, three-dimensional model, fixed capital model, social policy, public debt, investment activity, expenditure commitments, budget deficit, anti-cyclical policy, structural deficit, cyclical deficit, state non-budgetary fund, government programs.

Впервые вопрос качественного развития на глобальном уровне был сформулирован в отчёте Всемирной комиссии по окружающей среде и развитию ООН в 1987 г. «Наше общее будущее» [1]. В нём раскрывается один из подходов к понятию устойчивого развития – развитие, которое удовлетворяет потребности текущего поколения, без ущерба для удовлетворения потребностей будущих поколений. Изложенная в документе концепция подразумевает необходимость первостепенного внимания к мировой проблеме бедности населения, а также учёту рестрикций, связанных с ограниченностью ресурсов и возможностями восстановления окружающей среды (в привязке к технологическому развитию и социальной организации). В 2015 г. всеми государствами-членами ООН принимается Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.: 17 целей как инструмент достижения мира и процветания, искоренения нищеты и защиты планеты. Достижение страте-

гических целей требует активного участия как отдельных институциональных субъектов, органов власти конкретного государства, корпораций, населения, так и в целом мирового сообщества. В сфере устойчивого финансирования значительный акцент делается на то, что традиционная финансовая парадигма постепенно вытесняется устойчивой

Исходя из рейтинга стран мира по индексу процветания, рассчитываемого Институтом Legatum, который учитывает девять аспектов и параметров общества (экономика, предпринимательство, управление, образование и иные), Швейцария на протяжении 10 лет стабильно занимает 3-ю позицию. Наиболее существенным образом за этот период улучшилось обеспечение безопасности и правовой защищённости [2].

Ориентир на устойчивое развитие находит свое отражение в стратегических документах управления общественными финансами Швейцарии с 1997 г., когда была разработана и принята первая стратегия «Устойчивое развитие в Швейцарии». Впоследствии, по мере достижения целей, принимались новые Стратегии устойчивого развития (2002, 2008, 2012, 2016 гг.). В Федеральной Конституции Швейцарской Конфедерации [3], в ст. 2, устойчивое развитие, наряду с всеобщим благосостоянием, национальной сплочённостью и культурным многообразием, признаётся национальной целью Швейцарии. Кроме того, в ст. 73 закреплено, что конфедерация и кантоны должны стремиться к достижению баланса и устойчивости в отношениях между природой, её способностью к восстановлению, и потребностями со стороны населения.

В основе формирования и проведения политики устойчивого развития положены трёхмерная модель и модель основного капитала. Трёхмерная модель (рис. 1) отражает взаимообусловленность трёх сфер жизнедеятельности (окружающая среда, экономика и общество), которые рассматриваются во временном горизонте и в вертикальном «север – юг». Деятельность субъектов как государственного, так и частного сектора должна учитывать последствия совершаемых действий и принимаемых решений и их влияние на изменение всех сфер, не допуская одномерности и изолированности, учитывать то, как они отразятся на последующих поколениях.

Измерение «север – юг» отражает глобализационные и интеграционные процессы. Климатические и масштабные экологические проблемы невозможно решить на национальном уровне, экономические шоки одной страны зачастую отражаются на экономике других государств (кризис доткомов в США, санкции). Аналогичное влияние оказывает и нестабильность в социальной сфере (например, через увеличение миграционных потоков).

Трёхмерную модель дополняет модель основного капитала, предложенная Всемирным банком в 1994 г. Основная идея заключается в определении структуры капитала устойчивого развития как суммы трёх типов капитала: экологический,

экономический и социальный. В зависимости от выбранной концепции «сильной» или «слабой» устойчивости устанавливаются допустимые варианты замещения одного капитала другим.

Рис. 1. Трёхмерная модель устойчивого развития с выделением ключевых направлений
Источник: составлено авторами на основе [4]

Федеральный совет Швейцарии придерживается «разумной устойчивости», нивелируя крайние точки: компенсация одного капитала другим допустима в определённых рамках, не допуская истощения до критического уровня. Минимальные значения могут определяться различными стандартами (например, экологическими – уровень загрязнения воздуха), а также учитываются гарантированные законодательством права человека, которые определяют не подлежащие обсуждению минимальные требования или пороговые значения.

Государственная политика Швейцарии реализуется в рамках четырехлетних политических циклов и включает четыре последовательных этапа (рис. 2). На первом этапе составляется Стратегия устойчивого развития, которая выступает основным инструментом реализации целей устойчивого развития. Цель Стратегии – обеспечение последовательного устойчивого развития страны посредством координации действий на уровне конфедерации, кантонов, общин, бизнеса и гражданского общества. За счёт формирования и реализации Стратегии Федеральный совет выполняет установленные конституцией обязанности по обеспечению устойчивого развития.

Рис. 2. Этапы реализации Целей в области устойчивого развития
 Источник: составлено авторами на основе [4]

Данный документ обновляется каждые четыре года вместе с проведением выборов законодательных и исполнительных органов власти, последние из которых произошли осенью 2019 г. Таким образом, в настоящее время Стратегия корректируется на период 2020–2030 гг. В данном документе устанавливаются 15 критериев устойчивости для оценки влияния принимаемых решений на три сферы (окружающая среда, экономика, общество) и соответствующие типы капитала.

Вторым этапом является непосредственная реализация Стратегии и связанные с ней иные отраслевые инструменты – этим занимаются соответствующие федеральные органы, в том числе посредством координации с органами власти кантонов. Ответственным исполнителем является Федеральный совет, который несёт высшую политическую ответственность за реализацию политики устойчивого развития Швейцарии.

Неотъемлемым элементом выступает мониторинг выполнения Стратегии и непосредственно целей устойчивого развития, который осуществляется с помощью специальной системы MONET [5]. На основе содержащейся в ней информации составляется отчётность: базовое исследование и отчёты по странам. В середине каждого законодательного периода формируются отчёты для ООН. Оценка эффективности принятых мер запланирована на 2022, 2026, 2030 гг., полученные результаты будут использованы для корректировки Стратегии на новый четырёхлетний период с учётом выявленных проблем и смещения приоритетов.

Например, цель устойчивого развития по искоренению бедности во всех её формах и проявлениях отражается в Стратегии устойчивого развития Швейца-

рии как обеспечение покрытия социальных рисков посредством системы социального страхования и финансовой консолидации с учётом текущих возможностей национальной экономики. Показателем, отражающим достижение национальной цели, является доля общих расходов государственных и частных учреждений в области социального обеспечения в объёме ВВП, которая должна расти с каждым годом. За 30 лет значение индикатора выросло больше чем на 10%: в 1990 г. – 17,5%, в 2017 г. – превышало 28% [6]. Стоит отметить, что реализация социальной политики осуществляется не только за счет системы государственных институтов, за исследуемый период возросла роль именно частных учреждений, оказывающих услуги в социальной сфере. Если в 1990 г. на долю частного сектора приходилось 5,4%, то в 2018 г. – 11,5%. Это обусловлено в том числе развитием смешанной системы страхования всех видов: при наличии государственного, функционирует и пользуется всё большим спросом с каждым годом система частного страхования.

Уровень государственного долга – один из индикаторов, характеризующих цель устойчивого развития: долговые обязательства допустимы в случае, если их наличие не ставит под угрозу выполнение всех возложенных функций на органы государственной власти и местного самоуправления, т.е. не должен превышать установленный порог (ограничения действуют с 2003 г. на уровне федерации и в ряде кантонов). Совокупный государственный долг Швейцарии (рис. 3) по отношению к ВВП снизился более чем на 20% за последние десятилетия: в начале 2000-х гг. значение составляло 48,9%, по итогам 2018 г. – 27,6%. При этом динамика объёма государственного долга на душу населения обратная – за период 1990–2019 гг. произошло его повышение в 2 раза в связи с тем, что за указанный период среднегодовой прирост населения не превышал 1%. Проценты на обслуживание государственного долга в начале 2000-х составляли более 6% ВВП, что существенно выше текущей доли в 1%.

За рассмотренный период доля доходов и расходов федерального бюджета в структуре ВВП изменилась незначительно, при этом к 2020 г. дисбаланс сократился. Наибольший дефицит федерального бюджета наблюдался в 1993 г. (2% ВВП), в 2008 г. сформировалось максимальное сальдо бюджета в размере 1,2% ВВП. Незначительное повышение государственного долга в плановый период 2021–2024 гг. и наличие дефицита бюджета является следствием неблагоприятных событий 2020 г.

Структура расходов федерального бюджета Швейцарии за исследуемый период отражает рост социальной ориентированности (рис. 4). На финансирование социальной сферы, включающей страхование военнослужащих, медицинское страхование, выплаты малоимущим и другие разделы, расходуется треть бюджета (31% в 2014 г., 34% планируется к 2024 г. Расходы на образование и науку – по итогам ис-

полнения 2020 г. запланирован рост на 2% по сравнению с аналогичным показателем 2014 г. На содержание транспортной системы приходится существенная доля бюджета – около 13-14% (обслуживание и модернизация дорожного хозяйства, общественного транспорта и авиации), что обусловлено высокой зависимостью всех сфер экономики и жизнедеятельности от качества функционирования транспортного комплекса.

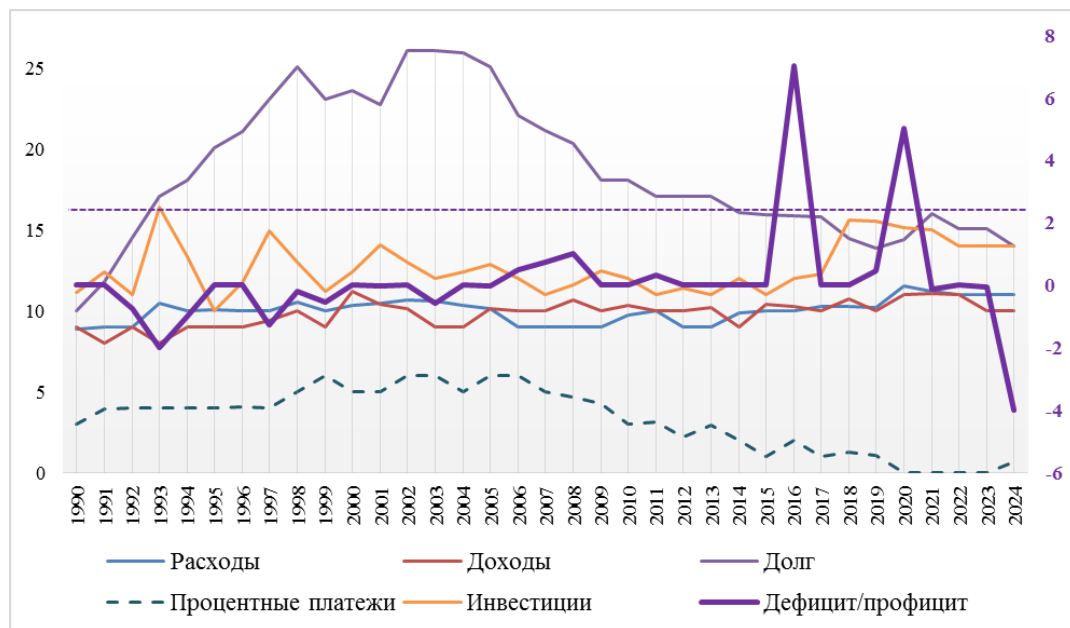

Рис. 3. Ключевые показатели федерального бюджета Швейцарии в 1990–2024 гг. (левая шкала), дефицит/профицит федерального бюджета (правая шкала), в % к ВВП
 Источник: составлено авторами на основе [6]

В статью расходов «финансы и налоги» включаются расходы на формирование капитала, управление государственным долгом, предоставление межбюджетных трансфертов иным бюджетам бюджетной системы. Стабильность структуры расходов обусловлена в частности проводимой политикой устойчивого развития – посредством реализации вышеуказанных стратегий осуществляется поступательное достижение национальных целей.

Реализация расходных обязательств публично-правовых образований Швейцарии осуществляется, прежде всего, за счёт поступления налоговых доходов, доля которых составляет более 90% в общем объёме доходов консолидированного бюджета. Однако, в связи со сложившейся в 2020 г. серьёзной эпидемиологической обстановкой, сальдо федерального бюджета Швейцарии прогнозируется отрицательным в 2021–2024 гг. (рис. 5).

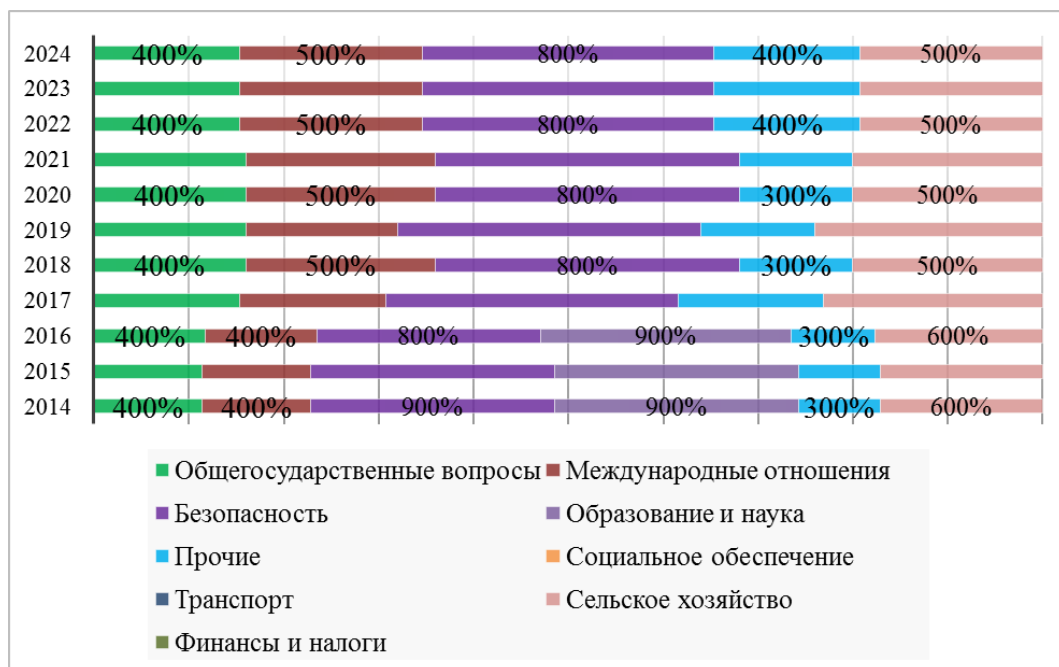

Рис. 4. Структура расходов федерального бюджета Швейцарии в 2014–2024 гг., в %

Источник: составлено авторами на основе [7]

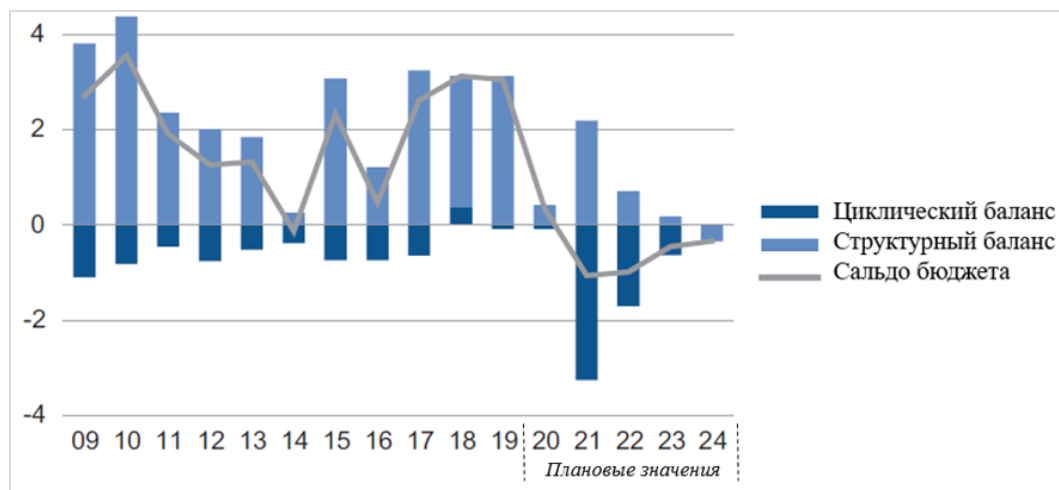

Рис. 5. Финансовый результат исполнения федерального бюджета Швейцарии

Источник: составлено авторами на основе [7]

Начиная с 2014 г. Швейцария устойчиво достигала комфортного уровня профицита всех бюджетов бюджетной системы. В начале 2020 г., до реакции на пандемию, положительная тенденция должна была продолжиться. Принимаемые прави-

тельствами меры по распространению COVID-19 и поддержки населения и отраслей экономики привели к ухудшению индикаторов общественных финансов в краткосрочной перспективе. Рекордное ослабление швейцарской экономики окажет серьёзное негативное влияние на налоговые поступления на всех уровнях бюджетной системы. Более того, увеличилась расходная часть – чрезвычайные меры были приняты на сумму около 17,8 млрд швейцарских франков, из которых 12,2 млрд – взносы на страхование по безработице, уровень которой по итогам октября 2020 г. составляет 3,3% (что на 1% выше аналогичного периода прошлого года).

В 2021 финансовом году ожидается постепенное восстановление экономики Швейцарии. Уровень ВВП вряд ли полностью вернется к докризисному уровню, тем не менее, по причине стабилизации социально-экономической ситуации налоговые поступления будут расти. Большинство чрезвычайных мер запланировано осуществить только в 2020 г., поэтому расходы сектора государственного управления должны снизиться. Однако объём расходов фондов социального страхования всё ещё останется намного выше докризисного уровня из-за роста безработицы.

Таким образом, впервые за последние годы в Швейцарии предусмотрен циклический дефицит (разность между запланированными доходами и установленным верхним пределом расходов) в размере 3,3 млрд франков в 2021 г., который постепенно будет уменьшаться. Однако, поскольку экономика будет восстанавливаться медленными темпами, в 2024 г. циклический дефицит перейдет в структурный – объём предусмотренных расходов превысит предельные значения. Такая ситуация обусловлена применяемой контрциклической политикой «долговой тормоз», при котором во время фаз спада экономического цикла допускается определённый циклический дефицит, во время подъёма – обязательное наличие профицита. Швейцарский «долговой тормоз» считается историей успеха и упоминается как модель устойчивого сбалансированного бюджетирования, которая приводит к стабилизации государственных финансов [8]. Устойчивость общественных финансов достигается за счет сглаживания колебаний экономической активности и последствий различных шоков.

Проведение политики устойчивого развития отражается и на финансах государственных внебюджетных фондов. Так, инвестиционная стратегия Швейцарского национального фонда страхования от несчастных случаев построена на принципе долгосрочного обеспечения активами (достаточными для покрытия полного объёма страховых выплат независимо от текущей рыночной ситуации) и широкой диверсификации. Кроме того, при выборе инструмента инвестирования внимание обращается не только на соотношение риска и доходности, но и соблюдения экологических, социальных и этических принципов [9]. Относительная стабильность инвестиционной активности обусловлена типичной для большинства развитых экономик проблемой предельной загруженности мощностей и необходимостью поиска нового источника инвестиций.

Ключевая задача на сегодняшний момент – полноценная интеграция мировых целей развития в систему национального управления общественных финансов. С другой стороны, устойчивость не может быть решена исключительно на национальном уровне, поскольку на неё влияет симбиоз внешних сложно прогнозируемых факторов.

В Российской Федерации, несмотря на наличие организационных основ функционирования и соответствующих документов стратегического планирования, в которых закреплены национальные цели развития, ещё не достигнут такой же уровень взаимоувязки показателей, как в Швейцарии, где обеспечивается качественное достижение конечных результатов, которые отражаются на конкретной целевой группе. Для отечественной практики характерно наличие большего количества документов стратегического планирования, что приводит к сложностям при формировании единой системы показателей. Несмотря на то, что косвенно в прогнозах социально-экономического развития упоминается устойчивое развитие как ключевой компонент при формировании целей и задач, в большинстве своём происходит постановка целей по конкретным сферам жизнедеятельности в отсутствии качественного и количественного анализа их взаимосвязи между собой. Сравнительная характеристика систем стратегического управления общественными финансами Швейцарии и России представлена в табл. 1.

Зачастую в России новым документом стратегического планирования происходит не корректировка планируемых результатов, а кардинальное изменение как значений, так и самих показателей. Например, Указом Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» устанавливается целевой показатель, характеризующий достижение соответствующей цели к 2030 году – повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет. До принятия указанного акта такое же значение аналогичного показателя в соответствии с указом Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» должно было быть достигнуто к 2024 году, а к 2030 году – 80 лет.

Счётная палата Российской Федерации по результатам проведения контрольных и экспертно-аналитических мероприятий обращает внимание на недостатки в части определения целей, задач, результатов и характеризующих их целевые показатели: в частности, не в полной мере обеспечено соответствие и связь показателей, установленных различными стратегическими документами, по ряду государственных программ цели и задачи не корректируются или корректируются незначительно. Например, исходя из заключения Счётной палаты РФ на проект федерального закона «О федеральном бюджете на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов», 68,9% от общего количества государственных программ не соответствуют документам стратегического развития, 64,4% – отраслевым стратегическим документам [10].

**Сравнительная характеристика систем стратегического управления
общественными финансами в аспекте устойчивого развития**

Элементы системы стратегического УОФ	Швейцария	Россия
Законодательное закрепление цели устойчивого развития в высшем законе	Закрепление как национальной цели в Конституции	Не закреплено
Ключевая национальная цель	Обеспечение устойчивого развития	Пять целей, установленных указом Президента РФ
Федеральные органы власти, отвечающие за устойчивое развитие	Федеральный Совет; Межведомственный комитет устойчивого развития; Федеральное агентство территориального развития Иные органы по сфере компетенции	Заместители Председателя Правительства, отвечающие за конкретную национальную цель
Нормативно-правовое регулирование СУОФ	Конституция Швейцарии; Федеральные законы, регулирующие конкретную сферу деятельности	Федеральный закон о стратегическом планировании
Вовлечение регионов, муниципалитетов в решение национальных целей	Принцип «мыслить глобально, действовать локально»; В каждом регионе есть соответствующее министерство	Региональный проектный офис; Региональные программы и проекты; Закрепление персональной ответственности
Документы стратегического планирования	Стратегия устойчивого развития, отраслевые стратегии	Указы Президента РФ, закрепляющие национальные цели; национальные проекты; прогнозы социально-экономического развития, стратегии, отраслевые стратегии, государственные программы и другие
Информационные системы	Система "MONET"	Информационная панель Счётной палаты РФ
Методология	Трёхмерная модель, модель основного капитала	Принципы целеполагания, прогнозирования, планирования и программирования
Учёт наднациональных целей развития	Напрямую прослеживается интеграция на национальный уровень	Схожи ключевые направления развития

Источник: составлено авторами

Подход Швейцарии, с учётом особенностей социально-экономического развития нашей страны, функционирования государственного сектора и в целом финансовой системы может быть использован в системе управления общественными финансами в России. Внешние вызовы (пандемия) и распространение цифровых технологий могут как способствовать, так и препятствовать переходу к устойчивому развитию, сокращению неравенства, трансформации рынка труда, ответственному потреблению и производству, обеспечению экологической безопасности. Поэтому выбор целеполагания и стратегии управления будет оказывать решающее значение на качество жизни и экономический рост.

Список литературы

1. Report «Our common future» of the World Commission on Environment and Development (the Brundtland Commission), 1987. – URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/5987our-common-future.pdf> (дата обращения: 01.10.2020)
2. The Legatum Prosperity Index. – URL: <https://www.prosperity.com/> (дата обращения: 30.10.2020).
3. Federal Constitution of the Swiss Confederation. – URL: <https://www.admin.ch/opc/en/classified-compilation/19995395/index.html> (дата обращения: 01.10.2020).
4. Sustainable development in Switzerland : Methodological foundations. – URL: <https://www.are.admin.ch/are/en/home/sustainable-development/strategy-and-planning/understanding-of-sustainability-in-switzerland.html> (дата обращения: 01.10.2020).
5. The MONET 2030 indicator system. – URL: <https://www.bfs.admin.ch/bfs/en/home/statistics/sustainable-development/monet-2030.html> (дата обращения: 04.10.2020).
6. [Государственная база данных Швейцарии] (Open Government Data). – URL: https://www.efv.admin.ch/efv/en/home/finanzberichterstattung/daten/open_gov_data1.html (дата обращения: 05.10.2020).
7. Federal finances at a glance (entire publication), 2021 budget Overview. – URL: https://www.efv.admin.ch/dam/efv/en/dokumente/Finanzberichte/bufi/haushalt_gesamt.pdf.download.pdf/haushalt_gesamt.pdf (дата обращения: 05.10.2020).
8. Zielniewicz A. The Swiss «success story» of sustainable public finance: debt restrictions and budgeting processes in the Swiss Confederation // Fiscal Rules – Limits on Governmental Deficits and Debt / ed. by F. L. Morrison. – Springer, 2016. – P. 267–297.
9. Годовые отчеты Швейцарского национального фонда страхования от несчастных случаев. – URL: <https://www.suva.ch/en/the-suva/about-us/annual-report> (дата обращения: 05.10.2020).
10. Заключение Счетной палаты РФ на проект федерального закона «О федеральном бюджете на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов». – URL: <https://ach.gov.ru/audit/proekt-2021> (дата обращения: 20.10.2020).

References

1. *Report «Our Common Future» of the World Commission on Environment and Development (the Brundtland Commission), 1987*. Available at: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/5987our-common-future.pdf> (accessed 01 October 2020).
2. *The Legatum Prosperity Index*. Available at: <https://www.prosperity.com/> (accessed 30 October 2020).
3. *Federal Constitution of the Swiss Confederation*. Available at: <https://www.admin.ch/opc/en/classified-compilation/19995395/index.html> (accessed 01 October 2020).
4. *Sustainable development in Switzerland: Methodological foundations*. Available at: <https://www.are.admin.ch/are/en/home/sustainable-development/strategy-and-planning/understanding-of-sustainability-in-switzerland.html> (accessed 01 October 2020).
5. *The MONET 2030 indicator system*. Available at: <https://www.bfs.admin.ch/bfs/en/home/statistics/sustainable-development/monet-2030.html> (accessed 04 October 2020).
6. *Swiss Open Government Data*. Available at: https://www.efv.admin.ch/efv/en/home/finanzberichterstattung/daten/open_gov_data1.html (accessed 05 October 2020).
7. *Federal finances at a glance (entire publication), 2021 budget Overview*. Available at: https://www.efv.admin.ch/dam/efv/en/dokumente/Finanzberichte/bufi/haushalt_gesamt.pdf.download.pdf/haushalt_gesamt.pdf (accessed 05 October 2020).
8. Zielniewicz A. The Swiss «success story» of sustainable public finance: debt restrictions and budgeting processes in the Swiss Confederation. In: Morrison F.L., ed. *Fiscal Rules – Limits on Governmental Deficits and Debt*. Springer, 2016, 20. pp. 267–297.
9. *Annual reports of the Swiss National Accident Insurance Fund*. Available at: <https://www.suva.ch/en/the-suva/about-us/annual-report> (accessed 05 October 2020). (In Russian).
10. *Accounts Chamber of the Russian Federation Report on the draft federal law «On the federal budget for 2021 and for the planning period of 2022 and 2023»*. Available at: <https://ach.gov.ru/audit/proekt-2021> (accessed 20 October 2020). (In Russian).

УДК 343.347(470)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-4/105-117>

А. И. Коробеев¹, Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток, Россия

E-mail: akorobeev@rambler.ru

А. А. Ширшов², Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток, Россия

E-mail: brahma@bk.ru

**ВОСПРЕПЯТСТВОВАНИЕ ОКАЗАНИЮ
МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ (ст. 124¹ УК РФ):
ВОПРОСЫ ТОЛКОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ**

Аннотация. Авторы анализируют новеллу, введённую чуть менее года назад в Уголовный кодекс РФ, устанавливающую ответственность за воспрепятствование законной деятельности медицинского работника по оказанию медицинской помощи. В работе авторы попытались обозначить и провести анализ некоторых проблем, связанных с особенностями конструкции нового состава преступления, прежде всего касающиеся элементов объективной стороны и реализации принципа субъективного вменения применительно к предвидению виновным общественно опасных последствий. Авторы констатируют, что конструкция состава преступления как материального с неизбежностью вызовет сложности в правоприменительной практике, связанные с необходимостью установления причинно-следственной связи между воспрепятствованием законной деятельности медицинского работника по оказанию медицинской помощи и наступившими общественно опасными по-

¹ Коробеев Александр Иванович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, заслуженный деятель науки РФ, г. Владивосток, Россия.

² Ширшов Алексей Александрович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, заслуженный деятель науки РФ, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Коробеев А. И., Ширшов, А. А. Воспрепятствование оказанию медицинской помощи (ст. 124¹ УК РФ): вопросы толкования и правоприменения // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2020. № 4. С. 105–117. DOI <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-4/105-117>.

следствиями в виде причинения тяжкого вреда здоровью или смерти потерпевшего. Работа содержит выводы о необходимости уточнения диспозиции нормы статьи 124¹ УК РФ в части указания на конкретные формы медицинской помощи, воспрепятствование которой должно быть уголовно наказуемым. Авторы указывают на необходимость устанавливать в составе преступления, предусмотренном статьёй 124¹ УК РФ, не только причинно-следственную связь между наступлением последствий, указанных в уголовном законе, и самим деянием, но и то обстоятельство, что по отношению к наступлению последствий у преступника должна быть установлена вина в форме неосторожности; делают вывод о недостаточном уровне законодательной техники при внесении изменений в УК РФ.

Ключевые слова: законная деятельность медицинского работника, оказание медицинской помощи, воспрепятствование, причинная связь, объективная сторона преступления, двойная форма вины, уголовная политика.

Alexander I. Korobeev¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: akorobeev@rambler.ru

Alexey A. Shirshov²

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: brahma@bk.ru

**OBSTRUCTION IN PROVIDING MEDICAL CARE
(ART. 124¹ OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION) –
ISSUES OF INTERPRETATION AND LAW ENFORCEMENT**

Abstract. The authors analyze a novel piece of legislation introduced less than a year ago into the Criminal Code of the Russian Federation, which establishes responsibility for obstructing the legal activity of medical workers in providing medical care. The authors tried to identify and analyze some problems associated with the key features of the new corpus delicti, such as actus reus and implementation of the principle of subjective imputation in terms of the defendant's foresight of socially dangerous consequences. Construction of the new corpus delicti as a material offence will inevitably create difficulties

¹ Alexander I. Korobeev, Doctor of Law, Professor, the Head of Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

² Alexey A. Shirshov, Candidate of Law, Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Korobeev A. I., Shirshov A. A. Obstructing in providing medical care (art. 124¹ of the Criminal Code of the Russian Federation) – issues of interpretation and law enforcement // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2020. No. 4. P. 105–117. DOI <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-4/105-117>.

in the law enforcement practice which also calls for establishing a causal link between the obstruction of the activity of medical officers in a medical care providing and the socially dangerous consequences that have caused serious harm to the health or resulted in the death of the victim. The work contains conclusions about the need to clarify the disposition of the provisions of Article 124¹ of the Criminal Code of the Russian Federation in terms of defining specific forms of medical care, such as medical emergency, the obstruction of which should be criminally punishable. The authors' point of view is to establish in the corpus delicti that is included in Article 124¹ of the Criminal Code not only a causal link between the onset of consequences, stipulated in the Criminal Code and the act, but also the reference to the circumstances that indicate the willful negligence of the guilty person with regard to socially dangerous consequences.

Key words: criminal code, obstructing of medical care, causal link in Criminal Law, socially dangerous consequences, criminal policy, form of mens rea.

Федеральным законом от 26 июля 2019 г. № 206-ФЗ Уголовный кодекс Российской Федерации был дополнен статьёй 124¹, предусматривающей ответственность за воспрепятствование оказанию медицинской помощи. Появлению в уголовном законе новой статьи предшествовала весьма продолжительная и достаточно острая дискуссия (причём в среде не только теоретиков, но и практиков) по поводу того, как и по каким направлениям должна развиваться отечественная уголовно-правовая политика в сфере противодействия криминальным посягательствам на основы здравоохранения и его отдельные элементы. Остановимся на истоках и итогах этой дискуссии подробнее.

Криминологико-юридическим стержнем дискуссии послужили взаимосвязанные вопросы, во-первых, о том, насколько велики масштабы и опасность девиантного поведения в сфере осуществления медицинской деятельности, а, во-вторых, какими методами (с помощью «кнута» или «пряника») следует вести борьбу с негативными явлениями в указанной сфере, учитывая специфический характер причин, их порождающих.

На фоне серии резонансных дел о преступлениях, связанных с врачебными ошибками и ненадлежащим оказанием медицинской помощи, их широким обсуждением в средствах массовой информации некая «Лига защиты пациентов» подготовила законопроект «О переносе ответственности врачей из УК РФ в КоАП РФ». Разработчиками проекта предлагалось исключить из Уголовного кодекса РФ ч. 2 ст. 109, ч. 2 ст. 118, ст. 124 и предусмотреть в КоАП РФ ст. 6.17 «Нарушение правил оказания медицинской помощи». Предложение было критически встречено юридическим научным сообществом, в том числе и по той причине, что «полная декриминализация неосторожного причинения вреда при оказании медицинской помощи откроет возможность для произвола» [2, с. 196].

Гораздо более основательно к идее модернизации и реконструкции уголовного законодательства об ответственности медицинских работников подошла другая инициативная группа разработчиков в лице Следственного комитета РФ и общественной организации «Национальная медицинская палата». Опираясь на солидный эмпирический материал (а не на отдельные примеры и факты), представители данной группы показали динамику числа обращений в правоохранительные органы граждан, неудовлетворённых оказанием медицинской помощи, а также результаты реагирования на них.

Выяснилось, что в 2016 г. в следственные органы Следственного комитета России поступило 4 947 сообщений о преступлениях, связанных с врачебными ошибками и ненадлежащим оказанием медицинской помощи, в 2017 г. – 6 050, в 2018 г. – 6 623 сообщения.

По результатам их рассмотрения в 2016 г. возбуждено 878, в 2017 г. – 1 791, а в 2018 г. – 2 229 уголовных дел. По уголовным делам указанной категории, находившимся в производстве следователей Следственного комитета РФ, в 2016 г. признаны потерпевшими 443 человека (335 человек скончались), из них 145 несовершеннолетних (125 детей скончались). В 2017 г. признано потерпевшим 531 лицо (419 скончались), из них 175 несовершеннолетних (151 ребенок скончался). В 2018 г. потерпевшими признано 410 человек, 284 из которых скончались. От неправомерных действий медицинских работников пострадал 101 несовершеннолетний, из них 79 детей скончались. Были исследованы и причины отмеченных негативных явлений. Инициаторами проекта предлагалось ввести в УК РФ новые нормы: ст. 124¹ «Ненадлежащее оказание медицинской помощи», ст. 124² «Соккрытие ненадлежащего оказания медицинской помощи», а ст. 235 изложить в новой редакции: «Незаконное осуществление медицинской и (или) фармацевтической деятельности».

О небезупречном качестве подготовленного законопроекта свидетельствует, на наш взгляд, хотя бы тот факт, что пояснительная записка к нему вообще не содержит необходимый перечень оснований и условий для криминализации соответствующих деяний.

Между тем криминализация деяний может быть признана научно обоснованной лишь при учёте законодателем совокупности целого ряда факторов, важнейшими из которых являются: определённая степень общественной опасности деяний, их относительная распространённость и типичность, неблагоприятная динамика правонарушений, возможность воздействия на них уголовно-правовыми средствами, невозможность успешной борьбы менее репрессивными мерами, отсутствие негативных побочных последствий запретов, наличие материальных ресурсов для их реализации, определённый уровень общественного правосознания и психологии населения. Все ли из названных оснований были учтены авторами рекомендаций о расширении числа норм об уголовной ответственности медицинских работников? Думается, что нет.

Полагаем, что введение предлагаемых норм не будет способствовать ни единообразию квалификации, ни предупреждению преступлений в сфере медицинской деятельности. Действующее уголовное законодательство включает в себя достаточно норм, обеспечивающих охрану прав и законных интересов пациентов, а сложившаяся практика применения уголовного закона позволяет дифференцировать уголовную ответственность в зависимости от тяжести наступивших последствий. Кроме того отметим, что попытка перехода к казуальному способу правового регулирования при установлении уголовной ответственности медицинских работников не отвечает требованиям законодательной техники. Вызывает возражение и попытка криминализировать внесение недостоверных сведений в медицинскую документацию (статья 124² проекта). Прежде всего сомнения вызывает сам факт наличия базового основания для криминализации деяния – его общественной опасности. Очевидно, что перевод деяния из категории дисциплинарных проступков в разряд преступлений, несомненно, требует такого обоснования, как и требует обоснования необходимости вести борьбу с подобным деянием именно уголовно-правовыми методами и средствами.

Новая редакция статьи 235 УК РФ (незаконное осуществление медицинской деятельности или фармацевтической деятельности), которую предлагают дополнить нормами об ответственности за использование заведомо поддельных (подложных) документов об образовании и (или) иных документов либо без документов, предоставляющих право на данные виды деятельности, на наш взгляд, является ещё одной неудачной попыткой казуального регулирования и примером излишней криминализации. Так, действующее уголовное законодательство уже включает в себя статью, которая устанавливает ответственность за использование заведомо подложного документа (ч. 3 ст. 327 УК). Ещё большее недоумение вызывает рекомендуемая авторами проекта конструкция ст. 235 УК РФ как материального состава. По нашему мнению, сам факт использования подложных документов не может влечь за собой последствия в виде причинения вреда здоровью человека (по тексту проекта – любого, без уточнения степени тяжести). Вред здоровью может быть причинён в результате непрофессиональных действий, но не по причине использования подложного документа [6, с. 110–111].

При всём несовершенстве предпринятых попыток оптимизировать уголовное законодательство в сфере осуществления медицинской деятельности – очевидно и другое: проблема повышения эффективности уголовно-правовой борьбы с так называемыми ятрогенными преступлениями, т.е. с профессиональными преступлениями медицинских работников, связанными с нарушением правил и (или) стандартов оказания медицинской помощи, остаётся насущной и требует дальнейших её научных разработок [2, 4, 7, 13], в том числе и в рамках

складывающейся подотрасли уголовного права – медицинском уголовном праве [12, с. 816–824].

В процессе осуществления законотворческой деятельности в данной сфере надо стараться избегать двух крайностей: тотальной декриминализации таких преступлений и противоестественного порождения новых уголовно-правовых запретов. Прав Н. И. Пикуров: в условиях непременных рисков, сопровождающих любое медицинское вмешательство, задача правового регулирования заключается в соблюдении баланса между уголовно-правовой охраной интересов пациентов и созданием гарантий от необоснованной уголовной репрессии в отношении медицинских работников, идущих на риск ради излечения или поддержания здоровья человека [9, с. 92].

Основным непосредственным объектом преступления выступает здоровье (а в некоторых ситуациях – и жизнь) пациента. *Дополнительным объектом*, как об этом можно судить по конструкции нормы, является законная деятельность медицинского работника по оказанию медицинской помощи.

Отсюда *потерпевшими* от преступления могут быть две категории граждан: в первую очередь, сам пациент, нуждающийся в медицинской помощи, но в результате воспрепятствования её оказанию таковую не получающий, во вторую – медицинский работник, пытающийся оказать медицинскую помощь пациенту, но в процессе воспрепятствования сам претерпевающий тот или иной вред.

Описывая параметры главного фигуранта из тандема потерпевших от исследуемого преступления, законодатель отказался от использования термина «больной», заменив его на термин «пациент». В соответствии с Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ *пациентом* признаётся физическое лицо, которому оказывается медицинская помощь или которое обратилось за оказанием медицинской помощи независимо от наличия у него заболевания и от его состояния. Как видим, круг потерпевших от преступления (по сравнению с деянием, предусмотренным ст. 124 УК РФ) заметно расширился.

Другая часть потенциальных потерпевших охватывается понятием «медицинский работник». Упомянутым Федеральным законом он определяется как физическое лицо, которое имеет медицинское или иное образование, работает в медицинской организации и в трудовые (должностные) обязанности которого входит осуществление медицинской деятельности, либо физическое лицо, которое является индивидуальным предпринимателем, непосредственно осуществляющим медицинскую деятельность.

Объективная сторона преступления включает: а) деяние, выражающееся в воспрепятствовании в какой бы то ни было форме законной деятельности медицинского работника по оказанию медицинской помощи; б) последствие в виде причинения тяжкого вреда здоровью пациента; в) причинную связь между деянием и наступившим последствием.

Воспрепятствование означает создание помех, преград, препон, иных условий, которые затрудняют или не позволяют вовсе осуществить медицинскому работнику оказание медицинской помощи пациенту.

Буквальное прочтение содержащегося в ст. 124¹ УК уголовно-правового запрета может привести к выводу, что под признаки нормы подпадают случаи воспрепятствования любым видам оказания медицинской помощи, включая не только скорую медицинскую, но и первичную, медико-санитарную, специализированную, паллиативную. Конечно, сложно представить себе ситуацию, когда воспрепятствование оказанию медицинской помощи в виде услуг пластического хирурга может повлечь за собой причинение тяжкого вреда здоровью или смерть пациента. Однако практика реализации уголовного закона знает и более курьёзные прецеденты.

Думается, что законодателю, во избежание квалификационных ошибок при толковании правоприменителем диспозиции ст. 124¹ УК, следовало бы прямо указать в ней конкретный вид медицинской помощи (а именно – скорую медицинскую помощь) как конститутивный признак объективной стороны преступления, поскольку воспрепятствование именно скорой помощи, которая оказывается при состояниях, требующих срочного медицинского вмешательства, имеет ясно выраженную и достаточно высокую общественную опасность. Приведённое положение хорошо коррелирует и с идеями, изложенными в пояснительной записке к законопроекту, но не воплощёнными в самом законе.

Обратим внимание на то, что воспрепятствование должно быть направлено именно на *законную* деятельность медицинских работников по оказанию медицинской помощи.

Указание на законный характер оказания медицинской помощи в тексте статьи 124¹ УК РФ корреспондирует с положениями Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», который регулирует порядок оказания медицинской помощи.

Очевидно, что ссылочный характер термина «законный» применительно к медицинской помощи означает то, что названная помощь оказывается полностью в соответствии с действующим законодательством.

Из изложенного следует, во-первых, что ст. 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» предусматривает обязательность при оказании медицинской помощи получить согласие на неё пациента как необходимое предварительное условие медицинского вмешательства. Закон предусматривает, что информированное добровольное согласие гражданина или его законного представителя на медицинское вмешательство может быть дано на основании предоставленной медицинским работником в доступной форме полной информации о целях, методах оказания медицинской помощи, связанном с ними риске, возможных вариантах медицинского вмешательства, о его последствиях, а также о предполагаемых результатах оказания медицинской помощи.

Во-вторых, закон предусматривает право гражданина отказаться от медицинской помощи. При этом оказание медицинской помощи в случае отказа от неё в общем случае закон не допускает. Соответственно, состав преступления будут образовывать только те случаи, когда виновный препятствует оказанию медицинской помощи при условии, что пациент или его законный представитель выражают согласие на её оказание или имеются основания для оказания медицинской помощи без согласия пациента или его законного представителя в ситуациях, прямо указанных в законе (например, если медицинское вмешательство необходимо по экстренным показаниям для устранения угрозы жизни человека и если его состояние не позволяет выразить свою волю или отсутствуют законные представители лиц, не достигших 15-летнего возраста).

Очевидно и то, что законной будет считаться лишь такая медицинская помощь, которую оказывает надлежащее физическое или юридическое лицо, имеющее подтверждённое лицензией право оказывать такую помощь [10; 11]. Кроме того, согласно статье 37 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» медицинская помощь должна оказываться в соответствии с положением об организации оказания медицинской помощи по видам медицинской помощи, которое утверждается уполномоченным федеральным органом исполнительной власти; в соответствии с порядками оказания медицинской помощи, утверждаемыми уполномоченным федеральным органом исполнительной власти и обязательными для исполнения на территории Российской Федерации всеми медицинскими организациями; на основе клинических рекомендаций (эта норма вступает в силу с 01 января 2022 г.); с учётом стандартов медицинской помощи, утверждаемых уполномоченным федеральным органом исполнительной власти.

Таким образом, исходя из буквального системного толкования положений ст. 124¹ УК РФ и норм федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», воспрепятствование оказанию медицинской помощи, не отвечающей установленным требованиям, состав преступления содержать не будет.

Формы воспрепятствования могут быть самыми разнообразными, перечень их в законе носит открытый характер: ими могут выступать угрозы, акты физического насилия в отношении медицинских работников, создание препятствий по доступу к пациенту.

Примечательно, что некоторые из названных форм в первоначальном варианте законопроекта содержались непосредственно в диспозиции ст. 124¹ УК. Однако Верховный Суд России в своём официальном отзыве обратил внимание на отсутствие конкретного содержания такого признака, как «создание препятствий по доступу к больному», что могло повлечь слишком широкое усмотрение правоприменителя [8]. Законодатель после этого вообще отказался от упоминания возможных форм воспрепятствования, посчитав, вероятно, что таким способом будет достигнут удовлетворяющий су-

дебную практику уровень в конкретизации одного из конститутивных признаков объективной стороны преступления.

Последствием в основном составе преступления служит причинение тяжкого вреда здоровью пациента. Любопытно, что в первоначальной редакции законопроекта в диспозиции ч. 1 ст. 124¹ УК РФ фигурировал и причинённый по неосторожности «вред здоровью средней тяжести». Однако теперь уже в официальном отзыве Правительства РФ предлагалось формулировку нормы избавить от данного признака, что законодателем и было сделано, но лишь в окончательной редакции статьи 124¹ УК (в ст. 124 УК аналогичная оплошность до сих пор не исправлена) [8].

Самым сложным для установления признаком объективной стороны изучаемого преступления является причинная связь. Дело в том, что наступление тяжкого вреда здоровью потерпевшего детерминировано не воспрепятствованием виновным оказанию медицинской помощи пациенту как таковым, а неоказанием самой этой помощи «нейтрализованным» медицинским работником. Именно последний фактор является непосредственной причиной наступления преступного результата. Воспрепятствование законной деятельности медицинского работника создает лишь условия для его возникновения.

Таким образом, делают правильный вывод С. В. Дубовиченко и В. П. Карлов, вред здоровью причинно связан с бездействием медицинских работников, которые не подлежат ответственности, поскольку воспрепятствование оказанию медицинской помощи является уважительной причиной бездействия [3, с. 82]. Субъект преступления, создавший условия для бездействия медицинского работника и наступления в результате неоказания им медицинской помощи пациенту соответствующих последствий, отвечает, по сути, за то, что сам не совершал. Разумеется, и к разрешению подобных коллизий можно применить известный софизм, содержащийся в формуле «причина причины есть причина и результата». Но для нас очевидно, что усмотреть наличие причинной связи (тем более той, которая так ценится правоприменителем, т.е. необходимой причинной связи) между поведением воспрепятствующего субъекта и наступившими преступными последствиями можно только с очень большой долей натяжки [5, с. 414–422].

В этом, к слову, кроется ещё один недостаток конструкции предложенной законодателем новеллы. Его можно было бы преодолеть, сделав состав преступления не материальным, а формальным. Проблемы установления причинной связи в таком случае отпали бы сами собой. Но и данный путь ведёт в тупик: по характеру и общественной опасности преступление, сконструированное по типу формального состава, ничем не отличалось бы от административного правонарушения, закреплённого в статье 6.36 КоАП РФ «Воспрепятствование оказанию медицинской помощи».

Обратим внимание ещё на одно обстоятельство. Описывая диспозицию административного правонарушения, предусмотренного статьёй 6.36 КоАП РФ, законодатель делает оговорку, что под названную статью не подпадают действия, связанные с не-

предоставлением преимущества в движении транспортному средству, имеющему нанесённые на наружные поверхности специальные цветографические схемы, надписи и обозначения, с одновременно включённым проблесковым маячком синего цвета и специальным звуковым сигналом.

Нормы Уголовного кодекса соответствующей оговорки не имеют. Исходя из открытости в УК РФ перечня способов воспрепятствования оказанию медицинской помощи пациенту, обоснованно встаёт вопрос о квалификации таких действий по воспрепятствованию, которые связаны с непредоставлением преимущества в движении, например, скорой помощи. В рассматриваемой ситуации мы вновь сталкиваемся со сложностями, вытекающими из материального характера состава преступления и из необходимости установить не только причинно-следственную связь между наступлением последствий, указанных в уголовном законе, и самим деянием, но и то обстоятельство, что по отношению к наступлению последствий у преступника наличествует вина в форме неосторожности, что на практике видится труднореализуемым.

Субъективная сторона преступления характеризуется смешанной формы вины: ст. 124¹ Уголовного кодекса РФ представляет собой пример преступления с двумя формами вины: умышленному воспрепятствованию оказанию медицинской помощи корреспондирует неосторожная вина в отношении последствий. И умысел по отношению к деянию, и неосторожность по отношению к последствиям допускают все их разновидности. При этом в целом, на наш взгляд, преступление следует признавать неосторожным, так как в отношении основного объекта преступного посягательства законодатель предусматривает именно неосторожную форму вины.

Поскольку потерпевшими от анализируемого преступления могут быть в некоторых случаях и сами медицинские работники, возникает вопрос о его отграничении от смежных составов. Сравнительный анализ санкции ст. 124¹ УК РФ и ряда норм, предусматривающих ответственность за преступления против здоровья, приводит к выводу, что в случае воспрепятствования оказанию медицинской помощи, сопровождающегося причинением медицинскому работнику умышленного лёгкого вреда здоровью, побоями или угрозой убийством (причинением тяжкого вреда здоровью), дополнительная квалификация по статьям 115, 116, ч. 1 ст. 119 УК РФ не требуется. Если действия субъекта воспрепятствования подпадают под признаки часть 2 статьи 124¹ УК РФ и также сопровождаются насилием в отношении медицинского работника, то нет нужды в дополнительной квалификации всего содеянного по ч. 1 ст. 117 УК.

Итак, не высказывая принципиальных возражений относительно наличия критериев, позволивших криминализировать воспрепятствование законной деятельности медицинского работника по оказанию медицинской помощи, которое, несомненно, представляет определённую общественную опасность, имеет относительную распространённость и типичность, отметим, тем не менее, достаточно низкий уровень за-

конодательной техники при конструировании названной нормы. Сложно преодолимые «врождённые пороки развития новорождённой» статьи 124¹ УК РФ могут сделать норму сначала мало применимой, а затем и «мёртвой». На наш взгляд, норма несомненно требует внимания законодателя для её уточнения и корректировки.

Список литературы

1. Блинов, А. Г. Правовой статус пациента и его обеспечение регулятивным и охранительным законодательством / А. Г. Блинов. – Санкт-Петербург : Алеф-Пресс, 2013. – 206 с.
2. Воронин, В. Н. Социальные вызовы в сфере медицины и уголовная политика // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XVII Международной научно-практической конференции. – Москва, 2020. – С. 194–197.
3. Дубовиченко, С. В. Уголовная ответственность за воспрепятствование оказанию медицинской помощи: социальная обусловленность и критический анализ законодательных новелл / С. В. Дубовиченко, В. П. Карпов // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. – 2019. – Т. 2, № 4. – С. 175–184.
4. Замалеева, С. В. Ятрогенные преступления: понятие, система и вопросы криминализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. В. Замалеева. – Екатеринбург, 2016. – 26 с.
5. Коробеев, А. И. Криминальные посягательства на жизнь и здоровье человека / А. И. Коробеев. – Москва : Юрлитниформ, 2020. – 438 с.
6. Коробеев, А. И. Ответственность медицинских работников: «казнить нельзя помиловать» / А. И. Коробеев, А. А. Ширшов // Актуальные вопросы обеспечения прав и свобод человека и гражданина (региональное измерение) : материалы междунар. науч.-практ. конф. – Владивосток, 2019. – С. 103–113.
7. Огнерубов, Н. А. Профессиональные преступления медицинских работников : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н. А. Огнерубов. – Москва, 2014. – 31 с.
8. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части защиты жизни и здоровья пациентов и медицинских работников : официальный отзыв Верховного Суда РФ на проект федерального закона. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/139437-7> (дата обращения: 07.07.2020).
9. Пикуров, Н. И. Риски медицинского вмешательства: уголовно-правовые аспекты // Уголовное право. – 2018. – № 3. – С. 86–92.
10. Об организации лицензирования отдельных видов деятельности», постановлением Правительства Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. № 957 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 48. – Ст. 6931.

11. О лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра «Сколково») : постановление Правительства РФ от 16 апреля 2012 № 291 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 17. – Ст. 1965.

12. Парог, А. И. Объект и система медицинского уголовного права / А. И. Парог, Т. Г. Понятовская // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13, № 5. – С. 816–824.

13. Сенокосова, Е. К. Профессиональная некомпетентность и недобросовестность при оказании медицинской помощи: криминологические и уголовно-правовые аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е. К. Сенокосова. – Омск, 2018. – 23 с.

References

1. Blinov A. G. *Pravovoi status patsienta i ego obespechenie regulativnym i okhranitel'nykh zakonodatel'stvom* [Legal status of the patient and its provision with regulatory and protective legislation]. St. Petersburg: Alef-Press Publ., 2013. 206 p.

2. Voronin V. N. *Sotsial'nye vyzovy v sfere meditsiny i ugolovnaya politika* [Social challenges in the field of medicine and criminal policy]. In: *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: Materialy XVII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Criminal law: development strategy in the XXI century. Materials of the XVII International Scientific and Practical Conference]. Moscow, 2020, pp. 194–197.

3. Dubovichenko S. V., Karlov V. P. *Ugolovnaya otvetstvennost' za vosprepyatstvovanie okazaniyu meditsinskoj pomoshchi: sotsial'naya obuslovlennost' i kriticheskii analiz zakonodatel'nykh novell* [Criminal liability for obstructing the provision of medical care: social conditioning and critical analysis of legislative novelties]. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishcheva*, 2019, vol. 2, no. 4, pp. 175–184.

4. Zamaleeva S. V. *Yatrogennye prestupleniya: ponyatie, sistema i voprosy kriminalizatsii* [Iatrogenic crimes: concept, system and issues of criminalization]. Cand. Dis. (Legal Sci.). Synopsis. Yekaterinburg, 2016. 26 p.

5. Korobeyev A. I. *Kriminal'nye posyagatel'stva na zhizn' i zdorov'e cheloveka* [Criminal attacks on human life and health]. Moscow: Yurlitniform Publ., 2020. 438 p.

6. Korobeyev A. I., Shirshov A. A. *Otvetstvennost' meditsinskikh rabotnikov: «kaznit' nel'zya pomilovat'»* [Responsibility of medical workers: «Edwardum occidere nolite timere bonum est»]. In: *Aktual'nye voprosy obespecheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina (regional'noe izmerenie): materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Topical issues of ensuring human and civil rights and freedoms (regional

dimension): materials of an international scientific and practical conference]. Vladivostok, 2019, pp. 103–113.

7. Ognerubov N. A. *Professional'nye prestupleniya meditsinskikh rabotnikov* [Professional crimes of medical workers]. Cand. Dis. (Legal Sci.). Synopsis. Moscow, 2014. 31 p.

8. *The official response of the Supreme Court of the Russian Federation to the draft federal law «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in terms of protecting the life and health of patients and medical workers»*. Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/139437-7> (accessed 07 July 2020). (In Russian).

9. Pikurov N. I. Riski meditsinskogo vmeshatel'stva: ugovolno-pravovye aspekty [Risks of medical intervention: criminal and legal aspects]. *Ugolovnoe pravo*, 2018, no. 3, pp. 86–92.

10. Resolution of the Government of the Russian Federation of November 21, 2011 No. 957 «On the organization of licensing of certain types of activities». Resolution of the Government of the Russian Federation. *Collected Legislation of the Russian Federation*, 2011, November 28, no. 48, art. 6931. (In Russian).

11. Decree of the Government of the Russian Federation dated 04.16.2012 No. 291 «On licensing medical activities (with the exception of the specified activities carried out by medical organizations and other organizations that are part of the private health care system, on the territory of the ‘Skolkovo’ innovation center)». *Collected Legislation of the Russian Federation*, 2012, April 23, no. 17, art. 1965. (In Russian).

12. Rarog A. I., Ponyatovskaya T. G. Ob'ekt i sistema meditsinskogo ugovolnogo prava [Object and system of medical criminal law]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal*, 2019, vol. 13, no. 5, pp. 816–824.

13. Senokosova E. K. *Professional'naya nekompetentnost' i nedobrosovestnost' pri okazanii meditsinskoi pomoshchi: kriminologicheskie i ugovolno-pravovye aspekty* [Professional incompetence and dishonesty in the provision of medical care: criminological and criminal-legal aspects]. Cand. Dis. (Legal Sci.). Synopsis. Omsk, 2018. 23 p.

УДК 351.82:332.122:627.1(571.63-25)
<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-4/118-127>

Н. Г. Присекина¹, Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток, Россия
E-mail: prisekina.ng@dvfu.ru

Т. А. Соколовская², Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток, Россия
E-mail: tanyaas1@inbox.ru

ОТДЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕЖИМА СВОБОДНОГО ПОРТА ВЛАДИВОСТОК И ТЕРРИТОРИЙ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТОРОВ

Аннотация. Статья посвящена вопросам исследования отдельных особенностей правового регулирования функционирования Свободного порта Владивосток и территорий опережающего социально-экономического развития путем создания благоприятных условий для иностранных инвесторов, вкладывающих свои или заемные средства в ведение предпринимательской деятельности в пределах данных особых зон. Авторы исследуют нормативную базу регулирования деятельности резидентов указанных территориальных зон, а также проводят анализ факторов, препятствующих повышению активности зарубежных инвесторов по осуществлению финансирования российской экономики и развитию Дальнего Востока. Так, в первую очередь проводится анализ истории нормативного регулирования вопроса привлечения иностранных инвестиций в российскую экономику. Первый законодательный акт в данной области в современной истории был принят ещё во время существования СССР. В дальнейшем нормативная база, касающаяся данного вопроса, продолжала расширяться и совершенствоваться. Исследование касается вопроса льготного порядка создания в пределах вышеуказанных зон объектов инфра-

¹ Присекина Наталья Геннадьевна, LL.M., кандидат юридических наук, профессор кафедры международного публичного и частного права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, партнер и руководитель Дальневосточного отделения юридической компании «Пепеляев Групп», г. Владивосток, Россия.

² Соколовская Татьяна Анатольевна, студентка Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Присекина Н. Г., Соколовская Т. А. Отдельные особенности правового режима свободного порта Владивосток и территорий опережающего социально-экономического развития для иностранных инвесторов // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2020. № 4. С. 118–127. DOI <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-4/118-127>.

структуры, предназначенных для обеспечения деятельности иностранных инвесторов. В частности, проводится анализ нормативного регулирования, устраняющего избыточное административное регулирование и ускоряющего процесс получения необходимых согласований. Кроме того, рассматривается вопрос преференций при предоставлении земельных участков резидентам, в том числе участков, относящихся к лесному фонду. В ходе исследования поднимается тема недостаточного регулирования порядка предоставления земельных участков, отнесённых к ведению Министерства обороны Российской Федерации. Далее исследуется тема обеспечения резидентов с иностранным участием рабочей силой. В этой связи анализируются порядок привлечения иностранной рабочей силы и соотношение данного льготного порядка с привлечением местных работников. Исследование включает также анализ нормативного регулирования материального обеспечения деятельности резидентов с иностранным участием, а именно – порядка таможенного регулирования поставок товаров и материалов из-за рубежа. Рассматривается вопрос предварительной подачи документов для таможенного оформления ввозимых резидентом материалов. Такой порядок упрощает и ускоряет дальнейшее использование ввезенных товаров. По результатам проведённого исследования делается вывод о том, насколько успешно действующее правовое регулирование в указанной сфере выполняет функцию по привлечению иностранного капитала.

Ключевые слова: иностранные инвестиции, Свободный порт Владивосток, территория опережающего социально-экономического развития, развитие Дальнего Востока, резидент, преференции, льготы, развитие инфраструктуры, предоставление земельных участков, снижение административного барьера, привлечение иностранных работников, рабочая сила, таможенное регулирование, земли лесного фонда, Приморский край, Дальний Восток, Российская Федерация.

Natalia G. Prisekina¹, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: prisekina.ng@dvfu.ru

Tatyana A. Sokolovskaya², Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: tanyaas1@inbox.ru

CERTAIN PECULIARITIES OF THE LEGAL REGIME OF THE FREE PORT OF VLADIVOSTOK AND ADVANCED SPECIAL ECONOMIC ZONES FOR FOREIGN INVESTORS

Abstract. The article is devoted to the study of certain peculiarities of legal regulation of the functioning of the Free Port of Vladivostok and advanced special economic zones by creating favorable conditions for foreign investors who invest their own or borrowed funds in running business within these special zones. The authors examine the legal framework for regulating the activities of residents of these territorial zones, and also analyze factors that impede the increase in the activity of foreign investors in financing the Russian economy and the development of the Far East. First of all, an analysis is made of the history of legal regulation of the issue of attracting foreign investment in the Russian economy. The first legislative act in this area in modern history was adopted during the existence of the USSR. In the future, the legal framework relating to this issue continued to expand and improve. The study addresses the issue of a preferential procedure for creating infrastructure facilities within the above-mentioned zones intended to support the activities of foreign investors. In particular, the analysis of legal regulation is carried out, eliminating excessive administrative regulation and accelerating the process of obtaining the necessary approvals. In addition, the issue of preference when providing land to residents, including plots related to the forest fund, is being considered. The study raises the topic of inadequate regulation of the procedure for the provision of land allocated to the Ministry of Defense of the Russian Federation. Further, the topic of providing residents with foreign participation with work force is investigated. In this regard, the procedure for acceptance of foreign work force and the correlation of this preferential procedure with the involvement of local workers is analyzed. The study also concerns the normative regulation of the material support of the activities of residents with foreign participation, namely, the procedure for customs regulation of deliveries of goods and materials from abroad. The issue of preliminary filing of documents for customs clearance of materials

¹ Natalia G. Prisekina, LL.M., Ph.D. in Law, Professor of International Public and Private Law, School of Law, Far Eastern Federal University, Partner and Head of the Far Eastern Office of a law firm “Pepeliaev Group”, Vladivostok, Russia.

² Tatyana A. Sokolovskaya, student, School of Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Prisekina N. G., Sokolovskaya T. A. Certain peculiarities of the legal regime of the Free Port of Vladivostok and advanced special economic zones for foreign investors // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2021. No. 4. P. 118–127. DOI <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-4/118-127>.

imported by a resident is being considered. Such an order simplifies and speeds up further use of imported goods. Based on the results of the study, a conclusion is drawn on how successful the current legal regulation in this area performs the function of attracting foreign capital.

Key words: foreign investment, Free Port of Vladivostok, advanced special economic zone (ASEZ), development of the Far East, resident, preferences, benefits, infrastructure development, provision of land, lowering administrative barriers, acceptance of foreign workers, work force, customs regulation, forest lands, Primorsky Krai, Far East, Russian Federation.

В условиях глобализации современного мира и тесного переплетения коммерческих связей множества предприятий из различных государств немаловажным аспектом правового регулирования становится регламентация правоотношений в сфере инвестирования иностранными резидентами. И Российская Федерация в данном случае не является исключением.

Ещё во время существования Советского Союза был принят Закон РСФСР от 04.07.1991 №1545-1 «Об иностранных инвестициях в РСФСР» [1]. В данном законе закреплялась норма о том, что иностранные инвестиции, иностранные вложения в советскую экономику пользуются такой же защитой, как и вложения, осуществляемые резидентами РСФСР. При этом правовой режим для иностранных инвестиций и иностранных инвесторов, осуществляющих вложения в российскую экономику, не может быть менее благоприятным, чем режим для имущества и инвестиционной деятельности юридических лиц и граждан РСФСР. Таким образом, государство давало гарантии сохранности иностранных инвестиций, что свидетельствовало о возможности долгосрочных вложений со стороны иностранных резидентов.

Однако уже в 1999 г. был принят новый закон в данной сфере, который действует и в настоящее время. Речь идёт о Федеральном законе от 09.07.1999 №160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» [2]. Данный правовой акт продолжил политику благоприятствования иностранным инвестициям, подтверждая равенство прав иностранных инвесторов и инвесторов-резидентов Российской Федерации.

Вместе с тем, несмотря на то, что принятие закона явилось одним из определяющих факторов интенсификации иностранных инвестиций в российскую экономику, в дальнейшем назрела необходимость создания нормативных предпосылок для повышения инвестиционной привлекательности страны и отдельных её регионов. И в данном случае российский законодатель постарался решить сразу две задачи. С одной стороны, создать для иностранных инвесторов дополнительные условия, способствующие повышению их интереса и принятию положительных

инвестиционных решений о развитии бизнеса в России. С другой стороны, направить эти дополнительные вливания в наиболее нуждающиеся регионы страны. В частности, на Дальний Восток России.

А каким образом это возможно сделать, каким образом интенсифицировать, ускорить развитие предпринимательства в определённых регионах страны? Путём создания специальных территорий с установлением льготного режима предпринимательства, в том числе и в первую очередь – для организаций с иностранным участием.

Именно в этой связи и появляются Федеральный закон от 29.12.2014 №473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» [3] (далее – Закон о ТОСЭР) и Федеральный закон от 13.07.2015 №212-ФЗ «О свободном порте Владивосток» [4] (далее – Закон о СПВ). Необходимо отметить, что Закон о ТОСЭР фактически регулирует создание отдельных территорий с благоприятствующим режимом в масштабах всей страны, в то время как действие Закона о СПВ направлено именно на развитие Приморского края и, как следствие, всего Дальневосточного региона Российской Федерации.

В первую очередь, создание зон с особыми условиями ведения предпринимательской деятельности призвано активизировать вложения в российскую экономику наиболее заинтересованных игроков азиатского региона – Китая, Японии и Республики Корея. В то же время, заинтересованность иностранных инвесторов в финансировании дальневосточной экономики России ограничивается неразвитостью инфраструктуры, недостаточной квалификацией рабочей силы и неопределённостью с поставками необходимого сырья и материалов [5].

Можно говорить о том, что все указанные недостатки, препятствующие иностранным инвестициям, вызваны, в первую очередь, территориальной отдалённостью региона от основных транспортных путей и логистических цепочек, от производителей, поставщиков и рынков сбыта. Именно поэтому предпринимаемые государством меры направлены на нивелирование и минимизацию данных недостатков.

Что касается развития инфраструктуры и размещения её новых объектов, то этот вопрос решается в рамках Закона о ТОСЭР. При этом положения закона направлены на исключение возможности затягивания решения таких вопросов, в том числе путём ускоренного проведения предварительных этапов работ по возведению инфраструктуры. Например, проведение подготовительных работ для дальнейшего строительства объектов инфраструктуры возможно уже на стадии предоставления на экспертизу проектной документации (пункт 6 статьи 26 Закона о ТОСЭР).

Кроме того, для решения поставленной цели Законом о ТОСЭР устанавливаются конкретные сроки проведения тех или иных административных процедур. В частности, срок проведения государственной экологической экспертизы проектной документации объектов инфраструктуры ограничен сорока пятью днями (пункт 2 статьи 27 Закона о ТОСЭР).

Отдельно законом регламентируются вопросы, касающиеся предоставления земельных участков для размещения объектов инфраструктуры. При этом статьёй 31 Закона о ТОСЭР установлена возможность размещения объектов инфраструктуры на землях лесного фонда. Для этого разрешаются, в том числе, выборочные и сплошные рубки леса.

Не вдаваясь в возможность злоупотребления данной нормой со стороны недобросовестных резидентов территории опережающего развития, хотелось бы отметить один момент, не учтённый в Законе о ТОСЭР. Так, Постановлением Правительства РФ от 25.06.2015 №629 «О создании территории опережающего социально-экономического развития «Наеждинская» [6] на территории муниципальных образований Наеждинский муниципальный район и Владивостокский городской округ создана ТОСЭР «Наеждинская».

При этом с 1952 г. по 1992 г. (в период существования СССР) г. Владивосток был закрытой территорией, а земля как в самом городе, так и в непосредственной близости от него находилась фактически в ведении Министерства обороны СССР. Значительная часть земельных участков, входящих в ТОСЭР «Наеждинская», по-прежнему находится под контролем Министерства обороны РФ.

В результате складывается ситуация, при которой, с одной стороны, предоставляется льготный режим для создания и деятельности компаний, в том числе и с иностранным участием. Но, с другой стороны, сохранение статуса земель обороны и отсутствие регулирования данного вопроса в Законе о ТОСЭР приводит к тому, что предоставление земельных участков и их дальнейшее освоение резидентами ТОСЭР становится затруднительным. При этом изменение категории земель может занять значительное время.

Отдельно необходимо отметить, что Законом о СПВ подробно регулируется вопрос о предоставлении земельных участков резидентам данной территории. В частности, статьёй 28 Закона о СПВ оговариваются конкретные максимальные сроки, например, получения градостроительного плана земельного участка, в предоставлении которого заинтересован резидент, а также сроки проведения общественных слушаний, сроки предоставления различных разрешений, в том числе на строительство и на ввод объектов в эксплуатацию. Таким способом на законодательном уровне пытаются устранить административный барьер, зачастую являющийся губительным для реализации перспективных инвестиционных проектов.

Что касается вопроса, связанного с рабочей силой для иностранных резидентов ТОСЭР, то в данном случае законодатель решил его достаточно просто. При дефиците местных квалифицированных сотрудников резидент ТОСЭР имеет преференции по привлечению на льготных условиях на работу иностранных граждан. Для этого в Трудовой кодекс РФ [7] была введена статья 351.5. Несмотря на то, что в данной норме закрепляется приоритет трудоустройства граждан РФ при прочих

равных условиях с иностранными работниками, предоставленные льготы, касающиеся случаев найма иностранных работников, позволяют усомниться в реализации данного приоритета.

В частности, резиденту ТОСЭР не требуется получение разрешений на привлечение и использование иностранных работников. В свою очередь, разрешение на работу такому иностранному гражданину, привлекаемому резидентом ТОСЭР, выдается без учёта действующих квот.

Таким образом, иностранному резиденту в такой ситуации выгоднее и проще привлечь иностранного сотрудника, уже обладающего необходимой квалификацией, чем нанимать и, скорее всего, обучать местного работника. При этом немаловажным аспектом при выборе в пользу иностранного работника является языковой барьер, существующий между иностранными работодателями и местными работниками.

Далее, касаясь вопросов поставки материалов и сырья для обеспечения деятельности иностранных резидентов СПВ и ТОСЭР, следует отметить, что решение тут также не в пользу местных, отечественных производителей и поставщиков. При исследовании данного аспекта необходимо обратиться к содержанию Закона о СПВ.

Так, в главе 4 указанного закона достаточно подробно описана процедура таможенного оформления товаров, ввозимых на территорию СПВ и используемых резидентами в своей деятельности. Стоит отметить не только акцент на использование процедуры «единого окна», подразумевающей максимальное сокращение времени на проведение всех необходимых административных процедур.

Возможно также предоставление не менее чем за два часа до прибытия груза на таможенную территорию предварительной информации о таком грузе. Под предварительным информированием понимается представление в таможенный орган информации о товарах и транспортных средствах, необходимой для осуществления таможенного, транспортного, санитарно-карантинного, ветеринарного и карантинного фитосанитарного контроля (надзора). Все эти меры направлены на создание режима максимально быстрого, эффективного и комфортного ввоза резидентами товаров для дальнейшего осуществления своей деятельности.

Как видно из вышеизложенного, и Закон о ТОСЭР, и Закон о СПВ призваны создать максимально комфортные условия для осуществления инвестирования, в том числе иностранного. Однако примеры, приведённые в данном исследовании, показывают, что имеются ещё аспекты, требующие дополнительного регулирования, как например, передача прав на земельные участки от Министерства обороны РФ для дальнейшего предоставления резидентам.

Вместе с тем, предпринимаемые государством усилия не приносят тех результатов по привлечению иностранных инвестиций, которые ожидалось и планировались при введении данных особенных правил регулирования предпринимательской дея-

тельности на территории создаваемых особых зон. С одной стороны, иностранные инвестиции на Дальний Восток составляют более четверти всех иностранных инвестиций в российскую экономику. Однако по состоянию на 2019 г. были озвучены следующие цифры: с 2013 г. на Дальний Восток удалось привлечь более 600 млрд руб. частных инвестиций, из которых **80%** (выделено автором) – российские [8].

Таким образом, данные показатели свидетельствуют о том, что первоочередная цель создания ТОСЭР и территории СПВ по привлечению иностранных инвестиций по-прежнему не достигнута. Зарубежные инвесторы не стремятся вкладываться в российскую экономику. Вместо них особенностями и льготами таких специальных территориальных образований пользуются российские предприниматели. В первую очередь, это связано с возможностью получения налоговых льгот, а также упрощённым оформлением прав на земельные участки.

С учётом изложенных факторов стоит признать, что простого нормативного регулирования данной области недостаточно. Необходимо показать потенциальным зарубежным инвесторам готовность российского государства также финансово участвовать в развитии дальневосточного региона.

Полагаем, что для более активного привлечения иностранных инвестиций вполне может потребоваться предварительное деятельное участие федерального центра и местных органов власти, которые самостоятельно и заблаговременно должны создать минимум необходимых условий для развития предпринимательства, а именно – привлекать инвесторов для реализации проектов при наличии уже готовой для этого инфраструктуры, достаточного количества квалифицированных сотрудников, обладающих компетенциями решать поставленные задачи по реализации проектов с иностранным участием, а также при наличии логистических и транспортных возможностей по снабжению территорий СПВ и ТОСЭР необходимыми материалами и сырьём.

Список литературы

1. Об иностранных инвестициях в РСФСР: закон РСФСР от 04 июля 1991 г. №1545-1 (в ред. от 10.02.1999) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1991. – 18 июля, № 29. – Ст. 1008 (утратил силу).

2. Об иностранных инвестициях в Российской Федерации : Федеральный закон от 09.07.1999 № 160-ФЗ (в ред. от 31.05.2018) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – 12 июля, № 28. – Ст. 3493.

3. О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ (в ред. от 26.07.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – 5 января, № 1 (часть I). – Ст. 26.

4. О свободном порте Владивосток : федеральный закон от 13.07.2015 № 212-ФЗ (в ред. от 26.07.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – 20 июля, № 29 (часть I). – Ст. 4338.

5. Левченко, Т. А. Свободный порт Владивосток как фактор привлечения прямых иностранных инвестиций в экономику Дальнего Востока России / Т. А. Левченко, В. В. Хаблак // Общество: политика, экономика, право. – 2016. – № 10. – С. 49–52.

6. О создании территории опережающего социально-экономического развития «Надеждинская» : постановление Правительства Российской Федерации от 25.06.2015 № 629 (в ред. от 15.05.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – 6 июня, № 27. – Ст. 4065.

7. Трудовой кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 30 декабря 2001 № 197-ФЗ (в ред. от 16.12.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – 7 января, № 1 (часть I). – Ст. 3.

8. TOP подтянули инвесторов // Коммерсантъ. Приложение. – 2019. – 24 сентября, № 173. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4096470> (дата обращения: 29.03.2020).

References

1. On Foreign Investments in the RSFSR: The Law of the RSFSR dated 04.07.1991 No. 1545-1 (as amended on 10.02.1999). *Records of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation*, 1991, July 18, no. 29. Article 1008 (has lost force). (In Russian).

2. On Foreign Investments in the Russian Federation: Federal Law dated July 9, 1999 No. 160-FZ (as amended on May 31, 2018). *Collection of Legislative Acts of the Russian Federation*, 1999, July 12, no. 28, art. 3493.

3. On Priority Development Areas (PDA) in the Russian Federation: Federal Law of December 29, 2014 No. 473-FZ (as amended on July 26, 2019). *Collection of Legislative Acts of the Russian Federation*, 2015, January 5, no. 1 (part I), art. 26.

4. On the Free Port of Vladivostok: Federal Law of July 13, 2015 No. 212-FZ (as amended on July 26, 2019). *Collection of Legislative Acts of the Russian Federation*, 2015, July 20, no. 29 (part I), art. 4338.

5. Levchenko T. A., Khablak V. V. Svobodnyi port Vladivostok kak faktor privlecheniya pryamykh inostrannykh investitsii v ekonomiku Dal'nego Vostoka Rossii [The Free Port of Vladivostok as a Factor of Foreign Direct Investments Attraction into the Economy of the Russian Far East]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*, 2016, no. 10, pp. 49–52.

6. On the creation of the territory of advanced social and economic development «Nadezhdinskaya»: Decree of the Government of the Russian Federation of June 25,

2015 No. 629 (as amended on May 15, 2019). *Collection of Legislative Acts of the Russian Federation*. 2015, July 6, no. 27, art. 4065.

7. Labor Code of the Russian Federation: Federal Law of December 30, 2001 No. 197-FZ (as amended on December 16, 2019). *Collection of Legislative Acts of the Russian Federation*, 2002, January 7, no. 1 (part I), art. 3.

8. Advanced Special Economic Zones pulled investors. *Kommersant*, 2019, September 24, Appendix no. 173. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4096470> (accessed 29 March 2020). (In Russian).

УДК 341.411.6

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-4/128-137>**Н. А. Князева¹**

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: knyazeva.na@dvfu.ru

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ СУД ПО ДЕЛАМ О МОРСКОМ ПИРАТСТВЕ:
ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ**

Аннотация. В представленной работе анализируются вопросы создания и функционирования специализированного международного суда для уголовного преследования морского пиратства. Отмечается, что морское пиратство всё ещё представляет серьёзную опасность для морского судоходства. Несмотря на небольшой уровень снижения пиратских нападений, эффективное противодействие пиратским атакам сопряжено с целым комплексом проблем. Одной из причин недостаточности мер по борьбе с пиратством является отсутствие механизма уголовного преследования лиц, совершивших пиратские нападения. Авторами установлено, что существующие меры направлены лишь на преследование и задержание лиц, подозреваемых в совершении пиратства, либо на пресечение пиратских атак путем патрулирования, а также конвоирования морских судов силами военных кораблей. Однако остаётся нерешенной проблема отправления правосудия над захваченными пиратами. В работе анализируется весь комплекс проблем судебного преследования пиратов, которые подразделяются на следующие виды: 1) правовые – уголовное правосудие осуществляется лишь на национальном уровне; 2) процессуальные – трудности в сборе и оформлении доказательств, сложности в установлении личности задержанных, поиске переводчика, а также в предоставлении правовой помощи задержанным лицам; 3) организационно-финансовые – у большинства государств отсутствуют необходимые помещения для содержания задержанных лиц, наблюдается нехватка средств для осуществления правосудия над пиратами. Сделан вывод о том, что наличие у государств двусторонних соглашений по сотрудничеству в осуществлении правосудия над пиратами не является гарантией выполнения всех обязательств сторонами. Обосновывается идея создания специализиро-

¹ Наталья Анатольевна Князева, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Князева Н. А. Международный суд по делам о морском пиратстве: проблемы создания и функционирования // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2020. № 4. С. 128–137. DOI <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-4/128-137>.

ванного международного суда на территории какого-либо государства, который будет заниматься делами лиц, подозреваемых в пиратстве.

Ключевые слова: пиратство, преступление, морская безопасность, противодействие, проблемы судебного преследования, уголовная ответственность, специализированный суд, национальное законодательство, международное право.

Natalya A. Knyazeva¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: knyazeva.na@dvfu.ru

INTERNATIONAL COURT OF MARITIME PIRACY CASES: PROBLEMS OF ESTABLISHMENT AND FUNCTIONING

Abstract. The presented work analyzes the issues of creating and functioning of a specialized international court for the criminal prosecution of maritime piracy. It is noted that maritime piracy still poses a serious threat to maritime shipping. In spite of a small decrease in pirate attacks, effective countering of pirate attacks is fraught with the whole range of problems. One of the reasons for the inadequacy of measures to combat piracy is the lack of a mechanism for criminal prosecution of persons who have committed pirate attacks. The authors found that the existing measures are aimed only at pursuing and arresting the persons suspected of committing piracy, or at suppressing pirate attacks by patrolling, as well as escorting sea vessels by military ships. However, the problem of administering justice over the captured pirates remains unresolved. The work analyzes the whole complex of problems in the prosecution of pirates, which is divided into the following types: 1) legal – criminal justice is carried out only at the national level; 2) procedural – difficulties in collecting and processing evidence, difficulties in identifying detainees, finding an interpreter, as well as providing legal assistance to detainees; 3) organizational and financial – most states do not have the necessary premises to keep these persons in custody, lack of funds to administer justice over pirates. It is concluded that the presence of bilateral agreements between governments on cooperation in the administration of justice over pirates is not a guarantor of the fulfillment of all obligations by the participants. The idea of creating a specialized international court on the territory of any state, which will deal with the cases of persons suspected of piracy, is substantiated.

¹ Natalya A. Knyazeva, PhD, Associate Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Knyazeva N. A. International court of maritime piracy cases: problems of establishment and functioning // Pacific RIM: Economics, Politics, Law. 2020. No. 4. P. 128–137. DOI <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-4/128-137>.

Keywords: piracy, crime, maritime security, counteraction, problems of prosecution, criminal liability, specialized court, national law, international law.

На современном этапе развития мирового сообщества морское пиратство представляет серьёзную опасность для морского судоходства. Данное преступление приводит к гибели людей, причинению вреда здоровью, захвату заложников, огромным убыткам, которые несут торговые и судовладельческие компании. Пиратские нападения могут подрывать работу по доставке гуманитарной помощи в бедствующие районы, нарушать работу международных дипломатических миссий и осложнять международные отношения между странами.

Об этом свидетельствуют и данные статистики. Например, по данным Международного морского бюро (International Maritime Bureau/ IMB) в 2013 г. было зафиксировано 264 нападений пиратов, в 2014 г. – 245. В конце 2015 г. произошел спад активности пиратов, в ноябре было отмечено уменьшение общего количества пиратских нападений на 53% [1]. При этом число похищенных моряков в 2016 г. превысило максимум за последние 10 лет, несмотря на то, что количество пиратских нападений достигло самого низкого уровня с 1998 г. В течение 2016 г. был зарегистрирован 191 случай пиратских нападений и вооруженных ограблений судов, что значительно меньше по сравнению с 2015 г. (всего 246 случаев) [2].

В 2017 г. было зафиксировано 180 пиратских нападений и вооружённых ограблений морских судов. В 2019 г. – 119 случаев нападения пиратов. Самым пиратоопасным регионом остаётся Гвинейский залив – только в 2020 г. в ходе трёх нападений пираты захватили там 17 моряков. Всего в Гвинейском заливе произошло 21 нападение на суда [4].

Современное пиратство – это деятельность преступных организаций, которая становится всё более масштабной и насильственной. Она включает в себя нападения на торговые, рыболовные, вспомогательные и прочие суда в целях ограбления членов экипажа, захвата грузов, похищения судов с грузами для их последующей продажи, а членов экипажей судов – для получения выкупа [5, с. 55–58]. При этом пиратские нападения охватывают довольно большую территорию – от вод Карибского бассейна до Южно-Китайского моря и прибрежных пространств Индостана. Таким образом проблема противодействия пиратству как преступлению, совершаемому на море, является глобальной в географическом плане.

Различные меры по борьбе с пиратством принимаются как заинтересованными государствами, так и в рамках международных организаций, в том числе ООН, Международной морской организации (ИМО), Евросоюза, НАТО, Лиги арабских государств. Этой проблемой занимается и Совет Безопасности ООН, что говорит о

её серьёзности. В 2008–2020 гг. Совбез ООН принял несколько резолюций по проблеме пиратства и морского терроризма в районе Сомали. В данном районе уже долгое время осуществляется патрулирование и конвоирование морских судов силами военных кораблей из 16 стран мира. Данные меры хоть и являются довольно затратными и юридически сложными, однако нельзя оспаривать эффективность использования групп боевых кораблей, обеспечивающих безопасность коммерческих и гражданских судов.

Но одними лишь военными мерами решить проблему пресечения пиратства невозможно. Тенденция распространения пиратства заключается в том, что пока в одних пиратоопасных районах применяются военно-морские силы для ликвидации пиратов, например, у берегов Сомали и в районе Аденского залива, пираты меняют места своей преступной деятельности на другие, такие как Южно-Китайское море и прибрежные районы Индийского океана [6, с. 104–111]. Как показывает статистика пиратских нападений, за последние три года количество атак пиратов сократилось в одних районах их действия, но значительно возросло в других.

Пиратство относится к преступлениям, преследование которых регулируется как законодательством отдельных государств, так и международным правом.

Легальное определение понятия пиратства впервые было дано в Конвенции об открытом море 1958 г. и затем воспроизведено в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.

Согласно ст. 15 Конвенции 1958 г. [7] и ст. 101 Конвенции 1982 г. [8] пиратскими признаются следующие действия:

а) любой неправомерный акт насилия, задержания или грабежа, совершённый с личными целями экипажем или пассажирами какого-либо частновладельческого судна или частновладельческого летательного аппарата и направленный:

- в открытом море против какого-либо другого судна или летательного аппарата или против лиц или имущества, находящихся на их борту;
- против какого-либо судна или летательного аппарата, лиц или имущества в месте, находящемся за пределами юрисдикции какого бы то ни было государства;

б) любой акт добровольного участия в использовании какого-либо судна или летательного аппарата, если тот, кто этот акт совершает, знает обстоятельства, в силу которых это судно или летательный аппарат являются пиратским судном или пиратским летательным аппаратом;

в) любое действие, являющееся подстрекательством или сознательным содействием совершению действия, предусмотренного в пунктах «а» или «б».

На основании указанных Конвенций к пиратству приравниваются аналогичные действия, совершаемые военным судном или государственным судном или государственным летательным аппаратом, экипаж которого поднял мятеж и захватил власть над этим судном или летательным аппаратом.

Однако уголовное преследование пиратских нападений осуществляется, как правило, только на национальном уровне. В частности, российское уголовное законодательство содержит норму, позволяющую привлекать пиратов к уголовной ответственности.

Статья 227 Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривает уголовную ответственность за пиратство. Субъектом этого преступления может быть как гражданин России, так и иностранный гражданин или лицо без гражданства. Вместе с тем, существует проблема практической возможности осуществления уголовного преследования в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, которые совершили пиратские действия, не направленные против интересов Российской Федерации либо гражданина Российской Федерации или постоянно проживающего в Российской Федерации лица без гражданства.

Передавать захваченных пиратов под действия существующих международных уголовных трибуналов нельзя, так как рассмотрение подобных дел не входит в компетенцию указанных судов. В результате у государства, которое осуществило задержание судна, подозреваемого в пиратстве, возникает несколько вариантов развития их дальнейших действий: передать пиратов властям Сомали, преследовать их на своей территории или искать возможности для передачи задержанных другим государствам [9, с. 111–121].

На практике также складываются ситуации, когда государства просто не желают взваливать на себя вопросы уголовного преследования пиратов. Обусловлено это рядом причин. Во-первых, пиратство относится к преступлениям, которые совершаются в районе открытого моря, где применяется юрисдикция прибрежных государств.

Во-вторых, пиратов захватывают, как правило, военные корабли государств, находящихся на дальнем расстоянии от берега прибрежного государства. Командование таких кораблей сталкивается с многочисленными трудностями в сборе и оформлении доказательств, установлении личности задержанных, содержании этих лиц под стражей, соблюдении всех процессуальных особенностей. Нередко возникают ситуации, когда задержанных пиратов негде содержать на время осуществления процессуальных действий.

В-третьих, существуют и финансовые трудности при организации уголовного преследования подозреваемых в пиратстве, а также при осуществлении правосудия уже в отношении обвиняемых в пиратстве лиц [10, стр. 23]. В результате многие государства не берут на себя обязательства по привлечению пиратов к уголовной ответственности на своей территории, даже если это и позволяет их законодательство. Чаще всего они передают пиратов государствам прибрежной зоны, которые имеют соответствующие правовые возможности для суда над ними.

Ряд государств решают обозначенные проблемы с помощью заключения двусторонних соглашений о порядке действий в случае обнаружения и захвата пират-

ского судна. Например, подобное соглашение существует между США и Кенией. Согласно заключённому в марте 2009 г. между Евросоюзом и Кенией соглашению судебные разбирательства, в которых фигурируют задержанные сомалийские пираты, могут проводиться в Кении. При этом необходимо отметить, что на сегодняшний день только в Кении существует специализированный суд по пиратам.

Вместе с тем приходится констатировать, что даже в государствах, имеющих подобные соглашения, борьба с пиратством не отличается высокой эффективностью. Существует проблема, что даже при наличии соответствующего соглашения между государствами нет гарантии, что его положения будут соблюдаться обеими сторонами. В качестве иллюстрации можно привести следующий случай – датские военные отпустили на свободу 13 лиц, задержанных по подозрению в пиратстве, по причине того, что ни сомалийские власти, ни Кения, с которой был заключён соответствующий договор, не приняли на своей территории указанных лиц для проведения судебного разбирательства по причине отсутствия возможности разместить задержанных [8, с. 4].

Следует отметить, что над пиратами в основном осуществляется правосудие в национальных судах. Причём не только в соседних с Сомали странах, но и за пределами региона. Примером может служить США, где в своё время прошли судебные процессы над пиратами. Также в качестве примера можно привести Японию, власти которой создали судебный прецедент по рассмотрению дел, где были осуждены 14 индонезийских пиратов за нападение и похищение японского сухогруза «Alondra Rainbow». Подобные процессы проходили и в Европе, в том числе и в России.

К сожалению, такого рода судебные разбирательства не могут полностью решить проблему морского пиратства или хотя бы снизить уровень совершения пиратских атак. Поскольку законодательство многих государств не предусматривает возможности привлечения к уголовной ответственности иностранных граждан и лиц без гражданства за пиратские преступления, совершённые вне пределов этих государств, то возникает вопрос об осуществлении уголовного преследования с использованием механизмов международного правосудия.

Одним из вариантов создания механизма международного правосудия в отношении пиратов могло бы стать учреждение международного трибунала для преследования лиц, совершивших пиратские действия [11, с. 15]. Аналогом такого трибунала могут служить международные трибуналы, созданные в 1993 и 1994 гг. по Югославии и Руанде.

Другим вариантом решения проблемы могло бы стать создание регионального трибунала с поддержкой ООН (по примеру трибуналов по Сьерра-Леоне и Камбодже) и с местопребыванием в Кении или другом прибрежном государстве этого региона.

Многие страны, в том числе и Россия, выступили с инициативой создания либо международного, либо специализированного национального суда по пиратам.

Необходимость создания такого суда продиктована непрекращающимися пиратскими нападениями (несмотря на определённый уровень снижения пиратских атак в последние годы).

Поскольку международным правом закреплена обязанность государств сотрудничать в пресечении пиратства, а также предусмотрено право любого государства захватить пиратское судно, арестовать находящихся на этом судне лиц и имущество, то, естественно, необходим и специальный международный механизм отправления правосудия над лицами, подозреваемыми в пиратстве. Вопрос лишь в том, как должен выглядеть этот механизм.

По нашему мнению, вариант создания международного трибунала не является приемлемым. Во-первых, Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. говорит только о «судебных учреждениях того государства, которое совершило захват пиратского судна». Речь в данном случае идёт о национальных органах правосудия, а не о международных.

Во-вторых, как правильно замечает А. Н. Вылегжанин, «не все созданные в последние годы международные судебные учреждения снискали себе авторитет и позитивную оценку в глазах международного сообщества. Стоит напомнить хотя бы о спорной беспристрастности трибунала по бывшей Югославии» [12].

На наш взгляд, самое оптимальное – это создание либо национальных судов для рассмотрения дел пиратов, либо учреждение специализированного международного суда на территории какого-либо государства или нескольких государств. С идеей учреждения специального суда, который будет заниматься делами подозреваемых в пиратстве, в случае, если они будут захвачены в Сомали, выступает и ООН. Работа по созданию международной судебной инстанции для уголовного преследования пиратов началась в рамках принятия резолюции СБ ООН по дополнительным мерам борьбы с морским разбоем у берегов Сомали в 2010 г. [13]. Суд будет находиться на Сейшельских Островах. Инициативу создания специализированного суда по пиратам поддерживают многие страны, в том числе и Россия.

Специализированные уголовные суды по рассмотрению дел о пиратстве должны были заработать ещё в 2011 г. Однако до сих пор ни один из вариантов судебного механизма так и не был воплощён в жизнь. Совбез ООН ещё 11 апреля 2011 г. принял инициированную Россией и Францией резолюцию 1976 (2011) [14], которая предусматривает комплекс мер по стабилизации политической, социальной и экономической ситуации в Сомали. Данная резолюция предусматривает срочное рассмотрение вопроса о создании специализированных антипиратских национальных судов в Сомали и специализированного экстерриториального сомалийского суда на территории третьего государства. К сожалению, даже к 2020 г. ситуация не изменилась и никакого специального механизма, направленного на осуществление правосудия над пиратами, так и не создано.

Существующая практика противодействия пиратству на море, направленная на их поимку, но не завершающаяся осуществлением правосудия над ними, обречена на неэффективность. Между тем, очевидно, что достичь желаемого уровня эффективности борьбы с морским пиратством можно только путём создания отдельного международного специализированного суда для рассмотрения уголовных дел по морскому пиратству и обеспечения надлежащих условий для его продуктивной работы.

Список литературы

1. Данные по количеству пиратских нападений за 2013–2015 гг. // Независимый информационный портал mortrans.info. – URL: <http://mortrans.info/analytcs/v-2015-godu-kolichestvo-piratskih-napadenij-uvlichilos-na-7-gecaap/> (дата обращения: 02.11.2020).

2. Данные по количеству пиратских нападений за 2016 г. // Российский профессиональный союз моряков. – URL: <http://sur.ru/news/5138> (дата обращения: 10.11.2020).

3. Данные по количеству пиратских нападений за 2017–2018 гг. // Сетевое издание «РИА Новости». – URL: <https://ria.ru/20190116/1549452391.html> (дата обращения: 09.11.2020).

4. Данные по количеству пиратских нападений за 2019–2020 гг. // Информационно-аналитическое агентство «Sea News». – URL: <https://seanews.ru/2020/04/21/ru-chislo-piratskih-napadenij-vyroslo/> (дата обращения: 16.11.2020).

5. Ещенко, Я. Способы противодействия морскому пиратству / Я. Ещенко, А. Новиков // Морской сборник. – 2014. – № 1. – С. 55–58.

6. Анализ причин, последствий и тенденций захвата танкерных судов на современном этапе / Д. А. Поляков, С. А. Подпорин, Л. В. Аркин, В. В. Михайлов // Актуальные вопросы проектирования, постройки и эксплуатации морских судов и сооружений : сб. материалов трудов региональной научно-практической конференции. – Севастополь, 2020. – С. 104–111.

7. Об открытом море : Женевская Конвенция от 29 апреля 1958 г. // СПС КонсультантПлюс. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=15307#002749865390586481> (дата обращения: 02.11.2020).

8. : Конвенция ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 г. // СПС КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121270/cde09a2cd0c411568920b76ce394a82dfaae5045/ (дата обращения: 02.11.2020).

9. Русинова, В. Н. Трибунал для сомалийских пиратов? Проблемы и перспективы уголовного преследования пиратства и вооружённого разбоя на море // Международное правосудие. – 2011. – № 1. – С. 111–121.

10. Шестаков, Е. ООН послало флибустьерам сигнал. В мире всё больше стран, понимающих недостаточность нынешних мер по борьбе с пиратами // Российская газета. – 2010. – № 5274 (195). – С. 23.

11. Ямшанов, Б. Генпрокуратура поддерживает идею создать международный уголовный трибунал для морских пиратов // Российская газета. – 2009. – № 4908 (84). – С. 15.

12. Николаев, Я. Вешать пиратов нельзя. – URL: <http://www.pravo.ru/review/face/view/44198/> (дата обращения: 02.11.2020).

13. Резолюция Совета Безопасности ООН 1918 (2010), принятая на 6301-м заседании 27 апреля 2010 года. – URL: <http://www.un.org/russian/document/sresol/res2008/index.html> (дата обращения: 02.11.2020)

14. Резолюция Совета Безопасности ООН 1976 (2011), принятая на 6512-м заседании 11 апреля 2011 года. – URL: <http://www.un.org/russian/document/sresol/res2011/index.html> (дата обращения: 31.08.2020).

References

1. Data on the number of pirate attacks for 2013–2015. *Independent information portal mortrans.info*. Available at: <http://mortrans.info/analytics/v-2015-godu-kolichestvo-piratskih-napadenij-velichilos-na-7-recaap/> (accessed 02 November 2020). (In Russian).

2. Data on the number of pirate attacks in 2016. *Russian trade union of sailors*. Available at: <http://sur.ru/news/5138> (accessed 10 November 2020). (In Russian).

3. Data on the number of pirate attacks for 2017–2018. *Network edition «RIA Novosti»*. Available at: <https://ria.ru/20190116/1549452391.html> (accessed 09 November 2020). (In Russian).

4. Data on the number of pirate attacks for 2019–2020. *Information and analytical agency «Sea News»*. Available at: <https://seanews.ru/2020/04/21/ru-chislo-piratskih-napadenij-vyroslo/> (accessed 16 November 2020). (In Russian).

5. Eshchenko Ya., Novikov A. Methods of counteracting sea piracy. *Morskoj sbornik*, 2014, no. 1, pp. 55–58.

6. Polyakov D.A., Podporin S.A., Arkin L.V., Mikhailov V.V. Analiz prichin, posledstviy i tendentsii zakhvata tankernykh sudov na sovremennom etape [Analysis of the causes, consequences and trends of seizure of tanker ships at the present stage]. In: *Aktual'nye voprosy proektirovaniya, postroiki i ekspluatatsii morskikh sudov i sooruzhenii: sbornik materialov trudov regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Actual problems of design, construction and operation of sea vessels and structures: materials of the proceedings of the regional scientific and practical conference]. Sevastopol, 2020, pp. 104–111.

7. *On the high seas: Geneva Convention of April 29, 1958*. Available at: Reference Legal System ConsultantPlus (accessed 02 November 2020). (In Russian).

8. *On the Law of the Sea of December 10, 1982: UN Convention*. Available at: Reference Legal System ConsultantPlus (accessed 02 November 2020). (In Russian).

9. Rusinova V.N. Tribunal dlya somaliiskikh piratov? Problemy i perspektivy ugovnogo presledovaniya piratstva i vooruzhennogo razboya na more [A tribunal for Somali pirates? Problems and prospects of criminal prosecution of piracy and armed robbery at sea]. *Mezhdunarodnoe pravosudie*, 2011, no. 1, pp. 111–121.

10. Shestakov E. OON poslalo flibust'eram signal. V mire vse bol'she stran, ponimayushchikh nedostatochnost' nyneshnikh mer po bor'be s piratami [UN sent a signal to filibusters. There are more and more countries in the world that understand the insufficiency of the current measures to combat pirates]. *Rossiyskaya Gazeta*, 2010, no. 5274 (195), pp. 23.

11. Yamshanov B. Genprokuratura podderzhivaet ideyu sozdat' mezhdunarodnyi ugovnyi tribunal dlya morskikh piratov [Prosecutor General's Office supports the idea of creating an international criminal tribunal for sea pirates]. *Rossiyskaya Gazeta*, 2009, no. 4908 (84), pp. 15.

12. Nikolaev Y. *Veshat' piratov nel'zya* [It is impossible to hang pirates]. Available at: <http://www.pravo.ru/review/face/view/44198/> (accessed 02 November 2020).

13. *UN Security Council Resolution 1918 (2010), adopted at the 6301st meeting on April 27, 2010*. Available at: <http://www.un.org/russian/documen/scresol/res2008/index.html> (accessed 02 November 2020). (In Russian).

14. *Resolution of the UN Security Council 1976 (2011), adopted at the 6512th meeting on April 11, 2011*. Available at: <http://www.un.org/russian/documen/scresol/res2011/index.html> (accessed 31 August 2020). (In Russian).

УДК 343.373(519.5)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-4/138-151>

Т. Б. Басова¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: basova.tb@dvfu.ru

А. П. Гудков²

Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Магаданской области, г. Магадан, Россия

E-mail: an_gudkov@rambler.ru

ПРЕСТУПНОЕ МОШЕННИЧЕСТВО В СФЕРЕ ПУБЛИЧНЫХ ЗАКУПОК: ЗАКОНОТВОРЧЕСКИЙ ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

Аннотация. Сфера закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд в России страдает от широко распространяющихся мошеннических действий. Несмотря на то, что в отдельных странах Азиатско-Тихоокеанского региона накоплен богатый опыт законодательного противодействия преступному мошенничеству в сфере публичных закупок, в нашей стране он пока изучен недостаточно. В статье исследуется законотворческий опыт Республики Корея в противодействии преступным проявлениям мошенничества в сфере публичных закупок. Проведён юридический анализ норм отдельных законодательных актов Республики Корея, в которых представлена ответственность за преступные деяния в сфере публичных закупок. Особое внимание уделено преступлению, предусмотренному статьёй 315 Уголовного кодекса Республики Корея «Воспрепятствование проведению аукциона или торгов». Представлены позиции судебных органов Республики Корея в оценке отдельных признаков этого опасного преступления. Выявлена специфика законодательной регламентации ответственности за преступные деяния в сфере публичных закупок. В завершении анализа законотворческого опыта Республики Корея по противодействию мошенничеству при осуществлении закупочной деятельности государственными или

¹ Татьяна Борисовна Басова, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

² Антон Павлович Гудков, следователь по особо важным делам следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Магаданской области, г. Магадан, Россия.

Для цитирования: Басова Т. Б., Гудков А. П. Преступное мошенничество в сфере публичных закупок: законотворческий опыт Республики Корея // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2020. № 4. С. 138–151. DOI <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-4/138-151>.

муниципальными органами отмечено, что законодательство по борьбе с обозначенными преступными проявлениями развивается в этой стране «в ногу со временем». Сделаны выводы о том, что не все результаты рассмотренной законотворческой деятельности Южной Кореи в силу их своеобразия могут быть распространены и использованы при совершенствовании российского законодательства. Однако отдельные приёмы законодательного решения проблем противодействия преступным мошенническим деяниям в сфере публичных закупок, безусловно, небесполезны и для России. В частности, интерес для развития российского законодательства могут представлять отдельные приёмы юридической техники – к примеру, широкое установление законодательного запрета на осуществление разнообразных действий мошеннического характера в сфере закупочной деятельности, вплоть до признания таких действий уголовно-наказуемыми. Авторам представляется любопытным и установление в санкциях законодательных норм Республики Корея строгих видов и размеров наказания за преступное воспрепятствование проведению аукциона или торгов, которые в сочетании с реальным назначением сурового наказания дают возможность эффективно противодействовать мошенническим проявлениям в сфере публичных закупок.

Ключевые слова: уголовное законодательство стран Азиатско-Тихоокеанского региона, законодательство Республики Корея, уголовное право Республики Корея, уголовный кодекс Республики Корея, мошенничество, мошенничество в сфере публичных закупок, публичные закупки, электронные закупки, воспрепятствование торгам, сговор на торгах, подделка документов.

Tatyana B. Basova¹, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: basova.tb@dvfu.ru

Anton P. Gudkov², Investigation Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Magadan Region, Magadan, Russia

E-mail: an_gudkov@rambler.ru

**CRIMINAL FRAUD
IN THE SPHERE OF PUBLIC PURCHASING:
LEGISLATIVE EXPERIENCE OF THE REPUBLIC OF KOREA**

Abstract. The sphere of procurement of goods, works, and services to meet state and municipal needs in Russia suffers from widespread fraudulent activities. Despite the fact that some countries of the Asia-Pacific region have accumulated a wealth of experience in legal counteraction to criminal fraud in the field of public procurement, in our country it has not been sufficiently studied yet. The article examines the legislative experience of the Republic of Korea in countering the criminal manifestations of fraud in the field of public procurement. A legal analysis of the norms of certain legislative acts of the Republic of Korea, which presents responsibility for criminal acts in the field of public procurement, is carried out. Particular attention is paid to the crime stipulated by Article 315 of the Criminal Code of the Republic of Korea "Obstruction of an auction or auctions." The position of the judicial authorities of the Republic of Korea in the assessment of some of this dangerous crime is presented. The specificity of the legislative regulation of liability for criminal acts in the field of public procurement has been revealed. Analysis of the legislative experience of the Republic of Korea in combating fraud in the implementation of procurement activities by state or municipal authorities is followed by the conclusion that legislation to combat the designated criminal manifestations is developing in this country "in step with the times". It is concluded that not all results of the considered legislative activity of South Korea, due to their originality, can be disseminated and used in the improvement of Russian legislation. However, certain methods of legislative solution of the problems of combating criminal fraudulent acts in the field of public procurement can be applied in Russia. In particular, certain methods of legal technique may be of interest for the development of Russian legislation - for example, the broad establishment of a legislative ban on the implementation of various fraudulent actions in the

¹ Tatyana B. Basova, Doctor of Law, Professor, Chair of Criminal Law, Law School of Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

² Anton P. Gudkov, Investigator for Particularly Important Cases of the Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Magadan Region, Russia, Magadan, Russia.

For citing: Basova T. B., Gudkov A. P. Criminal Fraud in the Sphere of Public Purchasing: Legislative Experience of the Republic of Korea // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2020. No. 4. P. 138–151. DOI <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-4/138-151>.

field of procurement, up to the recognition of such actions as criminal offenses. The authors also consider the establishment in the sanctions of the legislative norms of the Republic of Korea of strict types and sizes of punishment for criminal obstruction of an auction or auctions, which, in combination with the real imposition of severe punishment, make it possible to effectively counteract fraudulent manifestations in the field of public procurement.

Keywords: Asia Pacific criminal law, Republic of Korea law, Republic of Korea criminal law, Republic of Korea criminal code, fraud, public procurement fraud, public procurement, e-procurement, obstruction of bidding, bid rigging, document forgery.

В условиях глобализации современного мира, когда преступность обретает транснациональный характер, возникает необходимость в отыскании новых ресурсов, которые позволят более эффективно противодействовать этому негативному явлению. Представляется, что таким источником для России может стать законодательный опыт зарубежных государств. Исследование уголовного законодательства различных стран не только способствует развитию уголовно-правовой доктрины, но и предоставляет дополнительные возможности для совершенствования отечественного уголовного закона. Это послужило тому, что в последние годы учёные активно исследуют особенности уголовного зарубежного законодательства, хотя не все аспекты уголовно-правового регулирования общественных отношений освещены в специальной литературе в достаточной мере.

В частности, сфера закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд в России страдает от широко распространяющихся мошеннических действий. Несмотря на то, что в отдельных странах Азиатско-Тихоокеанского региона накоплен богатый опыт законодательного противодействия преступному мошенничеству в сфере публичных закупок, в нашей стране он пока изучен недостаточно. Весомый законотворческий багаж по интересующей нас проблеме имеет Республика Корея – «...высокоразвитое и цивилизованное государство Дальневосточного региона, имеющее солидный опыт административного обеспечения устойчивого и поступательного социально-экономического развития общества» [1, с. 23].

Уголовное законодательство Республики Корея представляет собой систему нормативных правовых актов, которая складывается из уголовного кодекса (*хён боп чжон*) и специальных уголовных законов, регулирующих отдельные вопросы ответственности за преступные посягательства. Таких законодательных актов, по оценкам специалистов, насчитывается около двухсот [см. подробнее: 2, с. 88].

Законодательными актами, в которых содержатся нормативные предписания по противодействию мошенничеству в сфере публичных закупок, выступают:

- Уголовный кодекс Республики Корея (Закон № 293 от 18 сентября 1953 г.) [3];
- Закон о регулировании монополий и справедливой торговле (Закон № 4198 от 13 января 1990 г.) [4];
- Закон о государственных закупках (Закон № 4697 от 05 января 1994 г.) [5];
- Закон о государственных контрактах (Закон № 4868 от 05 января 1995 г.) [6];
- Закон о муниципальных контрактах (Закон № 7672 от 4 августа 2005 г.) [7];
- Закон об использовании и продвижении электронных закупок (Закон № 11631 от 22 марта 2013 г.) [8].

Первым из нормативно-правовых актов, в котором был регламентирован запрет на противоправное поведение в виде различных мошеннических действий в сфере публичных закупок в Республике Корея, можно считать Закон о регулировании монополий и справедливой торговле (Закон № 4198 от 13 января 1990 г.), который, по сути, является своего рода корейским экономическим законом. Как определено в статье 1 данного Закона, он поощряет творческую деловую деятельность и защищает потребителей, предотвращая злоупотребление доминирующим положением на рынке бизнес-операторов и концентрацию чрезмерной экономической власти, а также содействует справедливой и свободной конкуренции путём регулирования недобросовестной совместной и недобросовестной торговой деятельности [4]. В целях совершенствования закона в течение тридцати лет его действия было внесено множество поправок. Это вполне объяснимо: в стране «утренней свежести» постоянно развивается экономическая среда, изменяются её рыночные условия, а также возрастает социальный спрос на справедливую экономику.

Из интересующих нас нормативных установлений следует обратиться к статье 23 Закона № 4198, в которой содержатся предписания о запрете обозначенных действий, способных помешать справедливой торговле. Подобные действия расцениваются законодателем как «недобросовестная торговая практика» (к примеру, совершение сделки через связанную сторону или другую компанию, действующую в качестве посредника, которая не играет практической роли в сделке, несмотря на то, что совершение такой сделки с другим хозяйствующим субъектом является существенно выгодным).

Развитие в Южной Корее института государственных закупок потребовало решения вопросов эффективной реализации закупочной деятельности в публичной сфере. С целью урегулирования таких вопросов был принят Закон о государственных закупках (Закон № 4697 от 05 января 1994 г.) [5]. А спустя год в целях содействия беспрепятственному исполнению сделок с участием государства был принят другой законодательный акт – Закон о государственных контрактах (Закон № 4868 от 05 января 1995 г.) [6].

В соответствии с п. 3 статьи 5 первого из названных законов Комиссар Службы государственных закупок наделён правом принять необходимые меры в виде

отмены объявления победителя торгов, аннулирования или прекращения контракта в случаях, когда подрядчики вступили в сговор о цене предложения путём консультаций между собой в процессе конкурентных торгов либо выставили для победы в торгах определённое лицо.

17 января 2017 г. Закон о государственных закупках был дополнен новой статьёй – 9-3 (Расследование недобросовестной закупки товаров), в которой законодательно оформлены полномочия Комиссара службы государственных закупок по противодействию случаям, когда при закупке товаров спроса были использованы недобросовестные методы (к примеру, имели место подделка или фальсификация документов, связанных с торгами, контрактом, проверкой поставки; либо участником торгов или партнёром по контракту были представлены фальшивые документы и т.п.).

Упомянутый выше Закон о государственных контрактах (Закон № 4868 от 05 января 1995 г.) нацелен на урегулирование основных вопросов, связанных с заключением контрактов государством с различными партнёрами (ими могут выступать как иностранные лица, так и граждане Республики Корея).

На противодействие мошенничеству в сфере публичных закупок в Республике Корея направлены требования, изложенные в статье 5-2 (Соглашение о добросовестности) рассматриваемого закона. Учитывая, что в содержание этой статьи «Закона о государственных контрактах» многократно вносились изменения (последняя редакция уточнена Законом № 17339 от 9 июня 2020 г.), можно предположить, что государство уделяет особое внимание этим правовым установлениям.

В соответствии с частью 1 упомянутой статьи 5-2 в целях повышения прозрачности и справедливости при заключении контрактов с государством глава каждого центрального правительственного офиса или уполномоченные должностные лица по контракту предлагают тем, кто принимает участие в подготовке заявки, проведении аукциона, подписании (выполнении) контракта заключить так называемое «соглашение добросовестности». В соответствии с этим договором подписант обязуется вести себя честно, прямо или косвенно не нарушать запрет на подкуп в целях победы на торгах, аукционе определённого лица. В случае нарушения условий «соглашения добросовестности» соответствующее выигравшее предложение может быть отменено либо контракт может быть аннулирован или расторгнут, если это не противоречит установлениям законов. Подробно детали контракта о добросовестности и процедура его подписания определяются Указом Президента Республики Корея (часть 2 статьи 5-2 Закона о государственных контрактах).

Если же всё же «соглашение добросовестности» не срабатывает, то в соответствии со статьёй 27 рассматриваемого «Закона о государственных контрактах» недобросовестные предприниматели подлежат ограничению на участие в торгах. К примеру, такому ограничению на срок до двух лет может подлежать:

– лицо, которое вступило в сговор о цене предложения, объёме заказа или содержании контракта путём консультаций с другим лицом в процессе конкурентных торгов, либо согласилось выбрать успешное предложение или выставило для победы в торгах определённое лицо;

– лицо, которое наносит ущерб государству в процессе подписания или исполнения торгов, аукциона или контракта посредством мошенничества или других незаконных действий;

– лицо, в отношении которого уже имеется запрос от Комиссии по справедливой торговле об ограничении участия в торгах по причине нарушения им «Закона о монопольном регулировании и справедливой торговле» или других законов;

– лицо, давшее взятку Центральному комитету по рассмотрению технологий строительства, Специальному комитету по рассмотрению технологий строительства, Техническому консультативному комитету и другим членам комитетов, предусмотренных Указом Президента;

– лицо, которое воспрепятствует честному проведению конкурса (к примеру, путём подделки либо фальсификации документов, необходимых для проведения торгов или заключения контрактов);

– лицо, поведение которого признано неприемлемым для участия в торгах (к примеру, в связи с нарушением других законов).

Судебные органы Республики Корея имеют достаточно солидную практику рассмотрения дел об обжаловании приговоров лицами, в отношении которых установлено ограничение на участие в торгах. Рассматривая одно из таких дел в отношении взяткодателя, право которого на участие в торгах было ограничено, Административный Суд Сеула указал в принятом акте: «Цель ограничения права недобросовестных сторон на участие в торгах в соответствии с пунктом 1 статьи 27 Закона о государственных контрактах состоит в том, чтобы исключить тех, кто участвует в честных торгах и в результате разнообразных нарушений порядка заключения контракта всё же заключает его с государством. Это сделано для обеспечения реализации и предотвращения неблагоприятных последствий для государства. Акт взяточничества нарушает порядок заключения и выполнения контрактов о государственных закупках, увеличивает вероятность финансовых потерь страны и вызывает общественный резонанс. Поскольку поведение лица расценивается опасным преступлением, то принятое решение по этому делу нельзя признать суровым. Не противоречит оно и принципу соразмерности совершённого преступления» [9].

В соответствии с Указом Президента страны ограничить право на участие в торгах лица (хозяйствующего субъекта), которое уличено в мошеннических действиях, предоставлено главе любого центрального офиса. Должностное лицо, устанавливающее такое ограничение, обязано раскрыть его содержание, как то преду-

смотрено в соответствующем Указе главы государства. Кроме того помимо ограничения права недобросовестного хозяйствующего субъекта принимать участие в тендерных процедурах закон предусматривает и возможность наложения на такое лицо штрафа в различном размере, предусмотренном статьёй 27-1 «Закон о государственных контрактах». Процедура наложения штрафа урегулирована законом (статья 27-3 названного закона) и осуществляется Комитетом, уполномоченным назначить такое наказание.

С принятием рассмотренного Закона о государственных закупках развитие института публичных закупок в Южной Корее не завершилось. Нормативное урегулирование закупочной деятельности в публичной сфере продолжилось, и 4 августа 2005 г. был принят Закон о муниципальных контрактах (Закон № 7672) [7], целью которого является определение основных вопросов, связанных с контрактами, в которых в качестве одной из сторон выступают органы местного самоуправления. Закон призван помочь беспрепятственно выполнять муниципальные контракты.

При конструировании этого закона были использованы схожие приёмы юридической техники, с помощью которых был создан уже апробированный на практике Закон о государственных контрактах.

В частности, в целях повышения прозрачности и справедливости контрактов в соответствии со статьёй 6-2 Закона о муниципальных контрактах глава местного правительства или подрядчик должен требовать от участников торгов или других сторон заключаемых контрактов оформить письменное обязательство о честности. Согласно этому документу подписант брал на себя обязательства, к примеру, не воспрепятствовать в любой форме свободной конкуренции в тендерах.

В рассматриваемом законе установлены ограничения квалификации на участие в торгах недобросовестных предпринимателей (статья 31 Закона № 7672). Глава органа местного самоуправления или другое наделённое соответствующими полномочиями лицо вправе ограничить участие в тендерах отдельных указанных в законе лиц на срок до двух лет. Законодатель именует таких лиц как «несправедливые предприниматели». К ним, к примеру, причислены:

– лицо, которое заранее согласовывает цену тендерной заявки, сумму заказа, содержание контракта или другие вопросы с участниками тендера или другой стороной контракта или вступает в сговор для принятия тендера конкретного лица или выбора предмета поставки товаров в процесс конкурса, заключения или исполнения контракта;

– лицо, которое причиняет вред органам местного самоуправления в связи с проведением торгов или принятием торгов либо заключением или исполнением контракта путём обмана или других ненадлежащих действий;

– лицо, которое предложило деньги или другие финансовые выгоды соответствующему государственному должностному или другому уполномоченному лицу

в связи с проведением торгов или принятием торгов либо заключением или исполнением контракта;

Предусмотрено ограничение квалификации на участие в тендерах и в отношении лиц, которые прямо обозначены в соответствующем Указе Президента страны (к примеру, лицо, которое может помешать честному проведению конкурса путём подделки или фальсификации документов, относящихся к торгам или контракту, или препятствуя проведению торгов или контракта).

Законом № 16042 от 24 декабря 2018 г. в пункт 6 статьи Закона о муниципальных контрактах были внесены уточнения в части определения сроков давности на применение ограничения квалификации, которыми обязан руководствоваться глава органа местного самоуправления. Вместе с тем глава органа местного правительства вправе вместо ограничения квалификации на участие несправедливых предпринимателей взыскать штраф, размеры которого установлены в статье 31-2 Закона о муниципальных контрактах № 7672.

Принятие Закона о государственных закупках от 05 января 1994 г. и Закона о государственных контрактах от 05 января 1995 г. послужило тому, что 29 декабря 1995 г. Уголовный кодекс Республики Корея [3] был дополнен новой главой XXXIV «Преступления, связанные с кредитованием, коммерческой деятельностью и аукционом».

Анализ этой главы уголовного закона Южной Кореи показывает, что в трёх её статьях предусмотрена ответственность за разнообразные действия в обозначенной сфере. Научный интерес в рамках настоящей публикации представляет статья 315 (Воспрепятствование проведению аукциона или торгов) данного законодательного акта, в которой обозначено: «Лицо, которое препятствует беспристрастному проведению аукциона или торгов обманным путём, угрозой применения силы или другими средствами, подлежит наказанию в виде тюремного заключения на срок не более двух лет или штрафа в размере не более семи миллионов вон».

Возникает вопрос: почему южнокорейский законодатель не ограничился правовыми нормами, в которых уже был определён административный запрет на противоправные действия мошеннического характера при осуществлении публичных закупок и заключении государственных контрактов, и установил уголовную ответственность за воспрепятствование проведению аукциона или торгов? Ответ на этот вопрос можно отыскать в многочисленных судебных прецедентах Верховного суда Республики Корея, в которых рефреном звучит постулат: нарушение справедливости торгов создаёт состояние, при котором велика опасность блокирования справедливой свободной конкуренции [см., напр.: 10].

Судебные органы разных уровней в Южной Корее уделяют большое внимание толкованию признаков преступления, предусмотренного ст. 315 Уголовного кодекса. Так, когда виновный препятствует беспристрастному проведению аукциона или

торгов он, по мнению Верховного суда, неосновательно влияет на формирование справедливых цен, как это происходит при честной свободной конкуренции, а помимо этого подобное поведение наносит существенный вред законным и справедливым методам конкуренции [см., напр.: 11].

В качестве приёма юридической техники при конструировании рассматриваемого преступления корейский законодатель использовал способ осуществления деяния в качестве конструктивного признака. При квалификации содеянного по статье 315 УК РК надлежит установить, что воспрепятствование проведению аукциона или торгов должно непременно осуществляться путём обмана, угрозы применения насилия или путём использования других средств. Изучение материалов судебной практики, опубликованной в открытой печати на официальных сайтах судебных органов Республики Корея, показывает: толкование конститутивных способов осуществления рассматриваемого преступления вызывает затруднения при применении закона. В частности, возникает вопрос: требуется ли при квалификации содеянного устанавливать, что «виновник» воспрепятствования проведению торгов, неосновательно оказывая влияние на формирование справедливых цен, должен ещё и причинить реальный ущерб законным методам честной свободной конкуренции? На данный вопрос в одном из своих постановлений Верховный суд даёт отрицательный ответ: «...воспрепятствование беспристрастному проведению аукциона или торгов – это уголовное преступление, которое возникает тогда, когда процессу торгов наносится ущерб обманным путём, угрозой применения силы или другими средствами, но это не означает, что законным и справедливым методам конкуренции причиняется реальный вред. В этом случае лишь создаётся угроза нарушения деятельности компании» [см., напр.: 11].

Не оставляют суды Южной Кореи без внимания и вопрос о возможности покушения на преступление, предусмотренное ст. 315 УК РК. Поднимается он в связи с широко используемым в судебных постановлениях выражением «нанесение ущерба справедливости торгов». В результате истолкования этой нормы Верховный суд по данному вопросу занял вполне определённую позицию: ущерб как последствие справедливости торгов не имеет реального выражения, а лишь вызывает состояние страха перед вмешательством в справедливую свободную конкуренцию, а потому покушение на воспрепятствование проведению аукциона или торгов невозможно и соответственно уголовно не наказуемо [см. подробнее: 12].

Исследуя законотворческий опыт Республики Корея, посвящённый противодействию преступному мошенничеству в сфере публичных закупок, нельзя обойти вниманием ещё один законодательный акт – «Закон об использовании и продвижении электронных закупок» (Закон № 11631 от 22 марта 2013 г.) [8]. Основной целью настоящего закона является обеспечение безопасности, надёжности и справедливости закупочной деятельности. Во исполнение данной цели законодатель определяет в статье 19 запрет на вмешательство в работу службы электронных закупок:

(1) Никто не должен вмешиваться в работу службы электронных закупок путём введения ложной информации или мошеннических заказов в систему электронных закупок.

(2) Никто не должен подделывать или изменять какой-либо электронный документ или любую другую связанную информацию, которая хранится в системе электронных закупок, либо использовать какую-либо поддельную или изменённую информацию.

Лица, которые нарушили запрет, обозначенный в статье 19 Закона об использовании и продвижении электронных закупок, подлежат уголовной ответственности, и в соответствии с требованиями, установленными в части 1 статьи 27 данного закона, им грозит наказание в виде тюремного заключения на срок до 10 лет или штрафа в размере до 100 миллионов вон.

В соответствии с частью 2 статьи 27 рассматриваемого закона уголовно наказуемым законодатель признаёт и покушение на любой преступный запрет на вмешательство в работу службы электронных закупок, предусмотренный частью 1 данной статьи.

Несмотря на то, что Закон об использовании и продвижении электронных закупок принят в Республике Корея сравнительно недавно, он активно применяется, о чём свидетельствует опубликованная судебная практика [см., напр.: 13].

Такова специфика законодательной регламентации ответственности за преступные деяния в сфере публичных закупок в «Законе об использовании и продвижении электронных закупок» Республики Корея.

В завершении юридического анализа правовых норм, которые отражают законодательский опыт Республики Корея, направленный на противодействие мошенничеству при осуществлении закупочной деятельности государственными или муниципальными органами, отметим, что законодательство по борьбе с различными преступными проявлениями при осуществлении закупочной деятельности в публичной сфере развивается в этой стране «в ногу со временем».

Конечно, не все результаты рассмотренной законодательской деятельности Южной Кореи в силу их своеобразия могут быть распространены и использованы при совершенствовании российского законодательства.

Однако отдельные приёмы законодательного решения проблем противодействия преступным мошенническим деяниям в сфере публичных закупок, безусловно, бесполезны для нас. В частности, интерес для развития российского законодательства могут представлять отдельные приёмы юридической техники – к примеру, широкое установление законодательного запрета на осуществление разнообразных действий мошеннического характера в сфере закупочной деятельности, вплоть до признания таких действий уголовно-наказуемыми.

Любопытным представляется и установление в санкциях законодательных норм Республики Корея строгих видов и размеров наказания за преступное воспре-

пятствование проведению аукциона или торгов, которые в сочетании с реальным назначением сурового наказания дают возможность эффективно противодействовать мошенническим проявлениям в сфере публичных закупок.

Список литературы

1. Басова, Т. Б. Подкуп как служебное преступление в Республике Корея: законодательное противодействие / Т. Б. Басова, А. А. Мальцев // *Международное публичное и частное право*. – 2019. – № 6. – С. 22–26.
2. Коробеев, А. И. Уголовное законодательство Республики Корея / А. И. Коробеев, А. А. Мальцев // *Уголовное законодательство России и стран АТР: компаративное исследование : монография / отв. ред. А. И. Коробеев*. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. – С. 88–117.
3. Criminal Act : Act No. 293, Sep. 18, 1953 : Act No. 15163, Dec. 12, 2017, Partial Amendment. – URL: <http://elaw.klri.re.kr/> (дата обращения: 10.08.2020).
4. Monopoly Regulation and Fair Trade Act. Act No. 4198, Jan. 13, 1990 : Act No. 15014, Oct. 31, 2017, Partial Amendment. – URL: https://elaw.klri.re.kr/kor_service/lawView.do?lang=ENG&hseq=45954&joseq=JO0002000 (дата обращения: 10.08.2020).
5. Government Procurement Act : Act No. 4697, Jan. 5, 1994 : Act No. 14526, Jan. 17, 2017, Partial Amendment. – URL: https://elaw.klri.re.kr/kor_service/lawView.do?lang=ENG&hseq=41998 (дата обращения: 10.08.2020).
6. Act on Contracts to Which the State Is a Party : Act No. 4868, Jan. 5, 1995 : Act No. 15219, Dec. 19, 2017, Partial Amendment. – URL: https://elaw.klri.re.kr/kor_service/lawView.do?lang=ENG&hseq=46373 (дата обращения: 10.08.2020).
7. Act on Contracts to Which a Local Government Is a Party : Act No. 7672, Aug. 4, 2005 : Act No. 16042, Dec. 24, 2018, Partial Amendment. – URL: https://elaw.klri.re.kr/kor_service/lawView.do?lang=ENG&hseq=49565&joseq=JO0009000 (дата обращения: 10.08.2020).
8. Electronic Procurement Utilization and Promotion Act : Act No. 11631, Mar. 22, 2013 : Act No. 16107, Dec. 31, 2018, Partial Amendment. – URL: https://elaw.klri.re.kr/eng_service/lawView.do?hseq=49673&lang=ENG&joseq=JO0026000&searchTxt=procurement%20fraud (дата обращения: 10.08.2020).
9. Решение Административного суда Сеула 57587 от 26 августа 2014 г. – URL: [https://glaw.scourt.go.kr/wsjo/panre/sjo100.do?bubNm=%EC%84%9C%EC%9A%B8%ED%96%89%EC%A0%95%EB%B2%95%EC%9B%90&saNo=2013%EA%B5%AC%ED%95%A957587&panreGajiNo=00#//](https://glaw.scourt.go.kr/wsjo/panre/sjo100.do?bubNm=%EC%84%9C%EC%9A%B8%ED%96%89%EC%A0%95%EB%B2%95%EC%9B%90&saNo=2013%EA%B5%AC%ED%95%A957587&panreGajiNo=00#/) (дата обращения: 10.08.2020). – На корейск. яз.
10. Постановление Верховного суда Сеула 2014 Nu61639 2014 г. от 18 августа 2015 г. – URL: <https://glaw.scourt.go.kr/wsjo/panre/sjo100.do?contId=2241994> (дата обращения: 10.08.2020). – На корейск. яз.

11. Приговор Верховного суда 31 мая 2007 г. [Public 2007.7.1(277), 1004]. – URL: <https://glaw.scourt.go.kr/wsjo/panre/sjo100.do?bubNm=%EB%8C%80%EB%B2%95%EC%9B%90&saNo=2006%EB%8F%848070&panreGajiNo=00> (дата обращения: 10.08.2020). – На корейск. яз.

12. Приговор Верховного суда от 26 сентября 2003 г. [на основании постановления 3924]. – URL: <https://glaw.scourt.go.kr/wsjo/panre/sjo100.do?bubNm=%EB%8C%80%EB%B2%95%EC%9B%90&saNo=2002%EB%8F%843924&panreGajiNo=00> (дата обращения: 10.08.2020). – На корейск. яз.

13. Приговор Верховного суда Кванджу № 372 от 12 ноября 2015 г. – URL: https://glaw.scourt.go.kr/wsjo/panre/sjo100.do?contId=2214317&q=%EC%A0%84%EC%9E%90%20%EC%9E%85%EC%B0%B0%20%EC%82%AC%EA%B8%B0&nq=&w=panre§ion=panre_tot&subw=&subsection=&subId=2&csq=&groups=6,7,5,9&category=&outmax=1&msort=&onlycount=&sp=&d1=&d2=&d3=&d4=&d5=&pg=7&p1=&p2=&p3=&p4=&p5=&p6=&p7=&p8=&p9=&p10=&p11=&p12=&sysCd=WSJO&tabGbnCd=&saNo=&joNo=&lawNm=&hanjaYn=N&userSrchHistNo=&poption=&srch=&range=&daewbyn=N&smpryn=N&idgJyul=01&newsimyn=Y&tabId=0 (дата обращения: 10.08.2020). – На корейск. яз.

References

1. Basova T. B., Maltsev A. A. Podkup kak sluzhebnoe prestuplenie v Respublike Koreya: zakonodatel'noe protivodeistvie [Bribery as an official crime in the Republic of Korea: Legal counteraction]. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe parvo*, 2018, no. 2, pp. 41–45.

2. Korobeev A. I., Maltsev A. A. Ugolovnoe zakonodatel'stvo Respubliki Koreya [The criminal law of the Republic of Korea]. In: Korobeev A. I., ed. *Ugolovnoe zakonodatel'stvo Rossii i stran ATR: komparativnoe issledovanie : monografiya* [The criminal law of Russia and the Asia-Pacific countries: a comparative study: monograph]. Vladivostok: Far Eastern Univ. Publ., 2008, pp. 88–117.

3. *Criminal Act. Act No. 293, Sep. 18, 1953. Act No. 15163, Dec. 12, 2017, Partial Amendment*. Available at: <http://elaw.klri.re.kr/> (accessed 10 August 2020).

4. *Monopoly Regulation and Fair Trade Act. Act No. 4198, Jan. 13, 1990. Act No. 15014, Oct. 31, 2017, Partial Amendment*. Available at: https://elaw.klri.re.kr/kor_service/lawView.do?lang=ENG&hseq=45954&joseq=JO0002000 (accessed 10 August 2020).

5. *Government Procurement Act. Act No. 4697, Jan. 5, 1994. Act No. 14526, Jan. 17, 2017, Partial Amendment*. Available at: https://elaw.klri.re.kr/kor_service/lawView.do?lang=ENG&hseq=41998 (accessed 10 August 2020).

6. *Act on Contracts to Which the State Is a Party. Act No. 4868, Jan. 5, 1995. Act No. 15219, Dec. 19, 2017, Partial Amendment*. Available at:

https://elaw.klri.re.kr/kor_service/lawView.do?lang=ENG&hseq=46373 (accessed 10 August 2020).

7. *Act on Contracts to Which a Local Government Is a Party. Act No. 7672, Aug. 4, 2005. Act No. 16042, Dec. 24, 2018, Partial Amendment.* Available at: https://elaw.klri.re.kr/kor_service/lawView.do?lang=ENG&hseq=49565&joseq=JO0009000 (accessed 10 August 2020).

8. *Electronic Procurement Utilization and Promotion Act. Act No. 11631, Mar. 22, 2013. Act No. 16107, Dec. 31, 2018, Partial Amendment.* Available at: https://elaw.klri.re.kr/eng_service/lawView.do?hseq=49673&lang=ENG&joseq=JO0026000&searchTxt=procurement%20fraud (accessed 10 August 2020).

9. *Seoul Administrative Court sentenced on August 26, 2014, 2013 Guhap 5787 ruling.* Available at: <https://glaw.scourt.go.kr/wsjo/panre/sjo100.do?bubNm=%EC%84%9C%EC%9A%B8%ED%96%89%EC%A0%95%EB%B2%95%EC%9B%90&saNo=2013%EA%B5%AC%ED%95%A957587&panreGajiNo=00##> (accessed 10 August 2020). (In Korean).

10. *Seoul High Court sentenced on Aug. 18, 2015, 2014 No. 61639 ruling.* Available at: <https://glaw.scourt.go.kr/wsjo/panre/sjo100.do?contId=2241994> (accessed 10 August 2020). (In Korean).

11. *Supreme Court sentenced on May 31, 2007. Bid obstruction. Public 2007.7.1(277), 1004.* Available at: <https://glaw.scourt.go.kr/wsjo/panre/sjo100.do?bubNm=%EB%8C%80%EB%B2%95%EC%9B%90&saNo=2006%EB%8F%848070&panreGajiNo=00> (accessed 10 August 2020). (In Korean).

12. *Supreme Court sentenced on Sept. 26, 2003, 2002do 3924 ruling.* Available at: <https://glaw.scourt.go.kr/wsjo/panre/sjo100.do?bubNm=%EB%8C%80%EB%B2%95%EC%9B%90&saNo=2002%EB%8F%843924&panreGajiNo=00> (accessed 10 August 2020). (In Korean).

13. *Gwangju High Court 2015, Nov. 12 sentenced 2015 No. 372 ruling.* Available at: https://glaw.scourt.go.kr/wsjo/panre/sjo100.do?contId=2214317&q=%EC%A0%84%EC%9E%90%20%EC%9E%85%EC%B0%B0%20%EC%82%AC%EA%B8%B0&nq=&w=panre§ion=panre_tot&subw=&subsection=&subId=2&csq=&groups=6,7,5,9&category=&outmax=1&msort=&onlycount=&sp=&d1=&d2=&d3=&d4=&d5=&pg=7&p1=&p2=&p3=&p4=&p5=&p6=&p7=&p8=&p9=&p10=&p11=&p12=&sysCd=WSJO&tabGbnCd=&saNo=&joNo=&lawNm=&hanjaYn=N&userSrchHistNo=&poption=&srch=&range=&daewbyn=N&smpryn=N&idgJyul=01&newsimyn=Y&tabId=0 (accessed 10 August 2020). (In Korean).

Научное издание

АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН
Экономика, политика, право

Научный журнал

2020

№ 4

Главный редактор

А. И. Коробеев

Заместители главного редактора

В. В. Гаврилов, Н. В. Кузнецова, А. Ю. Мамычев

Ответственный секретарь

В. В. Короченцев

Председатель редакционного совета

С. Д. Князев

Редакционный совет

П. Я. Бакланов, В. Г. Белкин, Д. Вандерхзвааг, А. Я. Капустин,
А. С. Кошель, В. И. Курилов, Ли Ик Хён, Пак Ноенг, И. В. Панова,
И. И. Рогов, С. В. Севастьянов, О. Н. Третьяк, Фу Куенчен, Хуан Даосю

Редакционная коллегия

К. В. Арановский, Л. Ю. Вотинцева, Е. П. Жариков,
Н. Н. Коротких, В. А. Номоконов, С. К. Песцов

Редактор *Т. Л. Федотова*

Перевод на английский язык *Н. В. Бетанкурт*

Редактор References *Т. В. Поликарпова*

Компьютерная верстка *С. А. Прудкогляд*

Дата подписания в печать 19.01.2020.

Формат 70x100 1/16.

Усл. печ. л. 12,26. Уч.-изд. л. 10,41.

Тираж 500 экз. Заказ 022.

Цена свободная.

Издатель:

Дальневосточный федеральный университет
690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, кампус ДВФУ

Отпечатано в типографии Издательства
Дальневосточного федерального университета
690091, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10